UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00691597 9

A 256
33

1867

193.138.

397-6-104

1892.35.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

256
133

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. Щебальскаго

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Изданіе третье.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

LIBRARY
NOV 1915
UNIVERSITY OF TORONTO

DK
114
S43
1874
vyp. 4

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

I.

Характеръ Петрова царствованія въ сравненіи съ послѣдующими.—Неопредѣленность престолонаслѣдія.—Между сановниками образуются двѣ партіи: за великаго князя Петра и за императрицу.—Меншиковъ и Бассевичъ.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Екатерина провозглашена царствующею Государынею.—Награды и милости.—Подметныя письма и народные толки.—Верховный Совѣтъ и его начинанія.—Всеобщая распущенность.—Паденіе Ѳеодосія и происки приверженцевъ патріаршества.—Внѣшняя политика.—Виды на Курляндію и замыслы Меншикова.—Новыя партіи по поводу престолонаслѣдія.—Замыслы Толстаго, Девіера и пр.—Меншиковъ поддерживаетъ права великаго князя.—Завѣщаніе и смерть Екатерины (1727).

Со смертію Петра оканчивается тяжелая, но великая эпоха преобразованія. Кипучая дѣятельность преобразователя носилась надъ всею Русскою землею; всему давала жизнь, все приводило въ движеніе. Теперь мы увидимъ совсѣмъ другое. „Все остановилось, все заснуло“, читаемъ мы почти у всѣхъ современниковъ, писавшихъ объ эпохѣ послѣдовавшей за смертью Петра. До сихъ поръ мы говорили о дѣйствіяхъ правительства; о томъ какъ на эти дѣйствія смотрѣлъ народъ; что одобрялъ, чему не сочувствовалъ; видѣли, какъ завоевывались области, необходимыя для благоденствія Россіи; видѣли какъ сооружались флоты, какъ

проводились дороги и каналы, какъ строились гавани, какъ учреждались школы, фабрики и заводы. Въ теченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ вся дѣятельность, вся замѣтная жизнь, все видимое движеніе сосредоточиваются при дворѣ, обнаруживаются въ мелкихъ интригахъ, въ паденіи фаворитовъ, въ возвышеніи на ихъ мѣсто другихъ, безъ достаточныхъ причинъ какъ къ ихъ возвышенію, такъ и къ паденію ихъ.

Какъ скоро болѣзнь Государя начала грозить серьозною опасностью, возникъ трудный и щекотливый вопросъ о престолонаслѣдіи. Къ удивленію, ни одинъ русскій царь, ни одинъ законодатель, ни одинъ соборъ земскій не подумалъ о томъ что это важное дѣло, на которомъ утверждается спокойствіе цѣлой страны, требуетъ положительнаго закона. Правда, со времени Московскихъ великихъ князей, существовалъ обычай, что умершему государю наслѣдуетъ его старшій сынъ, который, въ свою очередь, передаетъ скипетръ и державу своему старшему сыну. Но обычай не законъ, хотя онъ былъ и очень силенъ въ древней Россіи; Іоаннъ III почелъ себя въ правѣ нарушить его, назначивъ себѣ преемникомъ еще при жизни своей, меньшаго сына, помимо старшаго (что впрочемъ имъ же отмѣнено). Хотѣлъ, говорятъ, нарушить этотъ обычай и царь Алексѣй, предполагая отдать престолъ меньшому изъ сыновей своихъ, Петру; нарушилъ его народъ Московскій, избравъ Петра помимо Іоанна; наконецъ нарушилъ, или, правильнѣе, вовсе отмѣнилъ его Петръ, издавъ манифестъ о томъ что царствующій государь воленъ назначить себѣ преемникомъ кого хочетъ (Вып. III гл. XXV). Издавая этотъ манифестъ, Петръ имѣлъ въ виду возвести на престолъ русскій того, кого онъ почелъ бы способнѣйшимъ продолжать начатое имъ дѣло,

даже и не изъ среды царскаго семейства: „лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный“ писалъ онъ царевичу Алексѣю, грозя лишить его наслѣдства. Цѣлью Петра, слѣдовательно, было упрочить установленный имъ государственный порядокъ; а между тѣмъ, этотъ манифестъ, окончательно убившій стародавній и еще уважаемый, хоть иногда и нарушаемый обычай, былъ причиною, какъ увидимъ, многихъ безпорядковъ.

Такъ какъ государь умиралъ, и наслѣдія своего, сколько было извѣстно, не завѣщалъ никому, то естественно, что всѣ, знавшіе его опасное положеніе, спрашивали, кто же будетъ государемъ? Составилась очень многочисленная партія за великаго князя Петра Алексѣевича; въ ней были всѣ болѣе или менѣе придерживавшіеся стороны его отца, стороны „старыхъ обычаевъ“ и не любившіе иностранцевъ: Лопухины, Салтыковы, Ромодановскіе, Долгоруковы, Голицыны, Апраксины, Репнинъ—одинъ изъ старѣйшихъ генераловъ Петровыхъ, много сенаторовъ, нѣсколько членовъ синода. Императрицу нѣкоторые предполагали заключить въ монастырь вмѣстѣ съ дочерьми, царицу же иноки-ню Евдокію призвать ко двору. Съ другой стороны, виновники смерти царевича Алексѣя, или, по крайней мѣрѣ, вліятельнѣйшіе изъ его судей, — Меншиковъ, Толстой, также люди искренно преданные Петровымъ идеямъ, не имѣвшіе связей съ партіею „старыхъ обычаевъ“ и ею не любимые: Ѳеофанъ Прокоповичъ и Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій Ягужинскій, Ушаковъ, Остерманъ и всѣ вообще иностранцы,—также сблизились между собой. Для ихъ цѣлей, для ихъ выгодъ, для выгодъ Россіи, какъ они ихъ понимали, единственно возможная преемница умирающему государю была Екатерина,—одна, которая, какъ можно было надѣять-

ся, стала бы поддерживать систему преобразователя. Цесаревна Анна, выйдя замужъ за принца Голштинскаго, могла поддаться, какъ и ея женихъ, вліянію ловкаго Бассевича и окончательно подчинить Россію господству Нѣмцевъ, противъ которыхъ и то было много неудовольствія. Впрочемъ, какъ принцъ такъ и его министръ, сами не надѣясь составить партію въ свою пользу, примкнули къ сторонникамъ Екатерины, которая всею душою была расположена къ своему нареченному затю.

За нѣсколько часовъ до своей кончины, и чувствуя уже ея приближеніе, Петръ потребовалъ бумаги и перо, хотѣлъ написать послѣднюю свою волю, но ослабѣвшая рука его начертала нѣсколько невнятныхъ строкъ, въ которыхъ можно было разобрать лишь два слова: „отдайте все“.. Онъ позвалъ цесаревну Анну и силился что-то сказать ей, но шепота его не возможно былъ разслышать.

Эти оставшіяся неразгаданными слова, этотъ невнятный шепотъ умирающаго относились безъ сомнѣнія къ вопросу о престолонаслѣдіи, но они не разрѣшали его. Бассевичъ пытался объяснить ихъ въ смыслѣ благопріятномъ невѣстѣ своего герцога, но объясненію его никто не придавалъ серіознаго значенія.

Такимъ образомъ вопросъ, кто будетъ править Россіей, остался не разрѣшеннымъ. Между тѣмъ приверженцы какъ великаго князя, такъ и императрицы ѣздили изъ дома въ домъ, суетились, совѣщались; ихъ слуги и адъютанты толпились въ переднихъ комнатахъ и на лѣстницѣ дворца, ожидая перваго извѣстія о смерти государя, чтобы съ извѣстіемъ этимъ скакать къ пославшимъ ихъ. Толстой облетѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ могъ надѣяться привлечь на сторону Екате-

рины. Меншиковъ велѣлъ перевезти государственную казну въ крѣпость, комендантъ которой былъ ему вполнѣ преданъ. Одинъ за другимъ въ теченіи этой ночи перебывали у него важнѣйшіе сановники изъ числа тѣхъ на расположеніе которыхъ онъ разсчитывалъ. Начальникъ Преображенскаго полка, старый генералъ Бутурлинъ, большая часть военныхъ офицеровъ, на которыхъ Меншиковъ, какъ фельдмаршалъ и гвардіи полковникъ, имѣлъ, разумѣется, большое вліяніе, обѣщали ему свое содѣйствіе.

Императрица, пишутъ, находилась безотлучно у постели умирающаго; но чтобъ она не знала о стараніяхъ своихъ приверженцевъ, равно какъ и противниковъ, это невѣроятно. Какъ бы то ни было, Бассевичъ, осторожно отворивъ дверь въ скорбный покой, вызвалъ ее оттуда, и предупредилъ объ угрожающей ей опасности: „На васъ возложена корона,—сказалъ онъ ей,—не для того, чтобы плакать, а чтобы царствовать“. За тѣмъ онъ ввелъ ее въ комнату, гдѣ были собраны значительнѣйшіе изъ ея приверженцевъ. Обратясь къ присутствующимъ, она, въ короткихъ словахъ, представила. что десятилѣтнему ребенку царствовать въ такія трудныя времена невозможно, и что принимая корону русскую, она для него же, великаго князя, желаетъ сохранить ее. На обѣщанія при этомъ были щедры. Привлеченный этими средствами, Ѳедосій первый присягнулъ стоять за Екатерину; за нимъ и остальные.

Съ другой стороны, какъ только по дворцу промчалась вѣсть о государевой кончинѣ, адъютанты и челядинцы, наполнявшіе дворцовыя переднія, поспѣшили разнести эту вѣсть тѣмъ, отъ которыхъ были присланы, и скородворецъ сталъ наполняться сановниками. Они входили смущенные, озобоченные: но видя, что боль-

шинство ихъ принадлежитъ къ одной партіи,—къ партіи великаго князя Петра,—они видимо ободрились, и лица ихъ приняли торжествующее выраженіе. За то, съ другой стороны, небольшое число людей, принадлежавшихъ къ приверженцамъ Екатерины, какъ напримѣръ Ягужинскій, чувствовали себя въ весьма неловкомъ положеніи. Но вотъ дверь въ боковую комнату тихонько отворилась, и изъ нея вышелъ Бассевичъ, встрѣченный недружелюбными взглядами присутствующихъ. Не смущаясь, однако, этимъ, онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ собраніе, и замѣтивъ Ягужинскаго, прижавшагося въ уголокъ, развязно подошелъ къ нему и сообщилъ ему въ полголоса, что важнѣйшіе сановники государства уже присягнули Екатеринѣ; что гвардія на ея сторонѣ, а государственная казна въ ея рукахъ. Вообще, сказалъ онъ: „у насъ гораздо болѣе приверженцевъ, нежели полагаютъ; вы можете сообщить объ этомъ вашимъ друзьямъ и посовѣтовать имъ пристроиться къ намъ, если они дорожатъ своими головами“. Ягужинскій видимо просіялъ отъ этихъ словъ, и поспѣшилъ передать ихъ своему тестю, графу Головкину; тотъ шепнулъ еще кое-кому, и въ нѣсколько мгновеній извѣстіе облетѣло всю залу. Бассевичъ съ торжествующею улыбкой слѣдилъ за впечатлѣніемъ, произведеннымъ его словами, и когда замѣтилъ, что они сдѣлались извѣстны всему собранію, подошелъ къ окну и сдѣлалъ какой-то знакъ головою: это было сигналомъ, на который немедленно отвѣтствовалъ барабанный бой двухъ гвардейскихъ полковъ. „Что это значитъ?“ воскликнулъ Репнинъ, бывшій въ это время президентомъ военной коллегіи, „и кто смѣлъ распоряжаться войсками помимо меня?“

— „Я“, отвѣчалъ Бутурлинъ; „я сдѣлалъ это по при-

казанію всемилостивѣйшей Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны.“

Въ эту минуту, съ гордо-снисходительнымъ видомъ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ князь Меншиковъ, а вслѣдъ за тѣмъ и императрица, поддерживаемая герцогомъ Голштинскимъ. Отеревъ слезы и отвѣтивъ на безмолвные, холодные поклоны присутствующихъ снисходительнымъ наклоненіемъ головы, она сказала собранію, что согласно волѣ покойнаго государя, возложившаго на нее корону, она посвятитъ дни свои тяжкому труду правленія и будетъ стараться приготовить великаго князя такъ, чтобъ онъ сдѣлался достойнымъ того, кого теперь всѣ оплакиваютъ. На слова эти Меншиковъ отвѣтствовалъ, что столь важное объявленіе требуетъ зрѣлаго обсужденія, и просилъ позволенія удалиться для этого въ особую комнату. Присутствующіе перешли въ одинъ изъ сосѣднихъ покоевъ и заперли за собою дверь.

Приверженцы великаго князя Петра, видя что побѣда отъ нихъ ускользаетъ, пошли на сдѣлки: они предложили провозгласить государемъ Петра Алексѣевича, императрицѣ же поручить управленіе государствомъ до его совершеннолѣтія. Но это было отвергнуто. Обратясь къ кабинетъ-секретарю государеву, Макарову, Меншиковъ спросилъ: не оставилъ ли покойный императоръ какого-либо завѣщанія. Макаровъ отвѣчалъ, что не задолго до послѣдней поѣздки своей въ Москву, для коронованія Екатерины, государь разорвалъ при немъ, Макаровѣ, сдѣланное имъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ завѣщаніе и иногда послѣ того выражалъ намѣреніе составить новое, причемъ,—прибавилъ Макаровъ,—государь не разъ сказывалъ, что его на-

мѣренія въ этомъ отношеніи должны быть понятны для всякаго.

Макаровъ не сказалъ ничего положительнаго, но можно думать, что онъ намекалъ на коронованіе императрицы не безъ цѣли, приверженцы Екатерины, не безъ намѣренія конечно, старались въ послѣднее время придать этому обряду чрезвычайно знаменательное и важное значеніе. Люди противной партіи, выслушавъ слова Макарова, сказали, что они не видятъ ни въ чемъ ясно выраженной воли покойнаго государя, и нѣкоторые изъ нихъ замѣтили, что, за недостаткомъ положительныхъ въ этомъ отношеніи указаній, ничего не остается болѣе, какъ предоставить рѣшеніе важнаго занимающаго всѣхъ вопроса народу. Принять это предложеніе значило для приверженцевъ Екатерины потерять всякую вѣроятность видѣть ее на престолѣ.

Тогда выступилъ ловкій Ѳеофанъ Прокоповичъ. Воля покойнаго императора, замѣтилъ онъ, высказывалась не разъ довольно положительнымъ образомъ; во время послѣдняго пребыванія двора въ Москвѣ, именно наканунѣ торжества коронованія императрицы, государь съ нѣсколькими преданнѣйшими ему слугами проводилъ вечеръ у одного англійскаго негоціанта и тамъ положительно выразилъ, что возлагаетъ корону на супругу свою съ тѣмъ, чтобы вѣнчанная императрица, въ случаѣ бездѣтной смерти, наслѣдовала ему. Ссылаюсь въ этомъ, заключилъ Ѳеофанъ, на всѣхъ тогда присутствовавшихъ, и между прочимъ на великаго канцлера. Смущенный Головкинъ отвѣтилъ нерѣшительнымъ наклоненіемъ головы, а Меншиковъ поспѣшилъ воскликнуть: „Какого же еще другаго удостовѣренія намъ надо? вотъ словесно выраженная воля и

завѣщаніе нашего государя и благодѣтеля. Первѣйшіе сановники свѣтскаго и духовнаго чина засвидѣтельствовали намъ ихъ; можемъ ли имъ не вѣрить?... Вѣримъ вамъ, отцы и братья, и восклицаемъ: *Да здравствуетъ императрица Екатерина!*“ Смѣлое рѣшительное движеніе обыкновенно увлекаетъ въ подобныхъ случаяхъ: нѣсколько голосовъ повторило восклицаніе Меншикова; ни одинъ не осмѣлился возвыситься для протеста.

Такъ совершилось вступленіе на престолъ Екатерины I подробно описанное участниками этого дѣла, Басвичемъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Принявъ привѣтствія бывшихъ на лицо сановниковъ, новая императрица подошла къ окну, чтобы показаться выстроенной вокругъ дворца гвардіи и толпившемуся народу. Пригоршни мелкаго серебра полетѣли внизъ; народъ и гвардія закричали *ура*! Ввечеру былъ отпечатанъ манифестъ о вступленіи на престолъ новой государыни, и разосланъ во всѣ концы Россіи.

Избраніе было совершено. Екатерина безъ всякихъ потрясеній вступила на престолъ Рюриковичей и Романовыхъ. Опасались что воцареніе ея вызоветъ неудовольствіе въ Москвѣ; однако не случилось и этого. Какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ были лишь одиночныя не сочувственныя ей заявленія; такъ напримѣръ, одни говорили что она „не прямая царица“, другіе отказывались цѣловать ей крестъ, такъ какъ она женщина; пусть-де женщины и присягаютъ ей,—но нигдѣ не было и тѣни сопротивленія.

Тѣмъ не менѣе положеніе ея и ея правительства было фальшиво. Она была возведена усиліями Петровыхъ „птенцовъ“, ихъ ловкостью и находчивостью; но будутъ ли они въ состояніи поддержать ее противъ силь-

ной и многочисленной партіи родовитыхъ вельможъ? Въ состояніи ли будутъ удержаться они сами?... Мы видѣли что награды и обѣщанія играли не малую роль, когда дѣло шло о возведеніи Екатерины на престолъ; къ тому же средству прибѣгли и для того чтобъ упрочить ея положеніе. Гвардіи роздано было 50.000 рублей; Бутурлинъ, Ушаковъ и Девіеръ сдѣланы сенаторами; сенаторомъ же былъ сдѣланъ одинъ изъ членовъ знатной и многочисленной фамиліи *Долгоруковыхъ*; сынъ его опредѣленъ гофъ-юнкеромъ къ великому князю. Нѣсколько другихъ членовъ этой и другихъ знатныхъ фамилій получили награды и повышенія. Вообще новое правительство поспѣшило привлечь богатую и вліятельную знать. Михайло Голицынъ, старый ротный товарищъ Петра, командовавшій войсками въ Кіевѣ, и братъ его Дмитрій, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сенаторовъ, были осыпаны ласками и милостями, хотя новое правительство и не довѣряло имъ и даже опасалось ихъ.

Въ то же время вызваны были изъ изгнанія Шафировъ, издавна преданный императрицѣ, и ея ближайшій другъ, генеральша Балкъ; Меншикову даны новыя обширныя земли въ Малороссіи; Толстому тоже, многіе изъ тѣхъ, кто оказался полезнымъ, или кто казался опаснымъ, сдѣлавы кавалерами вновь учрежденнаго ордена св. Александра Невскаго. Наконецъ прощены были недоимки, уменьшены нѣкоторыя подати, помиловано большое число людей обвиненныхъ по суду.

При помощи такихъ мѣръ положеніе новаго правительства утвердилось; но что будетъ оно дѣлать далѣе? Какія мѣры приметъ къ возвышенію народнаго благосостоянія и народной славы? На это конечно никто изъ среды новаго правительства не могъ бы отвѣтить, потому что оно само было такъ сказать безъ кормила

Императрица была неспособна сдѣлаться государственнымъ кормчимъ по недостатку дарованій, свѣдѣній и привычки, и окружавшіе ее очень хорошо это знали, а потому они пришли къ остроумной впрочемъ мысли,— создать Верховную Власть, такъ какъ ея не было тамъ гдѣ слѣдовало бы ей находиться; они учредили верховный Тайный Совѣтъ (1726 г.) изъ нѣсколькихъ высшихъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ императрицы: сюда, какъ въ общій правительственный центръ, долженствовали стекаться всѣ важнѣйшія дѣла по внутреннему управленію и по иностраннымъ сношеніямъ. Много говорили объ этомъ учрежденіи, какъ только прошелъ о немъ первый слухъ; одинъ изъ иностранныхъ резидентовъ въ Петербургѣ писалъ своему двору, что это первый шагъ къ формѣ правленія, подобной англійской; въ Россіи тоже иные были не далеки отъ этой мысли, но другіе, напротивъ того, боялись, что верховный совѣтъ только усилитъ власть нѣсколькихъ временщиковъ. Сенатъ, не только первенствующее, но и „*правительствующее*“ при Петрѣ учрежденіе, былъ недоволенъ, что новое правительственное мѣсто будетъ выше его.

Какъ бы то ни было, Верховный Совѣтъ былъ учрежденъ и первыя засѣданія его были очень важны; въ этихъ засѣданіяхъ было обращено вниманіе на положеніе, въ которомъ находилась въ то время Россія, и положеніе это вообще признано было далеко неудовлетворительнымъ; указано было на существовавшія повсюду злоупотребленія, на недостатокъ правосудія, и на бѣдственное состояніе крестьянъ. За тѣмъ членамъ Совѣта было поручено составить предположенія о тѣхъ перемѣнахъ, которыя увеличили бы благосостояніе народа, умножили бы его богатство, изгнали бы неправду

изъ судовъ, прекратили бы побѣги крестьянъ и проч. Но на этомъ-то и споткнулся Верховный Совѣтъ. Онъ былъ довольно просвѣщенъ и проницателенъ, чтобы замѣтить существующее зло, открыть несовершенства въ дѣлахъ Петра Великаго, но когда дѣло дошло до того, чтобъ указать путь къ улучшеніямъ, — критики Петровы оказались несостоятельными и не могли придумать ничего, что заслуживало бы вниманія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они даже испортили Петровы законы. Такъ, напримѣръ, Петръ старался дать купечеству самостоятельность, а городамъ самоуправленіе, дозволивъ имъ избирать мѣстныя власти изъ своей среды, подчинивъ городскимъ магистратамъ полицію и т. п. Новые законодатели это уничтожили, находя, что подчиненіе городовъ губернаторамъ и воеводамъ доставятъ имъ со стороны этихъ послѣднихъ защиту и покровительство. Это могло быть и справедливо въ иныхъ случаяхъ; но тѣ, которые принимали на себя исправленіе Петровыхъ законовъ, забывали, что люди поставленные въ необходимость искать опоры и надѣяться на покровителей, едва ли станутъ заботиться о городскомъ хозяйствѣ и просвѣщеніи общественномъ; такіе люди предоставятъ эту заботу тѣмъ же покровителямъ. При Петрѣ нѣкоторыя должности, даже въ арміи, были замѣщаемы по выбору; теперь это было уничтожено по той причинѣ, что при такихъ выборахъ случались злоупотребленія. Но злоупотребленія неизбѣжны въ человѣческомъ обществѣ, особенно въ мало развитомъ,— а ничто такъ не воспитываетъ въ людяхъ, съ одной стороны, благороднаго честолюбія, а съ другой, сознанія долга, уваженія къ закону и повиновенія власти, какъ право избирать своихъ правителей. Верховный Совѣтъ замѣтилъ, что Петромъ Первымъ было устано-

влено слишкомъ много властей, содержаніе которыхъ обходилось государству дорого и замедляло дѣло. Это опять-таки могло быть справедливо; но сомнительно чтобы правосудіе выиграло отъ того, напримѣръ, что учрежденные Петромъ надворные суды были уничтожены и рѣшеніе тяжбъ было, по старинному, предоставлено воеводамъ и комендантамъ. Тяжба можетъ быть и точно разрѣшалась комендантомъ скорѣе, нежели судомъ, но справедливо ли? вотъ главный вопросъ. Судья, зная одно свое дѣло—судить,—конечно, можетъ лучше ознакомиться съ законами нежели комендантъ, который сегодня судитъ, а завтра взыскиваетъ недоимки или размѣщаетъ солдатъ по квартирамъ, который хозяйничаетъ, управляетъ, распоряжается и по этому самому очень часто принужденъ сегодня преслѣдовать человѣка, котораго завтра будетъ судить; возможно ли, чтобъ онъ сохранилъ въ такомъ случаѣ безпристрастіе?

Такимъ образомъ Верховный Тайный Совѣтъ нанесъ свою слабую, неискусную руку на дѣла Петра, и едва коснувшись ихъ, какъ будто почувствовалъ свою несостоятельность и остановился. Его строгая критика не произвела ничего положительнаго, ничего важнаго, оправдывая старинную французскую поговорку: la critique est aisée, mais l'art est difficile, *.

Сдѣлавши нѣсколько неудачныхъ попытокъ преобразованій, Совѣтъ успокоился и предался той апатіи, которая всюду воцарилась послѣ смерти Петра. „Россія похожа на корабль, у котораго кормчій и матросы покоятся глубокимъ сномъ“, писалъ одинъ изъ иностранныхъ посланниковъ, бывшихъ въ Россіи, своему двору. „Единственное дѣло, на которое обращено теперь

---

* Легче осуждать, чѣмъ самому дѣлать.

вниманіе,—доносилъ другой посланникъ, — это очищеніе казначейства. Впрочемъ и эта работа приходитъ къ концу.“ И точно, безпорядокъ былъ такъ великъ, что петербургское адмиралтейство однажды принуждено было для казенныхъ нуждъ занимать у генералъ-адмирала Апраксина собственныя его деньги.

Современники упоминаютъ и о другаго рода дѣятельности, которая стала обнаруживаться въ Петербургѣ. Эта дѣятельность была неменѣе плачевна; она состояла во взаимномъ истребленіи, которому предались бывшіе сотрудники Петра Великаго „птенцы Петровы“. Первою жертвой этого самоистребленія былъ первоприсутствующій членъ синода, архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій, много способствовавшій возведенію Екатерины на престолъ.

Ѳеодосій, который при Петрѣ Великомъ былъ однимъ изъ немногихъ епископовъ, поддерживавшихъ Петрову реформу въ управленіи духовенствомъ, невполнѣ однако сочувствовалъ ей; онъ только подчинялся волѣ Петра, зная что противиться ей опасно, а напротивъ, выгодно казаться горячимъ приверженцемъ реформы. Теперь обстоятельства измѣнились: лица, у власти стоявшія, обнаруживали разномысліе по многимъ важнымъ вопросамъ и между прочимъ по вопросу о церковномъ управленіи. Князь Дмитрій, Голицынъ, напримѣръ, желалъ бы возстановить патріаршее достоинство и духовенство, за немногими исключеніями, было на его сторонѣ.

Но кому же быть патріархомъ? Кому какъ не первенствующему члену Синода, какъ не ему, Ѳеодосію, если только онъ отступится отъ тѣхъ началъ коимъ служилъ при Петрѣ. И онъ началъ отрекаться отъ нихъ; порицалъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, го-

воря что покойный царь насиловалъ его совѣсть. Пылкій монахъ не щадилъ при этомъ и князя Меньшикова, да и о самой императрицѣ выражался рѣзко,—и это было причиной его паденія.

Однажды онъ пожелалъ видѣть императрицу, но не былъ ею принятъ, такъ какъ дерзкіе его отзывы о ней были ей извѣстны. Зная очень хорошо, что она занята не дѣлами, не засѣдаетъ въ Верховномъ Совѣтѣ, или Сенатѣ, а что большую часть времени „гуляетъ въ огородѣ“ (саду), какъ это и свидѣтельствуетъ гофъ-фурьерскій журналъ *, или же отдыхаетъ отъ этихъ гуляній, заносчивый монахъ выразился рѣзко о ней и объявилъ, что нога его не будетъ болѣе во дворцѣ.— Онъ былъ разстриженъ и сосланъ въ вѣчное заточеніе.

Мѣсто Ѳедосія въ Синодѣ занялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, втайнѣ интриговавшій противъ Ѳеодосія съ надеждою занять его мѣсто. Цѣль его была достигнута; но за этимъ торжествомъ едва не послѣдовало паденіе. Возвышеніемъ его не могли быть довольны ревнители стараго порядка въ управленіи духовенствомъ. Отчасти изъ угожденія имъ, а отчасти по личнымъ неудовольствіямъ противъ Ѳеофана, Меншиковъ начиналъ подъ него подкапываться, между тѣмъ какъ князь Дмитрій Голицынъ вводилъ въ Синодъ Рязанскаго епископа Георгія Дашкова, въ качествѣ представителя прежнихъ порядковъ церковной іерархіи и кандидата на патріаршее достоинство.

Эти и многія другія интриги, кипѣвшія у подножія престола, не представлялись конечно современникамъ

---

* Это дневникъ частной жизни нашихъ государей, въ который вносилось, когда они вставали, куда выѣзжали, кого принимали и т. п.

въ такихъ ясныхъ и опредѣленныхъ чертахъ, какъ намъ, потомкамъ; но и они чувствовали, что власть находится въ рукахъ слабыхъ, капризныхъ и неискусныхъ. Съ разныхъ сторонъ стали доходить въ Петербургъ безпокойные слухи. Говорили что князь М. М. Голицынъ собирается поднять Украйну, гдѣ онъ командовалъ войсками, и низвергнуть императрицу, на престолъ же возвести великаго князя, съ ограниченіемъ его власти; въ Петербургѣ и Москвѣ появилось много пасквилей и подметныхъ писемъ, которые смѣло поднимали вопросъ о престолонаслѣдіи и выражали сочувствіе прямому отпрыску царскаго корня великому князю Петру. Не взирая на все усердіе начальника тайной канцеляріи, графа Толстаго, сочинителей этихъ подметныхъ писемъ найти было нельзя, но такъ какъ они сильно безпокоили правительство, то было предположеніе предать ихъ церковному проклятію.

Эта странная мѣра однакожь не состоялась; вмѣсто нея ограничились перепечаткой извѣстной уже намъ брошюры Ѳеофана Прокоповича, *Правда воли монаршей*, которая очень ученымъ образомъ доказывала право государя назначать себѣ преемникомъ кого онъ хочетъ.

Остерманъ, сдѣланный членомъ верховнаго совѣта, озабочиваясь такою шаткостію дѣлъ, придумалъ средство сообщить правительству болѣе прочное положеніе, а именно: онъ совѣтовалъ немедленно объявить наслѣдникомъ престола великаго князя и обручить его съ цесаревною Елисаветою. Этимъ союзомъ онъ надѣялся связать приверженцевъ цесаревича съ тѣми которые свято чтили память покойнаго императора. Мысль Остермана была сама по себѣ хороша, но не говоря о томъ, что цесаревна была 7-ю годами старше великаго князя (которому было не болѣе 10-ти

лѣтъ), можно крѣпко усомниться, чтобы бракъ племянника съ родною теткою былъ хорошо принятъ въ Россіи: такое предположеніе показываетъ, какъ мало знали духъ Русскаго народа тѣ иностранцы, которые были призваны управлять этимъ народомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ, и Остерманъ больше другихъ, были коротко знакомы и съ его законами и съ его администраціей.

Всѣ эти промахи, эта несостоятельность Верховнаго Совѣта передъ труднымъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ, скоро лишили его уваженія. Да онъ и самъ скоро какъ будто махнулъ рукою на все и, вся, и какъ сказано, погрузился въ апатію.

При этомъ всеобщемъ уклоненіи отъ работъ о судьбѣ народа, вся дѣятельность петербургскихъ сановниковъ и придворныхъ была натурально обращена на устройство собственныхъ своихъ дѣлъ, на улучшеніе собственнаго положенія. Покойный государь щедро награждалъ заслуги,—но только заслуги; теперь можно было достигнуть того же, не штурмуя непріятельскихъ окоповъ, не рыская изъ конца въ конецъ по всему обширному Русскому царству, не роясь въ дѣлахъ, не заглядывая въ Сенатъ и коллегіи. Наградъ, богатства, почестей, можно было добиться гораздо легче,—угождая герцогу Голштинскому и его двору, Меншикову и его семейству, прогуливаясь въ свитѣ императрицы водой изъ лѣтняго сада въ Екатерингофъ и Петергофъ. Много нашлось охотниковъ выслуживаться такимъ образомъ даже изъ числа еще недавно ретивыхъ, закаленныхъ помощниковъ Петровыхъ. Ушаковъ пустилъ въ ходъ свое умѣнье балагурить; Ягужинскій изъ оберъ-прокуроровъ Сената поспѣшилъ сдѣлаться шталмейстеромъ; про Девіера одинъ изъ со-

временниковъ говоритъ, что онъ разыгрывалъ во дворцѣ роль адъютанта или скорѣе камердинера.

Соотвѣтственно этому пониженію петербургскаго двора, усилились при немъ вліяніе дворовъ иностранныхъ. Графъ Рабутинъ, посолъ Германскаго, или какъ тогда говорили цесарскаго императора, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ людей и ближайшихъ совѣтниковъ у императрицы, такъ что русскіе министры принуждены были искать поддержки и покровительства этого иноземца; съ другой стороны, почти всѣ вліятельные при дворѣ люди получали пенсію отъ иностранныхъ государей. Вмѣсто политики Петра, столь національной, столь настойчиво и неизмѣнно имѣвшей въ виду интересы Россіи, одной только Россіи,—русская дипломатія стала служить теперь интересами другихъ государствъ къ ущербу отечества: она втянула Россію въ бывшую тогда распрю западныхъ государствъ и заключила (1726 г.) съ Вѣнскимъ дворомъ договоръ, который надолго, къ сожалѣнію, приковалъ политику Россіи къ судьбѣ Австріи.

Такъ какъ союзъ съ Австріей (Германскою имперіей) составляетъ крупное явленіе въ исторіи нашихъ внѣшнихъ сношеній, то остановимся на немъ. Петръ Великій никогда не сближался съ Вѣной, а послѣ бѣгства царевича и вовсе охладѣлъ къ ней. Онъ сталъ тогда сближаться съ Франціей, которая оказала ему услуги при замиреніи со Шведами. Но послѣ смерти Петра Франція стала уклоняться отъ сближенія съ Россіей и заключила такъ-называемый Ганноверскій союзъ съ Англіей и Пруссіей, къ коему склоняла и Швецію. Послѣднее обстоятельство внушало подозрѣніе, что Ганноверскій союзъ неблагосклоненъ къ Россіи. Съ своей стороны Австрія увидѣла въ немъ явную противъ се-

бя угрозу и начала, въ виду предполагаемой опасности, заискивать у Россіи, а Россія, опасаясь Швеціи, поддерживаемой Ганноверскимъ союзомъ, рада была союзу съ Австріей, которая могла быть ей полезна и въ случаѣ разрыва съ Турціей.

Была и еще одна причина сближенія нашего съ Вѣнскимъ дворомъ; она обусловлилась вступленіемъ цесаревны Анны въ бракъ съ герцогомъ Голштинскимъ. Отецъ этого принца лишился значительнѣйшей части своихъ владѣній, именно Шлезвига, во время Сѣверной войны и не могъ простить этого Даніи, которая расширила на его счетъ свои земли; онъ протестовалъ противъ этого захвата передъ всѣми дворами, всю жизнь свою посвятилъ обнародованію дипломатическимъ путемъ своихъ правъ на Шлезвигъ, и завѣщалъ вражду противъ Даніи своему сыну. Обѣщавъ этому послѣднему руку цесаревны Анны (Вып. III стр. 114), Петръ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду его права на Шведскую корону (Вып. III, стр. 87), помощью коихъ онъ надѣялся постоянно держать Швецію въ страхѣ; но Екатерина, горячо принимая къ сердцу претензіи своего зятя на Шлезвигъ, хотѣла заставить и Россію послужить имъ; она намѣревалась даже съ оружіемъ въ рукахъ возвратить Шлезвигъ герцогу Голштинскому. Такая политика, имѣвшая цѣлію интересы совершенно чуждые Россіи, съ одной стороны побудила встревоженную Данію примкнуть къ Ганноверскому союзу, а съ другой послужила однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ сближенію нашему съ Вѣнскимъ дворомъ, который взялся поддерживать права герцога Голштинскаго, втайнѣ рѣшившись однако ограничиваться въ этомъ отношеніи одною дипломатическою перепи-

ской и отнюдь не обнажать оружія за дѣло для него совершенно постороннее.

Итакъ съ этой стороны на политическомъ горизонтѣ становилось пасмурно. Не свѣтлѣе было и съ прочихъ. И это естественно: промахи, неумѣлость и раздоры нашихъ правителей не могли укрыться отъ иностранныхъ дворовъ. Мы видѣли, какіе отзывы сообщали имъ петербургскіе ихъ резиденты. Швеція, которая не могла забыть тяжкихъ условій Ништадтскаго міра, стала замышлять какъ-нибудь воспользоваться настоящимъ положеніемъ Россіи, и съ этою цѣлью, какъ сказано, заключила союзъ съ Англіей и Франціей. Дабы предупредить разрывъ съ нею, въ Стокгольмъ былъ посланъ самый, можетъ-быть, ловкій нашъ дипломатъ тогдашняго времени, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ. Онъ сыпалъ деньгами, подкупалъ министровъ и вліятельныхъ людей, то ласкалъ, то грозилъ высадкою на Шведскіе берега, но не успѣлъ ни привлечь, ни устрашить; да это и трудно было сдѣлать: Меншиковъ, первый сановникъ Русской имперіи, получая жалованье отъ шведскаго двора, передавалъ ему все что говорилось или предполагалось въ Верховномъ Совѣтѣ, и между прочимъ обнадеживалъ, что, не смотря на всѣ угрозы, Швеціи нечего бояться, потому что, писалъ онъ, войско въ моихъ рукахъ.

Съ другой стороны, заявленіями своими о намѣреніи поддерживать права герцога Голштинскаго на Шлезвигъ мы едва не вызвали противъ себя серіозной грозы. Принявъ Данію въ свой союзъ, западныя державы рѣшились оказать ей дѣйствительную поддержку, и однимъ прекраснымъ утромъ Англійская эскадра, бросивъ якорь въ виду Ревеля, потребовала у насъ объясненія, по какому поводу въ Балтійскихъ портахъ

нашихъ производятся военныя приготовленія... Въ то же самое время дипломатія наша едва не накликала на насъ войны съ другой стороны, по поводу ссоры съ Польшею за Курляндію.

Мы нѣсколько разъ уже упоминали о Курляндіи. Съ XVI вѣка, она подъ именемъ герцогства Курляндскаго, составляла часть Польско-Литовскаго государства, но имѣла свои особые законы, права и учрежденія, свое войско, свою монету, и управлялась герцогами, потомками знаменитаго Готгарда Кетлера, которые впрочемъ признавали надъ собой господство короля Польскаго. Не взирая на двухвѣковыя близкія отношенія Польши и Курляндіи, между ними не было ни дружества, ни сочувствія. Курляндскіе бароны,—Нѣмцы по происхожденію, потомки рыцарей, завоевавшихъ нѣкогда восточное прибрежье Балтійскаго моря,—считали себя во всѣхъ отношеніяхъ выше Поляковъ. Въ своихъ старинныхъ замкахъ, построенныхъ еще во времена завоеванія, курляндское дворянство продолжало мечтать о феодальныхъ временахъ, украшало свои старинные покои портретами предковъ въ стальныхъ латахъ, шлемахъ и забралахъ, развѣшивало въ своихъ готическихъ залахъ тяжелые мечи и панцыри прадѣдовъ на оленьи рога и заботилось только о томъ, чтобы какая-нибудь новизна не измѣнила нечаянно средневѣковыхъ учрежденій, коихъ это дворянство держалось.

Польское правительство, напротивъ того, думало объ измѣненіи многаго въ Курляндіи; какъ въ отношеніи Литвы и Руси (западной) оно издавна принимало всевозможныя мѣры къ уничтоженію ихъ особливости, ихъ національнаго характера, къ водворенію тамъ католичества, такъ пробовало оно дѣлать и въ Курляндіи,—

но не имѣло здѣсь ни малѣйшаго успѣха и только возбуждало противъ себя неудовольствіе Курляндскаго дворянства, которое, какъ мы видѣли, въ началѣ Шведской войны обнаружило полнѣйшее и весьма выразительное равнодушіе къ интересамъ Польскаго короля и Польскаго государства.

Во время этой войны русскія войска не разъ проходили черезъ Курляндію и долго въ ней квартировали; эти военные прогулки и постои не могли, конечно, нравиться Курляндцамъ, но положили тѣмъ не менѣе начало прочныхъ сношеній между ними и Россіей. Возвращавшійся черезъ Митаву Полтавскій побѣдитель былъ встрѣченъ тамъ съ большимъ почетомъ; брачный союзъ молодаго герцога съ царевною Анною вообще былъ одобряемъ. Но герцогъ этотъ умеръ черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, на обратномъ пути въ Митаву, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Петербурга. Такъ какъ у него не осталось дѣтей, и династія Кетлеровъ съ нимъ прекращалась, то родился вопросъ: не оканчивается ли обязательство, данное родоначальникомъ этой династіи относительно подданства Польшѣ, и не можетъ ли герцогство считать себя теперь независимымъ?

Польское правительство не хотѣло дать утвердиться этимъ опаснымъ для него идеямъ и назначило для замѣщенія герцогскаго трона дядю умершаго герцога, старика нелюбимаго въ Курляндіи, но преданнаго Польшѣ и католика. Старикъ этотъ, какъ прежде жилъ, такъ и теперь продолжалъ жить въ Гданскѣ,—городѣ, принадлежавшемъ тогда Польшѣ, слѣдовательно внѣ своего герцогства. За то вдовствующая герцогиня (Анна Іоанновна) утвердила свою резиденцію въ Митавѣ; она не вмѣшивалась, правда, въ управленіе, но спо-

собствовала усиленію въ Курляндіи русскаго вліянія; она составила маленькій дворъ, въ которомъ сближались между собою бывшіе при ней Русскіе и Курляндцы, а также отчасти польскіе магнаты изъ ближайшихъ къ Курляндіи польскихъ воеводствъ.

Между тѣмъ, такъ какъ старый герцогъ былъ бездѣтенъ, то мысль о томъ, что̀ станется съ Курляндіей послѣ его смерти, не переставала занимать умы. Въ Варшавѣ полагали, что герцогство должно быть въ такомъ случаѣ присоединено къ Польшѣ: въ Курляндіи думали совершенно иначе, и чтобы положить начало независимости ея, придумали предложить наслѣдіе Кетлеровъ человѣку довольно самостоятельному, чтобы не быть орудіемъ варшавской политики и имѣющему довольно много друзей въ Польшѣ, чтобы найти въ ней самой поддержку.

Такимъ человѣкомъ казался Курляндцамъ сынъ короля Августа, графъ Морицъ Саксонскій, одинъ изъ самыхъ блестящихъ людей своего времени. Начались тайные переговоры; онъ охотно принялъ сдѣланное ему предложеніе: Августъ взялся поддерживать его всѣми силами и однажды совершенно неожиданно для Варшавскаго сената, Морицъ былъ провозглашенъ въ Митавѣ наслѣднымъ герцогомъ Курляндскимъ, съ тѣмъ чтобъ ему жениться на Аннѣ Іоанновнѣ.

Казалось бы, это весьма хорошо согласовалось съ нашими интересами: Курляндцы сами подавали намъ руку. Но совершенно случайное обстоятельство давало другое направленіе нашей политикѣ: Меншикову захотѣлось быть самому Курляндскимъ герцогомъ. Онъ поскакалъ въ Митаву, ласкалъ, грозилъ, сыпалъ деньгами, но Курляндцы не согласились отмѣнить прежній свой выборъ, а между тѣмъ, Варшавскій дворъ, воз-

негодовалъ на претензію Меншикова, и дѣло доходило до разрыва. По счастію, въ отсутствіе Меншикова изъ Петербурга, тамъ успѣли поколебать его кредитъ въ глазахъ императрицы и представить, что его личный интересъ грозитъ Россіи войной въ весьма опасную минуту. Меншиковъ былъ отозванъ. Съ своей стороны и Морицъ долженъ былъ оставить Курляндію; Польшѣ также не удалось присоединить ее къ своимъ землямъ, и вообще дѣла въ этой сторонѣ были оставлены въ прежнемъ положеніи до смерти престарѣлаго герцога. Политика русская, благодаря непомѣрному самолюбію Меншикова, потерпѣла пораженіе, да и самое вліяніе наше въ Курляндіи на нѣкоторое время поколебалось. Въ послѣдствіи мы увидимъ, какъ и чѣмъ развязались наши отношенія къ ней, а теперь посмотримъ, что̀ дѣлалось въ Россіи или правильнѣе въ Петербургѣ, потому что вся жизнь сосредоточилась въ немъ одномъ, въ интригахъ и пререканіяхъ между собою петербургскихъ сановниковъ и любимцевъ.

Безпримѣрное возвышеніе Меншикова, его постыдная жадность, самовластіе и высокомѣріе, подозрительная роль въ дѣлѣ царевича и многія другія непохвальныя черты его жизни сдѣлали его предметомъ почти всеобщей, хотя и боязливой ненависти. „У него столько же враговъ, сколько волосъ на головѣ“, сказалъ одинъ современникъ. Въ настоящее царствованіе онъ пріобрѣлъ такое значеніе, которое не имѣло себѣ подобныхъ: самъ герцогъ Голштинскій, зять императрицы, видѣлъ необходимость въ немъ заискивать. Но именно въ это же время онъ едва не былъ низвергнутъ съ высоты своего величія. Поступки его въ Курляндіи, неслыханно дерзкіе и насильственные, опасность разрыва съ Польшею, которой онъ подвергалъ Россію, все

это возбудило во время бытности его въ Курляндіи противъ него общее негодованіе, тѣмъ болѣе сильное и открытое, что его не было на лицо. Кто именно рѣшился возвысить голосъ противъ всесильнаго фаворита, не знаемъ; извѣстно только что Анна Іоанновна, огорченная невозможностью связать судьбу свою съ судьбою Морица Саксонскаго, горько жаловалась въ Петербургѣ на Меншикова; есть также основаніе думать, что сильно подрывался подъ него Остерманъ; вѣроятно не безмолвствовали при этомъ удобномъ случаѣ люди старинной партіи, а равно и Голштинскій дворъ,—словомъ всѣ многочисленные враги его: наряжена была коммиссія для изслѣдованія беззаконій Меншикова. Но онъ, наконецъ, явился въ Петербургъ, и достаточно было появленія его передъ императрицею, чтобъ обратить въ прахъ всѣ направленные противъ него замыслы.

Между тѣмъ здоровье императрицы сильно разстроилось и вопросъ о престонаслѣдіи снова начиналъ заботить если не народъ (потому что всѣ вообще считали великаго князя Петра законнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ), то придворныхъ. Для нихъ вопросъ этотъ былъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ. Съ мыслію о воцареніи Петра Алексѣевича связывалась мысль о преобладаніи людей старыхъ обычаевъ, бывшихъ друзей его отца, а это было противно „птенцамъ Петра Великаго“ и опасно для тѣхъ, которые участвовали въ судѣ надъ царевичемъ. Если онъ будетъ государемъ, то вызоветъ свою бабку (Евдокію), „а она нраву особливаго, жестокосердна; захочетъ выместить злобу“, разсуждали они между собою, да и самъ великій князь можетъ пожелать при случаѣ отмстить за отца. Поэтому Толстой, Ушаковъ и нѣкоторые другіе изъ Пет-

ровыхъ сотрудниковъ рѣшили, что наслѣдовать императрицѣ должна одна изъ ея дочерей, или даже и обѣ вмѣстѣ. Очень натурально что въ числѣ такихъ радѣтелей о благѣ Россіи, были герцогъ Голштинскій и графъ Бассевичъ.

Къ удивленію, между ними не было Меншикова, хотя онъ имѣлъ всѣ тѣ же причины опасаться воцаренія великаго князя Петра. Но этотъ чрезвычайно дальновидный и смѣлый человѣкъ взглянулъ на дѣло съ иной стороны. Въ послѣднее время вліяніе его на императрицу и ея къ нему расположеніе сдѣлались безграничны; щедрые ея подарки довели состояніе Меншикова до страшной цифры 100.000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ; не зная какъ отличить его отъ всѣхъ другихъ подданныхъ, она возложила на его сына Екатерининскій орденъ, созданный исключительно для женщинъ. Будучи въ такомъ положеніи Меншикову не могла нравиться мысль сдѣлаться, въ случаѣ воцаренія Анны Петровны, соперникомъ графа Бассевича, который теперь за нимъ ухаживалъ и заискивалъ въ немъ, но который при измѣнившихся обстоятельствахъ велъ бы себя, безъ сомнѣнія, иначе. Поэтому онъ сталъ пріучать императрицу, ослабѣвшую и тѣломъ и духомъ, къ мысли женить великаго князя на его, Меншикова, дочери.

Какъ ни тайно велъ онъ объ этомъ рѣчь съ императрицей, затѣя его сдѣлалась извѣстна Толстому (не даромъ же онъ былъ начальникомъ тайной канцеляріи!). Толстой ужаснулся. Самый сильный и постоянный его союзникъ покидалъ его и переходилъ, по видимому, на сторону его противниковъ. Толстой кинулся къ герцогу Голштинскому, тотъ къ императрицѣ. Ей представляли объ опасности отдать всю власть въ руки Меншикова; говорили, что неприлично царствующему дому

вступать въ родственныя связи съ подданнымъ; совѣтовали послать за границу великаго князя для довершенія его образованія (думая воспользоваться его отсутствіемъ чтобы возвести на престолъ одну изъ царевнъ); говорили, что мать должна выше всего ставить интересы дѣтей своихъ (царевнъ). Толстой даже грозилъ императрицѣ, что всѣ ее покинутъ. Ничто не помогло: Меншиковъ одолѣлъ всѣхъ своихъ противниковъ и жестоко наказалъ ихъ.

Во время предсмертной болѣзни государыни Девіеръ, находясь во дворцѣ, имѣлъ неосторожность сказать одной изъ ея приближенныхъ: „не надобно плакать“. Цесаревнѣ Аннѣ, вышедшей въ то же время изъ комнаты больной, онъ же сказалъ: „о чемъ печалишься? выпей рюмку вина“; не всталъ передъ нею, и смѣялся, что̀ было, конечно, неприлично. За таковыя „продерзости“ Девіеръ былъ преданъ суду. Съ разспросовъ и пытокъ, онъ оговорилъ Толстаго, Ушакова, Скорнякова-Писарева,—креатуру Меншикова,—старика Бутурлина, одного изъ Нарышкиныхъ, и того Долгорукова, который состоялъ при Великомъ Князѣ (стр. 10). Открылось также сообщничество съ ними и герцога Голштинскаго. Всѣ эти люди, кромѣ герцога, были привлечены къ суду. Такъ какъ императрица видимо угасала, то судъ дѣйствовалъ съ необыкновенною поспѣшностію, въ десять дней онъ окончилъ свое дѣло, и императрица за нѣсколько часовъ до своей смерти подписала приговоръ: Девіера и Скорнякова-Писарева бить кнутомъ и сослать; Толстаго, Бутурлина, Нарышкина и Ушакова сослать; Долгоруковъ, по усиленной просьбѣ великаго князя, пощаженъ.

Ввечеру того же дня какъ состоялся этотъ приговоръ, императрица скончалась (6-го мая 1727 г.), оста-

вивъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, вмѣстѣ, съ распоряженіями о престолонаслѣдіи и объ устройствѣ судьбы цесаревнъ, собравшіеся сановники не безъ удивленія прочли нѣкоторыя совершенно второстепенныя подробности. Наслѣдникомъ престола признавался великій князь Петръ; цесаревнамъ назначались большія денежныя суммы; имъ же, вмѣстѣ съ членами Верховнаго Совѣта, предоставлялось образовать изъ себя регентство до совершеннолѣтія государя. Вслѣдъ за тѣмъ императрица выражала желаніе чтобы великій князь сочетался бракомъ съ княжною Меншиковою, чтобы приняты были мѣры къ возвращенію герцогу Голштинскому его владѣній, пріобрѣтенныхъ въ послѣднюю войну Даніей; наконецъ, чтобы для голштинскаго посольства былъ купленъ домъ на счетъ русской казны, и въ заключеніе было предоставлено Германскому императору наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого страннаго завѣщанія, написаннаго, какъ имѣли право предполагать современники, Меншиковымъ, Бассевичемъ и Рабутиномъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА II

Вступленіе на престолъ Петра II. — Значеніе Меншикова усиливается еще болѣе.—Образъ жизни Петра.—Государя возстановляютъ противъ Меншикова.—Нѣкоторые сдѣланные имъ промахи.—Арестъ Меншикова и его ссылка.—Новые любимцы.—Голицыны и Долгоруковы. — Государь отправляется въ Москву.—Долгоруковы вполнѣ имъ овладѣваютъ.—Его образъ жизни въ Москвѣ.—Обрученіе его съ княжною Екатериною Долгоруковою.—Болѣзнь и смерть его (1730).

Наступило второе царствованіе послѣ смерти великаго императора; Петръ II сѣлъ на престолъ, съ котораго только что сошла Екатерина I. Мы увидимъ новыя лица, новыхъ правителей, новыхъ фаворитовъ, но найдемъ прежнее равнодушіе къ общественному благу, прежнія заботы объ удовольствіяхъ и личныхъ выгодахъ; суету въ дворцовыхъ переднихъ и безжизненность на всѣмъ пространствѣ Россіи. Вся глава, посвященная новому царствованію, будетъ наполнена разсказомъ о возвышеніи и паденіи фаворитовъ, о борьбѣ петербургскихъ и московскихъ сановниковъ между собою, а вся масса Русскаго народа, составлявшаго около 20 милліоновъ лицъ того и другаго пола, не скажется ни однимъ словомъ, и заботы о ней не обнаружатся ни однимъ распоряженіемъ.

Петръ вступилъ на престолъ 6-го мая 1727 года; ему не было тогда еще и 12 лѣтъ. При жизни дѣда своего

онъ оставался въ тѣни, потому что до послѣдняго времени государь надѣялся имѣть прямыхъ наслѣдниковъ; при императрицѣ его опасались, потому что всѣ сторонники его отца смотрѣли на него съ упованіемъ, его держали слѣдовательно еще болѣе прежняго въ тѣни и забвеніи и мало заботились о его воспитаніи. Правда, первый его гофмаршалъ, Остерманъ, составилъ довольно хорошую программу для его воспитанія, но никто не наблюдалъ за ея исполненіемъ. Остерманъ былъ слишкомъ занятъ дѣлами иностранной коллегіи, которыми онъ заправлялъ гораздо болѣе, нежели канцлеръ (Головкинъ), а другой гофмаршалъ великаго князя, А. Г. Долгоруковъ, человѣкъ безъ образованія и съ посредственнымъ умомъ, употреблялъ все свое вліяніе только на то чтобъ отвратить ребенка отъ дѣла, отъ труда и вкоренить въ немъ вкусъ къ образу жизни прежняго, до петровскаго времени, къ забавамъ и между прочимъ къ псовой охотѣ. Сынъ этого Долгорукова, князь Иванъ, нѣсколькими годами старшій великаго князя, при которомъ онъ былъ гофъ-юнкеромъ, молодой человѣкъ, отличавшійся безпорядочнымъ образомъ жизни и необразованный, былъ едва ли не вреднѣе еще, чѣмъ его отецъ; первый искажалъ только понятія ребенка, второй портилъ его нравъ, пріобрѣтая его неограниченную дружбу поблажкою многимъ дурнымъ, рано развившимся въ немъ наклонностямъ. Иванъ Долгоруковъ былъ орудіемъ въ рукахъ отца своего и его многочисленныхъ друзей и родственниковъ, посредствомъ котораго они внушали молодому царевичу свои понятія о вещахъ и людяхъ; они могли дѣлать это тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что на Ивана Долгорукова, какъ на человѣка очень еще молодаго, важные сановники, временщики-фавориты, не обращали большаго вниманія.

А между тѣмъ онъ принималъ очень значительное участіе въ современныхъ политическихъ интригахъ: онъ участвовалъ, какъ мы видѣли, въ замыслѣ, направленномъ противъ Меншикова; еще при жизни покойной императрицы онъ же первый открылъ великому князю неспоримыя права его на престолъ, рискуя не только посѣять раздоръ въ царскомъ семействѣ, но вызвать можетъ-быть смуты въ государствѣ.

Не было и не могло быть никакихъ споровъ относительно престолонаслѣдія послѣ смерти Екатерины; всѣ единодушно присягнули Петру II; но тѣ, которые не знали близко придворныхъ тайнъ послѣдняго времени, дивились, видя что первымъ человѣкомъ при молодомъ императорѣ остается князь Меншиковъ, — первый судья его отца. Мы знаемъ уже, какія мѣры принялъ этотъ старый честолюбецъ, чтобъ упрочить себя въ милости новаго государя: онъ пожертвовалъ нѣсколькими своими друзьями и старинными товарищами, которые хотѣли отстранить отъ престола Петра II, и обручилъ съ нимъ старшую свою дочь.

Въ началѣ новаго царствованія значеніе Меншикова было еще сильнѣе, еще выше, чѣмъ въ предшествующее. Въ Верховномъ Совѣтѣ никто не смѣлъ возражать нареченному тестю государя; принцъ Голштинскій, съ которымъ онъ, со времени Девіеровой исторіи, не ладилъ, принужденъ былъ оставить Россію: Меншиковъ напрямки послалъ ему предложеніе отправиться за границу, потому что,—велѣлъ онъ ему сказать,—„ему здѣсь, яко Шведу, не довѣриваютъ“. Такимъ образомъ Меншиковъ остался совершенно безъ соперниковъ и передъ нимъ склонились всѣ, даже члены царской фамиліи, Анна Іоанновна, которой онъ надѣлалъ много непріятнаго въ то время, когда преслѣдовалъ виды на

Курляндскую корону, принуждена была смиренно заискивать его благосклонности,—„прошу вашу свѣтлость, писала она, по нынѣшнему нашему свойству меня не оставить, но содержать въ милости и протекціи, въ которую протекцію вашей свѣтлости я нижайше себя рекомендую“. Разумѣется, безъ большаго труда Меншиковъ подчинилъ себѣ и императора, котораго, для лучшаго за нимъ надзора, онъ перевезъ на житье въ свой домъ. Оставалось только сыграть свадьбу, возвести дочь свою на престолъ, и тогда какой же ударъ судьбы, какая интрига, какая немилость могли постигнуть царскаго тестя?

Дѣло, однако, не дошло до этой свадьбы, и чѣмъ выше было положеніе Меншикова, тѣмъ глубже было паденіе этого баловня счастія. Петру было едва 12 лѣтъ, но онъ былъ великъ и развитъ физически не по лѣтамъ; заниматься науками по программѣ, написанной Остерманомъ, ему не хотѣлось, но за то верховая ѣзда и псовая охота, тоже входившія въ эту программу, были ему вполнѣ по сердцу. При томъ же въ этомъ онъ имѣлъ помощниковъ, къ которымъ лежало его сердце,— сестру свою великую княжну Наталію, цесаревну Елисавету, — семнадцатилѣтнюю красавицу, страстную до всякаго рода увеселеній, и своего гофъ-юнкера Ивана Долгорукова. Эта молодая компанія, которую руководилъ отецъ Ивана Долгорукова, князь Алексѣй, носилась съ борзыми и гончими по всѣмъ окрестностямъ Петербурга, пировала сегодня въ Стрѣльнѣ, завтра въ Ропшѣ, и съ увлеченіемъ пользовалась полною свободой.

Во время этихъ отлучекъ изъ Петербурга молодой императоръ отвыкалъ отъ Меншикова и его вліянія. Мало того: Алексѣй Долгоруковъ руководимый мно-

гочисленною родней, жаждавшею занять первое мѣсто при дворѣ, пользовался настоящими обстоятельствами чтобы раздражать Петра противъ опеки его наречennаго тестя, поселить въ немъ нерасположеніе къ его невѣстѣ и дать ему понять, что онъ государь самодержавный: а Меншиковъ, къ несчастію для себя, былъ въ это время долго болѣнъ и не могъ прекратить на первыхъ порахъ слишкомъ разгульной жизни Петра II.

Такимъ образомъ между царственнымъ отрокомъ и его опекуномъ готовился разрывъ; онъ произошелъ слѣдующимъ образомъ. По какому-то случаю петербургское купечество поднесло государю, въ видѣ подарка, нѣсколько тысячъ червонцевъ; половину изъ нихъ Петръ послалъ къ сестрѣ своей. Случилось, что Меншиковъ встрѣтилъ служителя, который несъ эти деньги и, узнавъ въ чемъ дѣло, взялъ ихъ у него, сказавъ: „государь еще не знаетъ цѣны деньгамъ“.

Петръ жестоко оскорбился такимъ безцеремоннымъ обхожденіемъ съ собою и, встрѣтивъ своего опекуна, гнѣвно сказалъ ему: „Я покажу тебѣ, что я императоръ!“ Черезъ нѣсколько дней Петръ поѣхалъ на охоту съ своею компаніей и провелъ въ полѣ цѣлый день, а время было сырое, ненастное. Меншиковъ сдѣлалъ за это строгое замѣчаніе какъ гофъ-юнкеру, такъ и гофъ-маршалу государя, Остерману. Это было новою причиною неудовольствія противъ него. Остерманъ, который всѣмъ улыбался и всѣмъ кланялся, не забывалъ малѣйшихъ оскорбленій и, давно уже будучи недоволенъ чрезмѣрнымъ преобладаніемъ Меншикова и положеніемъ, въ которое онъ поставилъ правительство, началъ возбуждать противъ него великую княжну Наталію, которая имѣла вліяніе на брата. Нѣсколько дней спустя, Меншиковъ поѣхалъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ, на

пустынномъ берегу Финскаго залива, онъ развелъ обширный садъ и построилъ прекрасный дворецъ, столько же превосходившій и обширностію и великолѣпіемъ петергофскій Монплезиръ Петра Перваго, во сколько петербурскія палаты Меншикова превосходили лѣтніе и зимніе петровскіе дворцы. Меншиковъ прибылъ въ Ораніенбаумъ для освященія только что отдѣланной тамъ церкви и хотѣлъ отпраздновать это торжество съ великолѣпіемъ, ожидая что и государь при этомъ будетъ. Но его враги воспользовались этимъ случаемъ, чтобы нанести ему окончательный ударъ: они убѣдили государя нетолько не ѣхать въ Ораніенбаумъ, но и перебраться изъ дома своего нареченнаго тестя во дворецъ.

Это былъ явный разрывъ. Но молодые друзья государевы не довольствовались этимъ: они увѣрили его, что Меншиковъ, во время церемоніи освященія, стоялъ на царскомъ мѣстѣ,—обстоятельство, которое едва ли справедливо, и которому, если даже и допустить его, только злонамѣренные могли придать важное значеніе. Тѣмъ не менѣе оно было представлено въ такомъ видѣ, что государь окончательно раздражился противъ Меншикова, и когда этотъ послѣдній, узнавъ что дѣлается въ Петербургѣ, прискакалъ туда и явился во дворецъ, его не впустили.

Тогда онъ увидѣлъ, что его многолѣтніе труды и интриги, его сила и значеніе ничто предъ волею самодержавнаго ребенка. Мгновенно онъ перешелъ отъ чрезвычайной надменности къ безграничному униженію: не зная еще въ чемъ его обвиняютъ, онъ въ письмахъ къ государю и къ великой княжнѣ молилъ о пощадѣ, предлагалъ возвратить съ избыткомъ (!) деньги, которыя государь посылалъ къ сестрѣ своей, и просилъ дозволе-

нія видѣть государя. Въ отвѣтъ на это ему велѣно не смѣть выѣзжать изъ дома, а вслѣдъ затѣмъ приказано отправиться изъ Петербурга и безвыѣздно жить въ принадлежавшемъ ему Раненбургѣ,—нынѣ городѣ Рязанской губерніи, а въ тѣ поры укрѣпленіе на границѣ степей, по которымъ рыскали партіи Крымскихъ Татаръ... Ударъ былъ жестокій, но этимъ не кончилось. Меншиковъ выѣзжалъ изъ Петербурга со всѣмъ своимъ семействомъ, съ многочисленною прислугой и везя множество вещей, которыхъ нельзя найдти въ степномъ захолустьи; огромное количество каретъ и другихъ экипажей, верховыхъ коней, фургоновъ съ разнымъ добромъ, поваровъ, конюховъ, секретарей (всего 127 человѣкъ) тянулось черезъ весь Петербургъ, привлекая толпы любопытныхъ и можетъ быть тѣша самолюбіе Меншикова. Это была большая неосторожность съ его стороны. Враги его легко могли представить государю, что видно опальному вельможѣ мало той немилости, въ которую онъ впалъ, что онъ смѣется надъ властію, его низвергшею, пренебрегаетъ ею. Въ то же время открылось, что при покойной императрицѣ, когда союзники Швеціи угрожали намъ войною, Меншиковъ обнадеживалъ шведское правительство, что онъ не допуститъ Россію до войны и что слѣдовательно можно безнаказанно оскорблять ее... Вслѣдствіе этого послѣдовалъ указъ, которымъ Меншиковъ лишался всѣхъ чиновъ, орденовъ и почетныхъ титлъ; имѣнія его отбирались въ казну, а самъ онъ, съ семействомъ, былъ сосланъ въ Березовъ. Здѣсь нареченный тесть царскій и царская невѣста умерли, не дождавшись свободы, которая послѣдовала для другихъ членовъ этого семейства лишь по вступленіи на престолъ императрицы Анны.

„Погибе и прейде слава сего прегордаго Голіаѳа!“ писалъ со злобною радостію одинъ изъ современниковъ о паденіи Меншикова. И онъ былъ не одинъ этого мнѣнія. Меншиковъ тяготѣлъ надъ всѣмъ близкимъ къ престолу, надъ всѣмъ, дочего ни простиралось его вліяніе, надъ всѣмъ, что̀ отъ него ни зависѣло,—а что̀ въ послѣднее время не зависѣло отъ него и на что̀ не простиралось его вліяніе? Но мы сдѣлали бы большую ошибку, еслибы приняли радость по поводу паденія Меншикова за хорошее патріотическое чувство; торжествовали тѣ мелкіе честолюбцы, тщеславію которыхъ открывали большой просторъ званія и должности, упразднившіяся съ удаленіемъ Меншикова: одинъ надѣялся наслѣдовать чинъ фельдмаршала, другой—должность петербургскаго губернатора, третій радовался открытію вакансіи въ Верховномъ Совѣтѣ; но едва ли не большая часть мысленно пожирали клочки несмѣтныхъ богатствъ Меншикова. Въ то время существовалъ обычай отписывать имѣнія опальныхъ вельможъ въ казну; но обыкновенно имѣнія эти оставались въ казнѣ недолго; вслѣдъ за паденіемъ какого-нибудь вельможи, его вчерашніе друзья и собраты кидались съ омерзительною жадностію просить о пожалованіи имъ за вѣрную службу такой-то „усадьбишки“ или такихъ-то „деревнишекъ“ опальнаго... Эта жадность къ добычѣ, это пренебреженіе къ падшему собрату дѣлали нашихъ сановниковъ прежняго времени похожими на волковъ, которые кидаются всею стаей на раненнаго волка и разрываютъ его...

На падшаго „Голіаѳа“ посыпались доносы, открывшіе съ его стороны страшныя беззаконія и самыя презрѣнныя продѣлки. Такъ, между прочимъ, открылось, что онъ заставилъ герцога Голштинскаго уплатить себѣ

60.000 рублей, чтобы получить сумму, назначенную его супругѣ завѣщаніемъ Екатерины, и что, выдавая ее, Меншиковъ не додалъ ему 20.000 рублей. Для разъясненія всѣхъ павшихъ на него послѣднее время обвиненій, наряжено было слѣдствіе; но чѣмъ оно кончилось—неизвѣстно, да кажется что это никого не интересовало: должности Меншикова, его имѣнія и дворцы были разобраны; государь и его молодые друзья избавились отъ непріятнаго имъ человѣка—это было главное.

Не оправдывая Меншикова, должно однакожь сказать, что между очень многими, падшими подобно ему прежде и послѣ него, не много было людей съ такими обширными и разнообразными способностями и такою энергіею какъ любимецъ Петра I-го; мало было такихъ, которые оказали бы столько услугъ Россіи какъ онъ подъ руководствомъ Петра, и еще меньше такихъ, которые бы съ подобнымъ ему мужествомъ переносили удары судьбы. Жизнь его въ Березовѣ до нѣкоторой степени примиряетъ съ нимъ. Жизнь эта описана во множествѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ и брошюръ, романовъ и сочиненій, имѣющихъ претензію быть историческими; вѣрить имъ вполнѣ нельзя, но есть въ нихъ и доля правды. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что этотъ роскошный вельможа, могущественный сановникъ и нареченный тесть царскій, собственными руками построилъ себѣ домъ въ Березовѣ и церковь, близь которой онъ и похороненъ, и что онъ своею твердостію поддерживалъ семейство свое. Во всякомъ случаѣ мы съ гораздо большею симпатіею смотримъ на сохранившійся до сего времени его портретъ въ одеждѣ поселянина, съ длинною сѣдою бородою, нежели на тѣ,

въ которыхъ онъ изображенъ окруженнымъ знаками нечестно нажитаго богатства.

Избавившись отъ Меншикова, государь объявилъ себя совершеннолѣтнимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ далъ знать, что вступаетъ въ управленіе государствомъ и ѣдетъ короноваться въ Москву. Это послѣднее обстоятельство было совершенно согласно съ обычаями, потому что со временъ Іоанна IV всѣ русскіе государи вѣнчались на царство въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; но поѣздка въ Москву входила и въ разсчеты людей, которые въ послѣднее время очень усилились при дворѣ и пріобрѣли вліяніе на молодаго государя.

Эти люди принадлежали къ двумъ древнимъ знаменитымъ фамиліямъ Голицыныхъ и Долгоруковыхъ. Голицыныхъ, то-есть замѣтныхъ людей изъ этой фамиліи, было двое,—князь Михайла Михайловичъ, старый воинъ Петровыхъ временъ, теперь фельдмаршалъ, человѣкъ способностей посредственныхъ, но храбрый, честный, любимый войскомъ, уважаемый родовою знатью, и князь Дмитрій,—человѣкъ большаго ума, энергичный, рѣшительный, смѣлый, властолюбивый, не любившій иноземцевъ, но хорошо знакомый съ исторіею западныхъ народовъ и мечтавшій о томъ, чтобы поднять нашу родовую старинную знать, и придать ей политическое значеніе. Впрочемъ и Дмитрій Голицынъ и его братъ, пользуясь обширнымъ значеніемъ и по связямъ своимъ и по личнымъ качествамъ, держались въ сторонѣ отъ двора, гдѣ первенствовали Долгоруковы. Что касается до послѣднихъ, то болѣе всѣхъ на виду были молодой фаворитъ государя Иванъ и его отецъ князь Алексѣй. Они, какъ выше сказано, находились безотлучно при государѣ, руководили его увеселеніями, и ужь это одно давало имъ при дворѣ большое значеніе; при томъ князь Алексѣй былъ сынъ одного изъ очень почтен-

ныхъ дипломатовъ Петрова времени и родной племянникъ знаменитаго Якова Долгорукова, пріобрѣвшаго справедливое уваженіе и современниковъ и потомства. Но самъ по себѣ онъ былъ человѣкъ незначительный и сильно нуждался въ совѣтахъ своего отдаленнаго родственника, честнаго, храбраго воина, князя Василія Владиміровича, и въ умѣ двоюроднаго брата своего князя Василія Лукича. Первый изъ нихъ былъ одно время въ большой милости у Петра I-го, потомъ подпалъ подъ его гнѣвъ за участіе въ дѣлѣ царевича; возвращенный при Екатеринѣ, онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ и преображенскимъ подполковникомъ. Что касается до Василія Лукича, то, проведя всю жизнь въ дипломатическихъ миссіяхъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ сановниковъ того времени, изъ самыхъ умныхъ нашихъ дипломатовъ; къ несчастію, его характеръ не внушалъ уваженія: его вообще считаютъ человѣкомъ корыстолюбивымъ и ненадежнымъ.

Вотъ главныя лица той драмы, которая разыгрывалась вокругъ молодаго государя. Къ числу ихъ слѣдуетъ еще прибавить Остермана, величайшаго изъ дѣльцовъ своего времени, большаго знатока дипломатическихъ дѣлъ всей Европы, человѣка чрезвычайно хитраго и дальновиднаго. Въ качествѣ гофмаршала онъ былъ сначала очень близокъ къ государю и даже ѣздилъ иногда на охоту съ нимъ и съ молодыми его друзьями; но замѣтивъ, что эта развеселая компанія; не взирая на всю его добрую волю, не можетъ признать его, человѣка серіознаго и дѣловаго, *своимъ* человѣкомъ, онъ отступилъ съ перваго плана придворной сцены и занимался исключительно дѣлами иностранной коллегіи.

Голицыны и Долгоруковы были очень рады, что

увезли государя изъ Петербурга, наполненнаго иностранцами, матросами, солдатами и тѣмъ, что̀ мы теперь называемъ чиновниками. Дѣльцы, подобные Остерману, могли имѣть, и дѣйствительно имѣли въ Петербургѣ большое значеніе; но они не могли его имѣть въ Москвѣ, гдѣ не было ни Сената, ни коллегій, ни верфей, ни арсеналовъ. Въ Москвѣ предъ ними открывалась Русь вельможная, Русь съ ея 800-лѣтними преданіями. Москва была, да и до сего времени еще отчасти окружена имѣніями родовой нашей знати,—Голицыныхъ, Долгоруковыхъ, Шереметевыхъ, Нарышкиныхъ; имѣнія эти не красовались дворцами, подобными ораніенбаумскому; но въ каждомъ изъ нихъ прадѣды настоящихъ владѣтелей принимали прадѣдовъ настоящаго государя; старинные портреты украшали древнія ихъ стѣны; многія поколѣнія предковъ покоились подъ узорчатыми церковными плитами; обширные погреба были наполнены дѣдовскими винами и медами, сотни псарей и сокольничихъ, тысячи дворовыхъ и крестьянъ, табуны коней готовы были восполнить, для удовольствія своего помѣщика и гостей его, то чего не доставало въ отношеніи убранства покоевъ и удобствъ жизни.

И въ самой Москвѣ всякій князь, всякій родовитый человѣкъ имѣлъ свое подворье. Это были почти такія же усадьбы, какъ и въ ихъ имѣніяхъ: также, кромѣ господскаго дома, множество надворныхъ строеній для прислуги, для поваровъ и стряпухъ, для пивоваровъ и конюховъ, для доѣзжачихъ, стремянныхъ, огородниковъ, истопниковъ,—а еще болѣе всякаго рода нежилыхъ строеній, какъ-то: конюшень, сараевъ, погребовъ, амбаровъ, клетей, наполненныхъ всякаго рода жизненными

припасами, привозимыми изъ деревень *; кромѣ того при каждомъ домѣ непремѣнно была своя баня, у каждой дворовой семьи своя особая клетушка, а у нѣкорыхъ знатныхъ людей посреди двора стояла и своя собственная церковь.

Посреди такихъ-то удобствъ для привольной, болѣе или менѣе независимой и вполнѣ праздной жизни очутился молодой государь, и онъ широко зачерпнулъ изъ нея. Все четырнадцати-мѣсячное пребываніе его въ Москвѣ было для него непрерывнымъ праздникомъ и ликованіемъ. Министровъ своихъ онъ не видывалъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ; иностранные посланники не могли добиться аудіенціи, такъ что наконецъ двое изъ нихъ, выведенные изъ терпѣнія, объявили Остерману, что если дѣла такъ будутъ продолжаться, то они попросятъ свои правительства отозвать ихъ, потому что имъ рѣшительно нечего дѣлать въ Россіи. Но что̀ было дѣлать Остерману? Воспитанный въ школѣ Петра I, этотъ министръ понималъ весьма хорошо, что монархъ, особенно самодержавный, отъ котораго все исходитъ, котораго именемъ все дѣлается, долженъ всѣ минуты своей жизни отдавать правительственнымъ заботамъ; онъ понималъ точно также, что весь кредитъ его, Остермана, только и держится вниманіемъ государя къ занятіямъ правительственными дѣлами, и по всѣмъ этимъ причинамъ онъ болѣе всѣхъ горевалъ о томъ, что̀ происходило при дворѣ, по при-

* Чтобъ показать какъ велики бывали эти запасы и слѣдовательно какъ обширенъ „дворъ“ или штатъ русскаго вельможи прежняго времени, припомнимъ, что Яковъ Долгоруковъ предложилъ, какъ мѣру противъ голода въ Петербургѣ, взять запмообразно у нѣсколькихъ изъ Петровыхъ сановниковъ муки и другихъ предметовъ первой потребности.

бытіи его въ Москву. Онъ осмѣлился даже однажды сдѣлать государю о томъ представленіе. Государь выслушалъ его, не возражая ни слова, повидимому внимательно и даже благосклонно; но ни на одинъ день не измѣнилъ своего образа жизни.

Въ чемъ же состоялъ его образъ жизни? Съ утра онъ отправлялся изъ дворца вмѣстѣ съ Иваномъ или Алексѣемъ Долгоруковымъ—*куда*—это мало кто зналъ,—и возвращался только къ ночи; иногда дѣлалъ наоборотъ, то-есть выѣхавъ съ вечера, возвращался только къ утру. Когда же наступило лѣто, лѣсъ одѣлся листвой и наполнился звѣремъ, тогда государь могъ вполнѣ удовлетворить господствовавшей въ немъ страсти къ охотѣ и на цѣлыя недѣли исчезалъ изъ Москвы.

У князя Алексѣя было посреди лѣсовъ нынѣшняго Клинскаго уѣзда имѣніе, называемое Горенки, туда-то онъ увозилъ государя, приглашая съ собою только своихъ друзей и родственниковъ. Послѣ утомительнаго полеванья вся компанія возвращалась въ Горенки. Тамъ встрѣчали ихъ хозяйка и молодая хорошенькая ея дочь, съ поклонами и съ чаркою водки. Ужинъ уже готовъ, столъ ломится подъ множествомъ яствъ и питій. Яства быстро поглощаются, бутылки опоражниваются и начинаются шумные, долгіе, оживленные разговоры или танцы. Государь не имѣлъ привычки пить, но любилъ участвовать въ шумной компаніи; при томъ компанію эту составляли все записные охотники, веселые собесѣдники; хозяинъ радушенъ и щедръ, хозяйка внимательна, у дочери ея умильные взоры: какому мальчику не понравится такая жизнь!... Но и кого она не испортитъ!

Милости сыпались на Долгоруковыхъ. Трое изъ нихъ, князь Алексѣй, Василій Владиміровичъ и Василій Лу-

кичъ были сдѣланы членами Верховнаго Тайнаго Совѣта (который состоялъ всего изъ 6—8 членовъ); они были кавалерами обоихъ русскихъ орденовъ (св. Андрея и св. Александра); огромныя имѣнія были имъ розданы; князь Иванъ былъ сдѣланъ майоромъ гвардіи и первымъ придворнымъ сановникомъ, оберъ-камергеромъ,— все это, не имѣя еще 25 лѣтъ отъ роду и безъ всякихъ заслугъ отечеству. Въ послѣднее время этотъ баловень судьбы даже не очень усердно исполнялъ свою камергерскую обязанность, и въ то время, какъ государь носился съ борзыми по горенскимъ полямъ, онъ оставался въ Москвѣ и веселился на собственный свой ладъ. „Окружась драгунами, онъ часто по всему городу съ необычайнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный (сумасшедшій) скакалъ, по ночамъ въ чужіе домы вскакивалъ, гость досадный и страшный.“ Такъ говоритъ про него Ѳеофанъ Прокоповичъ, да и не одинъ онъ отзывается подобнымъ образомъ. Князь М. М. Щербатовъ, на котораго намъ часто придется ссылаться, жившій нѣсколько позднѣе, но знавшій многихъ современниковъ Петра II, пишетъ, что его фаворитъ, поссорившись за шумнымъ ужиномъ съ однимъ изъ Трубецкихъ, чуть не выбросилъ его въ окно.

Все это разумѣется сходило фавориту съ рукъ и даже никто не осмѣлился бы на него пожаловаться. Кому жаловаться? Какой судъ рѣшился бы потребовать его къ отвѣту? Князь Иванъ и его родня умѣли оторвать государя отъ всѣхъ его привязанностей. Въ первое время своего царствованія онъ очень привязался было къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая цвѣла всею прелестію молодости и красоты, и Остерманъ, какъ мы видѣли, считалъ возможнымъ устроить между ними брачный союзъ: Долгоруковы успѣли побѣдить и сер-

дечную склонность Петра. Скоро по вступленіи его на престолъ была вызвана изъ заточенія его бабка, царица-инокиня Евдокія; эта несчастная женщина 30 лѣтъ мечтала о возвращеніи несправедливо отнятыхъ у нея правъ, о счастіи обнять сына, а потомъ внука: внукъ дѣйствительно возвратилъ ей свободу и царскій санъ, но не далъ ей ни любви, ни даже вниманія: Долгоруковы боялись вліянія на государя ея самой и близкаго къ ней въ это время Шафирова. Они охладили его привязанность къ сестрѣ его, великой княжнѣ Наталіи, съ которою онъ былъ друженъ съ пеленокъ. Петръ на все смотрѣлъ глазами Долгоруковыхъ, однихъ ихъ слушалъ, однимъ имъ вѣрилъ.

Осенью 1729 года государь находился въ отлучкѣ изъ Москвы въ продолженіе шести недѣль; въ городѣ въ это время стали ходить слухи, что онъ женится на сестрѣ Ивана Долгорукова; и дѣйствительно, въ ноябрѣ было торжественно объявлено о его бракосочетаніи съ княжной Екатериной. Долгоруковы шли по пути проложенному Меншиковымъ. Обрученіе было совершено публично; княжна получила названіе „государыни-невѣсты“ и было приказано поминать ее на эктеніяхъ; назначенъ былъ день бракосочетанія,—и вдругъ всѣ замыслы Долгоруковыхъ разлетѣлись прахомъ, говоритъ Прокоповичъ, „яко сосудъ скудельный.“ На крещенскомъ парадѣ государь простудился и заболѣлъ; у него обнаружилась оспа,—болѣзнь, считавшаяся въ то время еще гораздо болѣе опасною, чѣмъ нынѣ, и черезъ нѣсколько дней его уже не было на свѣтѣ. (19-го января 1730 г.)

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Замыслы Долгоруковыхъ во время болѣзни государевой.—Замыслы кн. Д. Голицына.—Избраніе на престолъ Анны Іоанновны (1730).—Предложенныя ей „кондиціи“ и депутація къ ней, посланная отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Другія сдѣланныя ей сообщенія.—Она принимаетъ престолъ и кондиціи — Въ Москвѣ обнаруживается неудовольствіе противъ Верховнаго Совѣта. — Челобитныя, поданныя дворянствомъ.—Затруднительное положеніе „верховниковъ“.—Прибытіе императрицы.—Тайныя сношенія съ нею ея приверженцевъ.—Они подаютъ ей челобитную (25-го февр.) о пересмотрѣ кондицій и потомъ другую о принятіи самодержавія.—Императриц аразрываетъ кондиціи и принимаетъ самодержавіе.

Внезапная и опасная болѣзнь государя сильно встревожила дворъ, Москву, а особливо, разумѣется, Долгоруковыхъ. Князь Алексѣй Григорьевичъ, въ качествѣ нареченнаго тестя государева, жилъ въ одномъ изъ московскихъ дворцовъ, Головинскомъ; однажды вечеромъ въ его спальнѣ собрались два его брата, сынъ и Василій Лукичъ.

— „Государь опасно болѣнъ,“ сказалъ хозяинъ; „надобно намъ подумать, кого избрать его наслѣдникомъ.“

— „Кого же вы думаете избрать?“ спросилъ Василій Лукичъ.

— „Не можно ли написать такую духовную, что будто е. и. в. по кончинѣ своей учинилъ наслѣдницею *ее*?“

отвѣчалъ Алексѣй, указывая пальцемъ вверхъ, туда, гдѣ были покои его дочери.

Василій Лукичъ пожалъ плечами.

— „Страшное это дѣло,“ сказалъ онъ; „и народъ не повѣритъ этой духовной.“

— „Чего бояться!“ возразилъ одинъ изъ братьевъ нареченнаго тестя, и всѣ они вмѣстѣ начали совѣщаться, какъ бы написать духовную отъ имени государя. Василій Лукичъ, видя что его родственники люди рѣшительные, приступилъ къ ихъ плану, и прочелъ имъ слѣдующее письмо къ нему датскаго посланника: „Слухи носятся, писалъ Вестфаленъ, что государь опасно болѣнъ: если онъ скончается, кто же будетъ царствовать? Если принцесса Елисавета, то это будетъ весьма противно датскому двору“ (такъ какъ можно было ожидать, что она станетъ поддерживать претензіи своего зятя, герцога Голштинскаго на Шлезвигъ). „Вы постарались бы, продолжалъ датскій министръ, доставить престолъ обрученной невѣстѣ царской, а вашей родственницѣ, подобно тому какъ послѣ смерти Петра I сдѣлали императрицею Екатерину Алексѣевну Меншиковъ и Толстой. Вы еще болѣе силы и власти имѣете,“ заключалъ онъ.

Письмо это еще болѣе ободрило присутствующихъ, и они рѣшились составить духовную отъ имени умирающаго государя, съ тѣмъ чтобъ улучить минуту и подсунуть ее къ его подписи. Но тутъ представилось сомнѣніе: а если такой минуты улучить не удастся? Тогда фаворитъ вызвался подписать ее вмѣсто государя, говоря что умѣетъ подписываться подъ его руку, и тутъ же написалъ „Петръ“ такимъ почеркомъ, который былъ дѣйствительно очень похожъ на государеву подпись.

Всѣ присутствующіе стали тогда просить Василія Лукича, чтобъ онъ, какъ человѣкъ знакомый съ формами государственныхъ актовъ, написалъ духовное завѣщаніе; но осторожный дипломатъ не хотѣлъ, чтобы такой опасный документъ былъ писанъ его рукою, и отговорился тѣмъ, что у него почеркъ не хорошъ. Поэтому одинъ изъ братьевъ князя Алексѣя взялъ перо; этотъ послѣдній и Василій Лукичъ диктовали, а Иванъ подписалъ подъ нею имя государя. Потомъ съ нея была списана копія, съ тѣмъ чтобы Фаворитъ, если представится возможность, убѣдилъ государя подписать ее.

Между тѣмъ пріѣхали въ Головинскій дворецъ еще двое Долгоруковыхъ,—Василій Владиміровичъ съ братомъ. Хозяинъ объяснилъ имъ, что здѣсь думаютъ какъ бы возвести на престолъ, въ случаѣ смерти государя, его невѣсту.

— „Этому никакъ статься не можно, отвѣтилъ старый фельдмаршалъ: княжна Катерина за государемъ въ супружествѣ не была.“

— „Не была въ супружествѣ, но обручена, возражали ему; да и какъ этому не сдѣлаться! Ты въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ майоръ; то же можно учинить и въ Семеновскомъ. Сверхъ же того, мы будемъ говорить Головкину и князю Дмитрію Голицыну; а ежели они въ томъ заспорятъ, то будемъ ихъ бить.“

— „Что вы ребячье врете! воскликнулъ старикъ; какъ этому можно сдѣлаться и какъ мнѣ полку объявить? Услышавъ отъ меня о томъ объявленіи, меня не только бранить будутъ, но и убьютъ! Да и не слыханное въ свѣтѣ вы дѣло затѣваете, чтобъ обрученной невѣстѣ быть россійскаго престола наслѣдницей!

Кто захочетъ ей подданнымъ быть,—не только посторонніе, но и я, и прочіе изъ нашей фамиліи? Лучше правду вамъ говорить, а не манить!“ прибавилъ Василій Владиміровичъ и съ братомъ своимъ уѣхалъ, а князь Иванъ отправился во дворецъ, взявши съ собою ту духовную, которая оставалась безъ подписи, съ тѣмъ чтобы при первой возможности дать ее подписать государю. Но возможности этой не представилось; больной все слабѣлъ, и въ самый день назначенный для его бракосочетанія скончался.

Такимъ образомъ замыслы Долгоруковыхъ дѣйствительно разлетѣлись „яко сосудъ скудельный,“ какъ выразился Ѳеофанъ Прокоповичъ. Это были замыслы совершенно нелѣпые и заслуживающіе упоминанія лишь по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя они имѣли для самихъ Долгоруковыхъ.

Составители этого замысла разсчитывали между прочимъ на Дмитрія Голицына, какъ мы видѣли: это былъ разчетъ вполнѣ неосновательный. У Голицына были совершенно другіе планы. Реформы Петра и въ особенности перевѣсъ при немъ иностранныхъ обычаевъ и законовъ не нравились Голицыну, и не ему одному. Не нравилось Голицыну, такъ же какъ и весьма многимъ другимъ, то самовластіе, съ которымъ Петръ приводилъ въ исполненіе свои предположенія, и если Голицынъ подчинялся этому самовластію безропотно, то потому только, что оно исходило отъ человѣка геніальнаго, который подчинялъ себѣ людей еще болѣе моральною своею силой, чѣмъ властію матеріальною. Петръ не любилъ возраженій относительно государственныхъ дѣлъ со стороны людей, которые были совершенно различныхъ съ нимъ мнѣній; онъ уничтожилъ боярскую думу, которая при его предшественникахъ

имѣла нѣкоторое значеніе; но если Петръ распоряжался вполнѣ самовластно, то по крайней мѣрѣ работалъ для блага Россіи, такъ какъ понималъ это благо,—а можно ли было ручаться, что всѣ его преемники будутъ на него похожи? Такъ разсуждалъ преданный Петру, но не его системѣ, Голицынъ, вельможный духъ котораго оскорблялся при томъ наплывѣ безродныхъ иностранцевъ и „худородныхъ“ Русскихъ, которые въ послѣднее время, окружа престолъ, оттѣсняли отъ него старинные боярскіе и княжескіе роды. Чтеніе и размышленіе утвердили всѣ эти мысли въ умѣ Голицына, а такъ какъ онъ былъ человѣкъ рѣшительный, смѣлый, то и положилъ привести въ исполненіе свои мысли при ожидаемой смерти Петра II.

Ту ночь, въ которую государь скончался, члены Верховнаго Совѣта проводили разумѣется во дворцѣ, и натурально каждый изъ нихъ занятъ былъ мыслію — кому достанется русская держава; когда же сдѣлалось извѣстно; что Петра не стало, положено было приступить къ совѣщаніямъ о престолонаслѣдіи. Одинъ изъ Долгоруковыхъ предложилъ пригласить къ этому совѣщанію синодальныхъ архіереевъ, выходившихъ изъ государева покоя; но Д. М. Голицынъ отклонилъ это предложеніе, сказавъ что высшее духовенство, нечестнымъ своимъ поведеніемъ при возведеніи на престолъ Екатерины, лишилось права на довѣріе.

Заперли двери и приступили къ совѣщаніямъ. Алексѣй Долгоруковъ не премнулъ предъявить мнимое завѣщаніе покойнаго государя, но на него не обратили вниманія. Не обратили вниманія и на произнесенное кѣмъ-то имя царицы инокини. Наконецъ Дмитрій Голицынъ замѣтилъ, что со смертію Петра II пресѣклось

мужское потомство его дѣда, что слѣдовательно справедливо обратиться нынѣ къ потомству царя Іоанна и назвалъ герцогиню Курляндскую, такъ какъ старшая сестра ея, Екатерина, замужемъ за иностраннымъ принцемъ (Мекленбургскимъ), о коемъ при томъ ходятъ невыгодные слухи.

Всѣ немедленно согласились на это предложеніе и считали дѣло оконченнымъ. Но Голицынъ, возвысивъ голосъ, произнесъ: „Россія много терпѣла отъ деспотическаго управленія, чему не мало содѣйствовали иностранцы, въ большомъ количествѣ сюда привлеченные. Теперь наступило время намъ себѣ *полегчить*“.

— „Какъ полегчить“? спросилъ кто-то съ недоумѣніемъ.

— „Такъ полегчить чтобъ воли (свободы) себѣ прибавить.“

— „Хоть и начнемъ, да не удержимъ“, замѣтилъ сомнительно В. В. Долгоруковъ.

— „Удержимъ,“ рѣшительно сказалъ Голицынъ. Надо ограничить произволъ хорошими узаконеніями и поднести императрицѣ корону съ нѣкоторыми условіями.“

Голицынъ зналъ, что его мнѣніе раздѣляютъ нѣкоторые изъ присутствующихъ; тѣ же, которые думали иначе, были захвачены словами его совершенно врасплохъ. Головкинъ, напримѣръ, видя что никто не возражаетъ, хотя и преданъ былъ правленію монархическому неограниченному, не рѣшился однакожъ возражать, никогда во всю свою жизнь не любивши споровъ и избѣгавши противорѣчій.

Неизвѣстно, былъ ли бы тверже его другой приверженецъ чистаго самодержавія, Остерманъ; онъ не явил-

ся въ собраніе и сказался больнымъ, предвидя что дѣло не обойдется безъ щекотливыхъ вопросовъ *.

По всѣмъ этимъ причинамъ предложеніе Голицына осталось безъ возраженія; и онъ тотчасъ же приступилъ къ составленію условій, которыя предполагалось предложить Аннѣ Іоанновнѣ вмѣстѣ съ короною. Эти условія („кондиціи“) состояли главнѣйше въ томъ, чтобъ управлять государствомъ не иначе какъ съ содѣйствіемъ Верховнаго Совѣта, и безъ его согласія не объявлять войны, не заключать мира, не подвергать дворянъ уголовнымъ наказаніямъ, не увеличивать податей, не возводить въ высшіе чины, не раздавать недвижимыхъ имѣній, не расходовать государственной казны; „а буде,—писалось отъ имени императрицы, чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской“.

Пока составлялись эти „кондиціи“, наступило утро и дворецъ сталъ наполняться придворными сановниками какъ свѣтскими, такъ и духовными. Головкинъ, какъ старшій изъ членовъ Верховнаго Совѣта, объявилъ присутствующимъ, что по мнѣнію Совѣта корона должна принадлежать царевнѣ Аннѣ, но что впрочемъ на это испрашивается согласіе всего отечества въ лицѣ присутствующихъ сановниковъ. Возраженій не послѣдовало, и царевна Анна была провозглашена императрицей. Только Ягужинскій, всегда пылкій и стремительный, воскликнулъ при этомъ: „батюшки! прибавьте намъ какъ можно воли (свободы)!“ На это одинъ изъ

---

* Членами Верховнаго Совѣта были въ это время: графъ Головкинъ, князья Д. М. и М. М. Голицыны, князья В. В. его братъ Михаилъ, В. Л. и А. Г. Долгоруковы и Остерманъ.

верховниковъ шепнулъ ему что желаніе его уже исполнено. Съ своей стороны, находчивый Ѳеофанъ поспѣшилъ вызваться отслужить благодарственный молебенъ по случаю счастливо совершившагося избранія, и все собраніе, одобривъ предложеніе Ѳеофана, готовилось двинуться въ Успенскій Соборъ, когда Д. М. Голицынъ воспротивился этому на томъ основаніи, что еще неизвѣстно, угодно ли будетъ герцогинѣ Курляндской принять русскую корону".

И на это не послѣдовало возраженій. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждали сановники, рѣшившіе судьбу русскаго престола, лучше отслужить молебенъ, когда дѣло будетъ совершенно рѣшено. Но были и люди менѣе довѣрчивые. Ѳеофанъ Прокоповичъ, возвращаясь въ свою келію, ломалъ себѣ голову, почему князь Голицынъ, а за нимъ и другіе верховники, могли возымѣть сомнѣніе въ томъ, что герцогиня Курляндская согласится обмѣнять свою герцогскую корону на императорскую?

Между тѣмъ „кондиціи" были написаны и одобрены тѣми, съ чьего вѣдома они писались. Затѣмъ поручено было В. Л. Долгорукову съ двумя другими лицами представить ихъ царевнѣ. А такъ такъ „верховники" не были увѣрены, что нація вообще съ ними согласна, то Долгорукову велѣно было выѣхать въ тотъ же день, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано распоряженіе, чтобы, кромѣ него съ товарищами, никого не выпускать изъ Москвы.

Какъ ни тайно приводили верховники въ исполненіе свой замыселъ, онъ сдѣлался скоро извѣстнымъ: на слѣдующій уже день французскій резидентъ доносилъ о немъ своему двору. Но еще ранѣе провѣдалъ о томъ баронъ Левенвольдъ, курляндскій резидентъ при русскомъ дворѣ, и немедленно далъ о всемъ случившемся

знать своей герцогинѣ. Нѣсколько спустя послалъ къ ней гонца и Ягужинскій. Ягужинскій возвратился домой въ раздумьи. Онъ хотѣлъ „прибавки воли“; верховники и задумали какъ было ему сказано „прибавить воли“,—но для кого? Для Долгоруковыхъ и Голицыныхъ?... Эти двѣ фамиліи дѣйствительно устраивали себѣ выгодное и высокое положеніе какъ объяснилъ ему Головкинъ, его тесть; но какая выгода ожидала его, Ягужинскаго? А потому онъ „худородный“ и всѣмъ обязанный Петру и Екатеринѣ рѣшился отправить и отъ себя въ Митаву надежнаго офицера, Сумарокова, который успѣлъ прибыть туда ранѣе В. Долгорукова и почти въ одно время съ Левенвольдовымъ гонцомъ.

Есть извѣстія, что Анна Іоанновна получила и еще подобное же увѣдомленіе и отъ Ѳеофана Прокоповича.

Всѣ совѣтовали ей принять предлагаемыя условія, а по прибытіи въ Москву уничтожить ихъ какъ несогласныя съ желаніями народа. Что думала сдѣлать та, до кого всего ближе это касалось? Неизвѣстно, но условія были приняты новою императрицей безъ всякаго возраженія. Такимъ образомъ, казалось, умыселъ верховниковъ вполнѣ удался, и Ѳеофанъ, описавшій эти происшествія, говоритъ, что „лица не только ихъ, но и слугъ ихъ сіяли радостію“.

Радость эта была однакожь не безъ облакъ. Въ Москву съѣхалось въ это время довольно много дворянъ; не мало ихъ было и между офицерами и солдатами гвардіи *. Между ними вообще, равно какъ и между высшими чиновниками разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ,

---

* Надо не забывать, что гвардейскіе солдаты были вообще изъ дворянъ.

обнаруживалось расположеніе не весьма ободрительное для верховниковъ. Весьма большому ихъ числу не нравилось, что нѣсколько лицъ, нѣсколько фамилій такъ сильно выдвигалось изъ среды дворянства, и нашлись люди, которые сдѣлались коноводами этого особаго рода оппозиціи. Такими людьми были: князь Черкасскій, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, и двое образованныхъ, умныхъ молодыхъ людей,—князь Кантемиръ и Татищевъ: первый пріобрѣтшій въ послѣдствіи извѣстность какъ поэтъ, второй—какъ историкъ. Они успѣли собрать вокругъ себя большое число дворянъ, и въ то время, какъ императрица медленно подвигалась къ Москвѣ, въ Верховный Совѣтъ было подано нѣсколько прошеній, содержаніе которыхъ должно было сильно обезпокоить верховниковъ *.

Въ то время, какъ недовольное дворянство осаждало такимъ образомъ Верховный Совѣтъ, духовенство тоже ему явно не благопріятствовало, хотя и молчало; наконецъ многочисленная родня новой императрицы (по матери),—Салтыковы и ихъ родственники и пріятели, громко говорили, что верховники дерзко посягнули на власть самодержавную. Такимъ образомъ положеніе этихъ послѣднихъ становилось затруднительно; къ тому же между ними былъ только одинъ человѣкъ способный руководить задуманнымъ ими дѣломъ,—кн. Димитрій Голицынъ; В. Л. Долгоруковъ былъ въ отсутствіи, Остерманъ продолжалъ притворяться больнымъ, жалуясь на подагру и страданіе глазами; оба фельдмаршала были честные и храбрые, но вовсе не государственные люди. Остальные единомышленники Д.

---

* О содержаніи этихъ прошеній см. въ слѣд. главѣ.

Голицына были еще менѣе способны помочь ему въ трудномъ дѣлѣ примиренія между собою различныхъ интересовъ и желаній, сближенія различныхъ мнѣній, удовлетвореніе разнообразныхъ требованій. Оставшись такимъ образомъ почти одинъ, Голицынъ старался сблизиться то съ Черкасскимъ, то съ другими вліятельными людьми; то дѣлалъ уступки, то начиналъ преслѣдовать тѣхъ, которые съ нимъ не соглашались. Въ теченіе нѣсколькихъ дней было арестовано въ Москвѣ болѣе 30 человѣкъ и въ томъ числѣ Ягужинскій. Но поражая страхомъ соперниковъ своихъ, пишетъ преосвященный Ѳеофанъ, изобразившій эти происшествія, „и сами верховники не ощущали въ себѣ безстрашія“.

Дѣйствительно они пошли на уступки; соглашались напримѣръ чтобы въ Верховномъ Совѣтѣ никогда не было болѣе двухъ лицъ одной фамиліи и чтобы для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ приглашаемы были на совѣщанія синодъ, сенатъ и знатное шляхетство.

Между тѣмъ императрица прибыла къ Москвѣ и остановилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, въ селѣ Всесвятскомъ. Во все время ея слѣдованія отъ Митавы В. Л. Долгоруковъ не покидалъ ея ни на часъ; съ прибытіемъ же во Всесвятское, и потомъ во время ея пребыванія въ Москвѣ, надъ нею учрежденъ былъ, можно сказать, надзоръ, едва замаскированный наружною почтительностію. Никто не былъ къ ней допускаемъ иначе какъ съ разрѣшенія Верховнаго Совѣта, да и при тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда кому-нибудь удавалось добиться аудіенціи, Василій Лукичъ не отходилъ отъ императрицы и „остро наблюдалъ“ за всѣми словами и движеніями говорившихъ.

Наблюденія эти однакожь ничего не предупредили. Императрица назначила къ себѣ въ статсъ-дамы женъ

такихъ людей, которые были извѣстны ей своею преданностію,—каковы Остерманъ, Черкасскій, одинъ изъ Салтыковыхъ, и чрезъ нихъ могла не только узнавать все что̀ дѣлалось, но и получать совѣты, какъ поступать и что̀ дѣлать. Приверженцы императрицы должны были употреблять для этого разныя хитрости; такъ Ѳеофанъ поднесъ ей въ подарокъ столовые часы, внутрь которыхъ была вложена записка съ объясненіемъ его образа мыслей; другія записки, увѣдомлявшія ее о дѣйствіяхъ верховниковъ и заключавшія совѣты приверженцевъ, вкладывались въ одежду малютки, сына ея курляндскаго камергера Бирона, котораго къ ней приносили ежедневно. Такимъ образомъ она знала о затруднительномъ положеніи верховниковъ, о стараніяхъ своихъ приверженцевъ въ средѣ мелкаго дворянства и военныхъ офицеровъ, знала, чѣмъ эти старанія должны кончиться, и какъ поступать при этомъ ей слѣдовало.

Все разыгрывалось, слѣдовательно, какъ по нотамъ. 25-го февраля, нѣсколько сотъ гвардейскихъ офицеровъ и лицъ гражданскаго чина. знатныхъ и незнатныхъ, вообще же дворянскаго или служилаго сословія, отправились въ Успенскій соборъ, а оттуда прямо въ Московскій дворецъ (куда между тѣмъ пріѣхала императрица), и потребовали у нея аудіенціи чрезъ князя Черкасскаго. Государыня не замедлила выйти. Тогда одинъ старый вельможа, Трубецкой, подалъ ей челобитную, въ которой отъ имени присутствующихъ ходатайствовалось о дозволеніи пересмотрѣть предложенныя ей верховнымъ совѣтомъ условія, для установленія формы правленія незыблемой и вполнѣ согласной съ желаніями дворянства и выгодами Россіи. В. Л. Долгоруковъ былъ какъ на угольяхъ, хотѣлъ что-то

сказать, но восклицанія присутствующихъ заглушили его голосъ. Императрица согласилась на желаніе депутаціи, которая затѣмъ и перешла въ одну изъ палатъ дворца. Очевидно, при многолюдствѣ этой депутаціи, при волненіи, въ которомъ должны были находиться ея члены, при ихъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ верховникамъ, важное дѣло, которымъ они предполагали заняться, не могло подвергнуться серіозному обсужденію. Поэтому не должно удивляться, что этимъ собраніемъ было принято самое простое рѣшеніе, а именно, чтобы государыня приняла самодержавіе и всю полную власть, какою пользовались ея предки. Какъ скоро это было рѣшено, послали просить у государыни новой аудіенціи. Императрица милостиво приняла эту просьбу выслушала желаніе дворянъ и, обратясь къ Долгорукову, сказала.

— „Такъ это не было желаніе народа, чтобъ я подписала кондиціи? Стало-быть, ты обманулъ меня, Василій Лукичъ?..“

Затѣмъ „кондиціи“ были разорваны, и императрица объявила, что она вступила на престолъ по преемству, а не по избранію, и возстановляетъ самодержавіе, какимъ пользовались ея предшественники.

„Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны!“ сказалъ старый Голицынъ, когда все это совершилось.—„Я знаю, что бѣда обрушится на мою голову. Я старъ и смерть мнѣ не страшна; но, тѣ, которые думаютъ насладиться моими страданіями, пострадаютъ тяжеле моего.“

II.

Политическія мысли Голицына.—Причины неудовольствія дворянства противъ нихъ.—Мысли, выраженныя въ челобитной дворянства.—Сличеніе тѣхъ и другихъ мыслей съ мыслями прежняго времени.—Передовые люди молодаго поколѣнія: Татищевъ, Кантемиръ.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Противники его въ средѣ духовенства.—Его полемика противъ Стефана Яворскаго.—Католическое вліяніе.—Ѳеофилактъ Лопатинскій.—Слѣдствіе надъ Ѳеофилактомъ.—Школы, музеи. и пр. Академія.—Ученыя экспедиціи.

Мы нѣсколько остановимся на только-что разсказанномъ происшествіи. Въ предположеніяхъ Голицына и въ челобитныхъ различныхъ партій, противныхъ Верховному Совѣту, для насъ открывается много любопытнаго и достойнаго самаго серіознаго вниманія.

Чего хотѣлъ Голицынъ? Уменьшить власть государя и значительно увеличить власть верховнаго совѣта; онъ этимъ думалъ оградить Россію отъ „деспотическаго управленія“. Но „деспотическое управленіе“ можетъ происходить и отъ собранія, совѣта, директоріи, вообще отъ всякихъ людей и обществъ; какъ бы они ни назывались. Голицынъ желалъ, чтобъ ничего значительнаго не дѣлалось въ государствѣ безъ воли и помимо Верховнаго Совѣта, а еслибъ этотъ совѣтъ, совершенно подчинивъ себѣ волю государя, сталъ, „деспотически“ распоряжаться государствомъ? Это очень могло случиться, и этого именно опасались противники Верховнаго Совѣта; Ягужинскій, напримѣръ, желалъ воли, но не для нѣсколькихъ знатныхъ фамилій, онъ не хотѣлъ также чтобъ государи пользовались „самовластіемъ“, но не хотѣлъ также чтобъ оно перешло и въ руки верховниковъ. „Боже сохрани,—писалъ одинъ очень ум

ный человѣкъ того времени, Волынскій,—чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій!“ И подобныя опасенія были не безосновательны. Первый образчикъ самовластія уже былъ данъ этими фамиліями избраніемъ государя, несогласнымъ съ обычаями, на что и указывало недовольное дворянство въ одной изъ своихъ челобитныхъ „Они“, писано въ этой челобитной, „въ томъ надлежащій порядокъ избранія преступили. По закону естественному, избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, а не четырехъ или пяти человѣкъ“. Правда, продолжаетъ челобитная, Римскаго цесаря избираютъ курфирсты въ числѣ девяти человѣкъ, но за то эти курфирсты такъ усилились, „что стали сами повелителями“ и отъ того „оная имперія часъ отъ часу умаляется, а сосѣди оной усиливаются и часть по части во всѣ стороны отрываютъ; слѣдственно и мы не лучшаго ожидать можемъ“. Такимъ поступкомъ своимъ, продолжаетъ челобитная, верховники „законъ самовольно и власть себѣ похитили, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ становъ (сословій)“.

Челобитчики видѣли въ послѣднихъ дѣйствіяхъ Верховнаго Совѣта желаніе нѣсколькихъ фамилій забрать власть надъ всѣмъ государствомъ, первый шагъ къ господству аристократіи, а „аристократія насъ довольно вредомъ приключеннымъ научила“, замѣчала челобитная и указывала на борьбу удѣльныхъ противъ великихъ князей. Объ этомъ же неудовольствіи противъ обнаруженныхъ Верховнымъ Совѣтомъ аристократическихъ стремленій говорилъ полвѣка спустя не разъ уже упомянутый кн. Щербатовъ: „множество благородныхъ лицъ, по словамъ его, было недовольно

учиненными статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали". Вотъ что можно сказать съ полною увѣренностію, возбудило такое рѣшительное и всеобщее неудовольствіе противъ верховниковъ, независимо отъ личныхъ разсчетовъ однихъ и искренней преверженности другихъ къ чистому самодержавію.

Сличеніе мыслей и взглядовъ Голицына и противниковъ его даетъ намъ довольно ясное понятіе о политическихъ мнѣніяхъ того времени. Посмотримъ, какъ онъ и его противники думали организовать правленіе. Голицынъ, какъ сказано, хотѣлъ представить къ государю совѣтъ, безъ согласія котораго ничего важнаго не могло бы быть предпринято; и членами этого совѣта онъ хотѣлъ сдѣлать лицъ принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ старинымъ знатнымъ родамъ. Что касается до противниковъ Голицына, то, какъ мы видѣли, между ними были двѣ партіи: одна хотѣла чистаго самодержавія, слѣдовательно не желала вводить ничего новаго; другая, напротивъ, выразила много новыхъ мыслей въ челобитной, о которой говорено выше. Составители этой челобитной желали, чтобъ государь имѣлъ постоянныхъ совѣтниковъ, но чтобъ совѣтники эти засѣдали въ двухъ особыхъ палатахъ, одной о 21, и другой о 100 членахъ. Обязанностью ихъ было бы составлять, по указанію государя, законы, зрѣло ихъ обдумывая и разсылая для разсмотрѣнія, прежде изданія ихъ, въ правительственныя коллегіи, ибо,—говорилось въ челобитной, „Петръ Великій хотя и мудрый государь былъ, но иногда издавалъ законы опрометчиво и потомъ вынужденъ бывалъ ихъ отмѣнять". Кромѣ того, эти двѣ палаты должны были помогать государю въ управленіи, какъ старинная дума, или Петровскій

Сенатъ. Наконецъ предполагалось чтобъ всѣ важнѣшія перемѣны въ государствѣ производились не иначе какъ съ согласія этого высшаго правительственнаго учрежденія и по совѣщаніи съ генералитетомъ и дворянствомъ.

Сличая мысли Голицына съ тѣми, которыя выражены челобитчиками, оказывается, что мысли послѣднихъ были шире, ибо въ нихъ выражалось стремленіе дать участіе въ правленіи вообще всему дворянству (о дарованіи какихъ-либо правъ другимъ сословіямъ никто въ Россіи да и въ остальной Европѣ, тогда не думалъ), авторы челобитной требовали также улучшенія быта сельскаго духовенства и купечества и учрежденія школъ; они выражали желаніе, чтобы въ тайной канцеляріи, весьма ненавистной народу, засѣдали члены отъ Сената, „чтобы смотрѣли на справедливость“; они желали также, чтобы на убылыя мѣста высшихъ сановниковъ представляемы были государю избранные по баллотировкѣ кандидаты. Затѣмъ, естественно имѣя въ виду главнѣйше собственные интересы, дворяне просили, чтобъ обязанность государственной службы, вмѣсто пожизненной, сдѣлать срочною, и чтобы точнѣе опредѣлено было, кто имѣетъ право считаться дворяниномъ, и кто этого права не имѣетъ.

Итакъ, вотъ чего желали наши предки почти полтораста лѣтъ тому назадъ, вотъ что̀ казалось имъ нужнымъ для блага Россіи. Лѣтъ за тридцать предъ тѣмъ нѣкто Посошковъ составилъ проектъ, какъ улучшить правленіе и водворить въ Россіи правосудіе, просвѣщеніе и вообще благосостояніе; сочиненіе Посошкова чрезвычайно любопытно, но въ немъ мы не замѣчаемъ того, что замѣчаемъ со стороны проектеровъ 1730 года: эти послѣдніе желали привлечь къ участію въ правленіи одни.

знатные роды, другіе все дворянское сословіе, тогда какъ Посошковъ стремился лишь къ тому, чтобы сообщить больше дѣятельности и правильности административнымъ учрежденіямъ о чемъ думали и равьше Посошкова, еще въ XVII вѣкѣ. Откуда же взялись новыя мысли, замѣчаемыя нами и со стороны верховниковъ и, еще болѣе, со стороны тѣхъ, которые просили о пересмотрѣ „кондицій“?

Мысль о политическомъ значеніи знати была навѣяна съ Запада, Голицынъ долго губернаторствовалъ въ Кіевѣ и слѣдовательно могъ насмотрѣться тамъ на польскіе порядки, дававшіе большой перевѣсъ знати надъ остальнымъ народомъ и самимъ королемъ: извѣстно также что Голицынъ, съ особымъ тщаніемъ изучалъ государственное устройство Швеціи, въ которой въ послѣднее время взяла верхъ аристократія. Мысль о преобладаніи дворянства, какъ отдѣльнаго, привилегированнаго сословія, выраженная лицами просившими о пересмотрѣ „кондицій“, есть тоже мысль западной Европы, вовсе незнакомая до-Петровской Руси. Петръ началъ первый раздавать почетные титулы и ордена, усилилъ владѣльческое право помѣщиковъ и такимъ образомъ, при помощи примѣровъ западныхъ государствъ, развилъ въ Россіи понятіе о дворянскомъ сословіи, въ составъ котораго вошли наиболѣе образованные люди, а люди эти какъ мы сейчасъ видѣли, стали заявлять совершенно новыя у насъ желанія. Въ Московской Руси ни въ какое время не было замѣтно со стороны частныхъ людей желанія пріобрѣсть значеніе политическое, принять участіе въ правленіи, напротивъ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ у насъ были земскіе соборы, которые могли бы обратиться въ нѣчто подобное Шведскому сейму, или Англійскому парламен-

ту, но послѣ полутора-вѣковаго существованія они исчезли безъ слѣда и сопротивленія.

Это указываетъ намъ, какое значительное вліяніе оказали на Россію знакомство съ Европой и заимствованія, сдѣланныя у нея Петромъ. Подъ ихъ вліяніемъ измѣнялись понятія людей, измѣнялся общественный строй и едва не подверглись измѣненію основы государственнаго устройства. Дѣйствительно, цѣлое поколѣніе возросло со времени начатой Петромъ реформы и прониклось ею; знакомство съ учрежденіями Западной Европы сдѣлалось далеко не рѣдкостью между людьми Петровой школы.

Если князь Дмитрій Голицынъ, изучившій ихъ въ первой четверти вѣка, былъ, можно сказать, исключеніемъ между людьми своего поколѣнія, то въ слѣдующемъ поколѣніи было уже не мало людей знакомыхъ съ государственнымъ устройствомъ не только значительнѣйшихъ странъ Европы, но Швейцаріи, Генуи (тогда еще независимой республики) и др. Мысль въ этихъ молодыхъ людяхъ уже не дремала, какъ она дремала у ихъ отцовъ, которыхъ грозный царь долженъ былъ силою гнать въ школу и посылать за границу. Учиться и знать сдѣлалось для нихъ насущною потребностью. Поэтому намъ будетъ весьма небезполезно поближе познакомиться съ нѣсколькими представителями этого молодаго поколѣнія, а именно: съ Татищевымъ и княземъ Кантемиромъ.

Татищевъ былъ употребленъ Петромъ Великимъ по горнозаводскому дѣлу, которое по повелѣнію государя изучалъ онъ въ Швеціи, въ послѣдствіи онъ управлялъ уральскими заводами и значительно улучшилъ ихъ; наконецъ онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ дѣятельный, умный правитель Астраханской губерніи и

башкирскаго края. Но еще не въ этомъ главная заслуга Татищева и важнѣйшее его право на память потомства; онъ незабвенъ какъ первый Русскій, серіознымъ образомъ приступившій къ изученію Россіи. Будучи въ Швеціи, на Уралѣ, въ Астрахани, въ Оренбургѣ, вездѣ, куда ни кидала его служебная дѣятельность, этотъ необыкновенно любознательный человѣкъ во все пристально всматривался, все сравнивалъ, все изслѣдовалъ—языкъ и обычаи мѣстныхъ жителей, естественныя свойства страны, ея почву, ея удобства относительно торговли и промышленности, ея исторію, памятники минувшихъ временъ, преданія,—и вотъ въ немъ наконецъ родилось желаніе написать изслѣдованіе о Россіи, въ которое вошли бы всѣ свѣдѣнія, какія только можно было собрать о ней. Уже программа подобнаго труда была имъ составлена, уже не мало было собрано и матеріаловъ по части судоходства, водныхъ и горныхъ системъ, свойствъ почвы, естественныхъ богатствъ, различныхъ племенъ населяющихъ Россію, ихъ языка, религіи, обычаевъ, занятій и проч.; но Татищевъ увидѣлъ самъ, что съ подобнымъ трудомъ одному человѣку справиться не возможно, какъ бы онъ ни былъ дѣятеленъ; а потому онъ оставилъ этотъ трудъ и принялся за другую задачу, менѣе огромную, но все еще весьма обширную,—собрать всевозможныя сочиненія, русскія и иностранныя, о Россіи, старинные рукописные хронографы или лѣтописи, дневники, грамоты, манифесты, трактаты, словомъ всевозможныя свѣдѣнія касательно русской исторіи, сличить ихъ, повѣрить они другими, отбросить все не заслуживающее довѣрія, а остальное изложить въ стройномъ разказѣ. Неутомимый Татищевъ доставалъ старые пергамены изъ монастырей, изъ книгохра-

нилищъ князя Дмитрія Голицына, Волынскаго и другихъ любителей отечественныхъ древностей, закупилъ на собственныя средства до 1.000 книгъ, русскихъ и иностранныхъ, и наконецъ принялся писать.

Полный, послѣдовательный разсказъ Татищева останавливается на нашествіи Татаръ, хотя имъ собраны и разсмотрѣны были матеріалы всего до-Петровскаго времени. Что касается до ученыхъ и литературныхъ качествъ его *Исторіи Россійской*, то этого сочиненія никто конечно не оскорбитъ даже отдаленнымъ сравненіемъ съ *Ядромъ Россійской Исторіи*. (Вып. III, гл. XXIII.) Татищевъ не вносилъ въ свой разсказъ ни одного факта, котораго не призналъ бы, по зрѣломъ обсужденіи, заслуживающимъ вѣроятія. Къ сожалѣнію, онъ не обладалъ ни тѣмъ тактомъ, который подсказываетъ историку, какое событіе и какая личность требуютъ большей отдѣлки, болѣе глубокихъ розысканій, ни тѣмъ талантомъ, который даетъ возможность изобразить сухую историческую работу въ видѣ живой и занимательной картины. Татищевъ сдѣлалъ много для отечественной исторіи кромѣ помянутаго огромнаго труда; онъ издалъ *Судебникъ* царя Іоанна IV и Ярославову *Русскую Правду* съ объясненіями и примѣчаніями своими, которыя, кромѣ ученаго достоинства, любопытны тѣмъ, что сохранили намъ много преданій и анекдотовъ, ходившихъ въ то время о Петрѣ и его ближайшихъ предшественникахъ. Наконецъ, онъ же написалъ множество проектовъ относительно улучшеній суда и администраціи, примѣчаній къ существовавшимъ въ его время постановленіямъ и т. п., удивляя своихъ потомковъ и дѣятельностію, и замѣчательнымъ объемомъ своей мысли, касавшейся столь многихъ предметовъ.

При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны Татищевъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, игралъ уже довольно видную роль. Подобно весьма многимъ, онъ не желалъ допустить господство надъ Россіей нѣсколькихъ знатныхъ фамилій: одна изъ челобитныхъ поданныхъ Верховному Совѣту о пересмотрѣ „кондицій“ была написана имъ, и въ этой челобитной онъ обнаружилъ короткое знакомство какъ съ государственными учрежденіями различныхъ странъ Европы, такъ и съ наукою изслѣдующею основанія государственныхъ учрежденій, или такъ-называемымъ публичнымъ правомъ.

Вмѣстѣ съ Татищевымъ дѣйствовалъ противъ верховниковъ тогда еще 22-хъ-лѣтній Князь Антіохъ Кантемиръ, сынъ бывшаго Валахскаго господаря,—другой замѣчательный питомецъ Петровой школы. Это былъ умъ болѣе тонкій и образованный чѣмъ обширный и сильный; занятіями его были дипломатія и стихотворство. Подобно Татищеву, онъ попалъ въ милость у новаго правительства за участіе свое въ происшествіяхъ 1730 года и въ молодыхъ еще лѣтахъ былъ отправленъ посланникомъ сначала въ Лондонъ, а потомъ въ Парижъ. Кажется, невозможно было употребить Кантемира болѣе свойственнымъ его способностямъ образомъ, ни доставить ему болѣе средствъ для усовершенствованія того, что̀ даровала ему природа. Его образованность и остроуміе очень скоро пріобрѣли ему друзей въ двухъ первыхъ столицахъ Европы, какъ въ средѣ англійской и французской аристократіи, такъ и между тамошними учеными и литераторами. Узнавъ о его смерти (1744 года), знаменитый мыслитель и писатель Монтескье писалъ къ одному общему ихъ пріятелю. „Вы вездѣ найдете друзей, которые замѣнятъ вамъ понесенную потерю, но сомнѣваюсь чтобы Россія нашла въ

скоромъ времени посла съ такими достоинствами, какъ князь Кантемиръ".

Кантемиръ воспитывался въ Московской духовной академіи, а потомъ въ Петербургской академіи наукъ, и рано обнаружилъ склонность въ литературѣ: ему не было еще 20-ти лѣтъ, когда онъ поднесъ императрицѣ Екатеринѣ I-й *Симфонію на псалтырь*,—сочиненіе впрочемъ написанное стихами такими же тяжелыми и неуклюжими, какъ и всѣ писавшіеся въ то время. Въ Парижѣ и Лондонѣ Кантемиръ удѣлялъ все время, свободное отъ придворныхъ и дипломатическихъ обязанностей, обществу просвѣщенныхъ людей, чтенію и изученію какъ древнихъ классиковъ, такъ и новѣйшихъ писателей, особенно французскихъ, — Расина, Буало, Вольтера, Фонтенеля, Монтескье и др., имена которыхъ въ то время гремѣли во всей Европѣ. Онъ переводилъ этихъ авторовъ и нѣкоторыхъ латинскихъ поэтовъ и написалъ, подражая Буало, русскими стихами нѣсколько сатиръ, которыя въ свое время считались образцовыми. Въ настоящее время стихи Кантемира читаются съ большимъ трудомъ; языкъ его грубъ, неправиленъ, стихъ тяжелъ, не имѣетъ ни малѣйшаго изящества и мало чѣмъ отличается отъ стиховъ Ѳеофана Прокоповича и другихъ стихотворцевъ Петрова времени; но мысли Кантемира часто замѣчательны и выражены иногда съ остроуміемъ. Вотъ напримѣръ, какъ заставляетъ онъ говорить нѣкоего Луку, отъявленнаго пьяницу:

Какъ скоро по небу сохой бразды водить станутъ
А съ поверхности земли звѣзды ужь проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ (истокамъ) своимъ быстры рѣки,

И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну станетъ ѣсть визигу,—
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Кантемиръ часто подтрунивалъ надъ отвращеніемъ отъ образованія людей стараго покроя, которыхъ въ его время было много, такъ онъ говоритъ отъ имени одного изъ нихъ:

Живали мы прежде сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ;
Гораздо больше въ невѣжествѣ хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи,—должно ль о томъ тужить дворянину!
Прирастетъ ли мнѣ съ того день въ жизни, или въ ящикъ
Хоть грошъ? Могу ль узнать чрезъ то, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ, иль прибавить воду
Въ мой прудъ?...

Таковы были лучшіе между людьми молодаго поколѣнія, воспитаннаго въ духѣ Петровскаго переворота, и послѣдовавшіе тому направленію, которое великій императоръ желалъ сообщить Россіи.

Не пропустимъ случая поговорить и о родоначальникѣ подобныхъ людей въ Россіи, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ; поговоримъ о немъ въ послѣдній разъ, потому что онъ, черезъ пять лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Анны Іанновны, окончилъ свою многотрудную, полезную, но далеко не безукоризненную жизнь. Намъ уже извѣстно, что, помогая Петру учредить Синодъ и преслѣдовать суевѣріе и суесвятство, Ѳеофанъ нажилъ себѣ много враговъ въ средѣ духовенства, которое, съ своей стороны, не безъ основанія укоряло его въ весь-

ма не строгомъ образѣ жизни, честолюбіи и коварствѣ. Въ послѣдніе годы его жизни случилось происшествіе, которое характеризуетъ и его личныя свойства, и различные оттѣнки въ понятіяхъ нашего духовенства.

Мы знаемъ (вып. II гл. XV), что въ исходѣ XVII вѣка патріархи наши смотрѣли съ большою недовѣрчивостію на духовенство малорусское и бѣлорусское, на Кіевскую академію и на духовныя сочиненія, печатавшіяся въ тамошнихъ типографіяхъ. Но духовенство западной Россіи было вообще гораздо просвѣщеннѣе, нежели духовенство Руси восточной, московской, а потому первое естественно получило надъ послѣднимъ преобладаніе, такъ что въ первой половинѣ XVIII вѣка, даже позднѣе, важнѣйшія мѣста въ нашемъ церковномъ управленіи были заняты малорусскими, а отчасти бѣлорусскими уроженцами. Люди эти были врагами латинства, но если не въ понятіяхъ своихъ (отъ чего они постоянно отказывались), то въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ качествахъ много отъ него заимствовали, какъ напримѣръ въ способѣ произнесенія проповѣдей, въ манерѣ писать свои проповѣди и сочиненія; наконецъ, вся метода преподаванія въ западно-русскихъ духовныхъ школахъ и самое устройство этихъ школъ были скопированы со школъ католическихъ, такъ что малорусское духовенство, ведя вѣковую борьбу противъ католичества, заимствовало у него оружіе. Въ такомъ духѣ были воспитаны Стефанъ Яворскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій (о которомъ будемъ говорить вслѣдъ за симъ) и вообще большая часть нашихъ духовныхъ сановниковъ того времени.

Ѳеофанъ Прокоповичъ получилъ образованіе въ томъ же духѣ; но имѣвъ случай во время своего пребыванія

въ Германіи и Италіи (вып. III, гл. XXIV), близко ознакомиться съ католическими понятіями, онъ сдѣлался ихъ упорнымъ, постояннымъ врагомъ. Въ 1717 году, когда Петръ былъ въ Парижѣ, онъ посѣтилъ Сорбонну, или тамошнюю духовную академію. Во время этого посѣщенія подана была царю записка о томъ, что искони занимало католическое духовенство,—о подчиненіи восточной церкви папѣ. Царь сказалъ, что онъ не богословъ, въ церковныя дѣла не вмѣшивается и обѣщалъ прислать Сорбоннѣ отвѣтъ русскаго духовенства. Отвѣтъ былъ, конечно, отрицательный, тѣмъ болѣе, что его писалъ Ѳеофанъ. Съ того времени Ѳеофанъ сдѣлался ненавистенъ католическому духовенству, которое съ горечью вспоминало, что оно само же во время пребыванія его въ Римѣ, помогало ему набирать свѣдѣнія, обращаемыя имъ теперь противъ его учителей. Съ другой стороны, значительная часть русскаго духовенства, зная что Ѳеофанъ горячо поддерживалъ указы Петра противъ суевѣрія и обожанія иконъ, что онъ даже самъ писалъ нѣкоторые изъ этихъ указовъ, заподозрило его въ наклонности къ протестантству. Представителемъ этой части духовенства былъ Стефанъ Яворскій; въ царствованіе Петра I онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Камень Вѣры*, направленное противъ обнаружившейся въ Россіи, по его мнѣнію, наклонности къ протестантизму, а слѣдовательно и противъ Ѳеофана, на котораго въ этомъ сочиненіи заключалось много явныхъ намековъ.

Камень Вѣры не былъ напечатанъ при Петрѣ, но при его внукѣ, когда косо смотрѣли и на протестантовъ и на Ѳеофана, это сочиненіе было пересмотрѣно Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и напечатано.

Появленіе этой книги произвело впечатлѣніе за гра-

ницей; оно вызвало рѣзкія порицанія со стороны протестантскихъ богослововъ и горячія похвалы со стороны богослововъ католическихъ. Іезуиты готовы были думать, что въ Россіи открывается широкое поприще для ихъ пропаганды и уже принялись было за нее: они успѣли обратить въ католичество одну княгиню Долгорукову, находившуюся временно за границей, и въ ея свитѣ проникли въ Россію.... Но надежды ихъ не замедлили разлетѣться въ прахъ. Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны Нѣмцы-протестанты получили верхъ при дворѣ; Ѳеофанъ сдѣлался сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь; іезуиты были немедленно высланы за границу, а Ѳеофилактъ удаленъ изъ Синода, гдѣ присутствовалъ, въ свою Тверскую епархію. Но вражда противъ Прокоповича послѣ этого, натурально, не уменьшилась. Въ 1732 году пущенъ былъ какой-то (неизвѣстный теперь) очень злой пасквиль, который задѣлъ Прокоповича за живое, и онъ рѣшился раздавить на этотъ разъ своихъ недруговъ. По этому поводу началось въ 1733 году слѣдствіе, продолжавшееся пять лѣтъ сряду, во время котораго перебраны были всѣ приближенные Ѳеофилакта, къ которому и онъ самъ былъ привлеченъ и подвергаемъ пыткѣ. Кончилось оно тѣмъ, что Ѳеофилактъ, обвиненный между прочимъ въ сочувствіи къ католичеству, а слѣдовательно въ неправославіи, лишенъ былъ духовнаго сана и заключенъ въ Петербургской крѣпости, изъ которой онъ вышелъ только при вступленіи въ управленіе государствомъ Анны Леопольдовны. Невѣроятно, разумѣется, чтобъ этотъ пастырь, весьма уважаемый всѣми благочестивыми людьми своего времени, серьезно затѣвалъ что-нибудь противное самостоятельности православной церкви; да и вообще эти взаимныя обвиненія тогдашнихъ

первенствующихъ іерарховъ въ сочувствіи то католическому, то протестантскому ученію оказываются ничѣмъ инымъ какъ результатомъ отчасти личной вражды между ними, а отчасти того разномыслія между приверженцами старины и Петровой реформы, которое приводило въ застѣнки столь многихъ и при Петрѣ и послѣ Петра: печальное послѣдствіе всѣхъ слишкомъ крутыхъ и быстрыхъ переворотовъ.

До окончанія дѣла о Лопатинскомъ впрочемъ не дожилъ Ѳеофанъ, онъ скончался въ 1736 году. Вѣрно служа идеѣ Петровой реформы, высоко цѣнимый всѣми ея приверженцами, но нелюбимый духовенствомъ, которое въ немъ не уважало человѣка и ненавидѣло противника идеи патріаршества, Ѳеофанъ предъ смертію произнесъ слѣдующія выразительныя и полныя горечи слова: „о главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь!...“

Ѳеофанъ между людьми Петрова времени, Татищевъ и Кантемиръ между людьми молодаго поколѣнія,—вотъ тѣ, которыхъ по справедливости можно назвать передовыми людьми той великой реформы, которая началась въ началѣ XVIII вѣка и послѣдствія которой продолжаются до настоящей минуты. Но коснувшись этихъ людей, не забудемъ упомянуть и о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя содѣйствовали успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи. Это даетъ намъ возможность понять, какимъ образомъ послѣ людей, выходившихъ изъ Кіевской и Московской академій,—людей, иногда умныхъ, но вообще чуждыхъ временному движенію,—могли у насъ явиться люди, подобные Татищеву и Кантемиру.

Мы знаемъ, что Петръ во все время своего царствованія усердно заботился объ учрежденіи школъ, переводѣ книгъ и т. п.; онъ покупалъ, не щадя денегъ, со-

бранія минераловъ, рыбъ, звѣрей, анатомическіе кабинеты, завелъ библіотеку въ нѣсколько тысячъ томовъ, и всѣ эти собранія книгъ и предметовъ минеральнаго и животнаго царства были для каждаго открыты; всякъ приглашался посѣщать ихъ и научаться. Наконецъ открыта была въ Петербургѣ Академія Наукъ (въ концѣ 1726 года).

Академіей называютъ общество ученыхъ людей, которымъ доставлены всѣ способы къ самому глубокому изученію всевозможныхъ отраслей человѣческаго знанія. Обязанность и назначеніе академій—подвигать науку, заниматься разслѣдованіемъ темныхъ мѣстъ и не вполнѣ рѣшенныхъ вопросовъ науки. Каждое такое открытіе отражается полезнымъ образомъ на науку всѣхъ странъ и народовъ и составляетъ славу той страны, гдѣ оно совершено. О такомъ родѣ дѣятельности Петръ мечталъ и для предположенной имъ академіи; но кромѣ того, онъ хотѣлъ, чтобъ она изготовляла учителей и руководства для русскихъ школъ. Главный сотрудникъ его въ этомъ дѣлѣ лейбъ-медикъ Блюментростъ, по порученію царя, вступилъ въ переписку со всѣми знаменитостями науки въ Германіи и Франціи, приглашая ихъ въ Россію. Первые, къ которымъ онъ обратился, были знаменитые Лейбницъ и Вольфъ, великія свѣтила того времени. Они не приняли приглашенія Блюментроста, но нѣсколько другихъ заграничныхъ ученыхъ прибыли въ Петербургъ, и академія была открыта, но уже послѣ смерти государя.

Она не вполнѣ оправдала ожиданія своего основателя: приготовленіе учителей и составленіе руководствъ шло неудовлетворительно по весьма впрочемъ естественной причинѣ: академики не знали русскаго языка, а русскіе ученики рѣдко знали (подобно Канте-

миру) иностранные. За то молодая академія наша сдѣла много для науки вообще и для познанія Россіи; Московія была для этихъ любознательныхъ иностранцевъ любопытнѣйшею страною, которую, для чести науки и для славы собственной, они желали изучить. Въ этомъ отношеніи она вѣрно слѣдовала желаніямъ своего основателя, ибо Петръ положилъ начало изученію Россіи. Онъ снаряжалъ въ разное время ученыя экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго моря, Сибири, Алеутскихъ острововъ; во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ дѣланы были астрономическія наблюденія, ученыя описанія, составлялись карты, которыя исправили много старинныхъ неправильныхъ понятій о видѣ, положеніи и свойствахъ различныхъ частей Россіи. Савва Рагузинскій и профессоръ Ленцъ, ѣздившіе въ Китай, сдѣлали описаніе совершенному ими пути, что тоже прибавило много новыхъ свѣдѣній къ тому, что знала Европа объ этихъ странахъ. Академикъ Мессершмидтъ сдѣлалъ ученое описаніе Сибири. Академія наконецъ увѣнчала всѣ эти завоеванія науки обширною экспедиціей, которую она снарядила въ 1733 году и которая продолжалась десять лѣтъ.

Экспедицію эту составляли: астрономъ Делиль, естествоиспытатель Гмелинъ и историкъ-географъ Миллеръ,—люди составившіе себѣ громкую репутацію въ ученомъ мірѣ. Къ нимъ было присоединено нѣсколько молодыхъ русскихъ студентовъ, между которыми должно назвать Крашенинникова, описавшаго еще совершенно въ то время неизслѣдованную Камчатку. Экспедиція эта, обратившая на себя вниманіе всей образованной Европы, отправилась въ Сибирь; Овцынъ и Муравьевъ были отправлены для изслѣдованія пути Обью изъ Тобольска до Сѣвернаго океана и морскаго пути

до Архангельска. Делиль и Гмелинъ сдѣлали множество важныхъ наблюденій касательно климата, растительности, почвы и другихъ физическихъ свойствъ этого малоизвѣстнаго тогда края. Миллеръ изучалъ обычаи и повѣрья тамошнихъ жителей, собралъ историческія извѣстія и возвратился въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ познаній, которыми и теперь дорожатъ ученые. Въ то же время ученый Байеръ дѣлалъ изысканія о первыхъ временахъ нашей исторіи, о которыхъ онъ высказалъ и установилъ правильныя понятія, доказавъ что Варяги-Руссы были Норманны; наконецъ два смѣлые наши моряка Берингъ и Чириковъ доказали, что Сѣверный и Восточный Океаны непосредственно соединены между собою и что Азія отдѣлена отъ Америки проливомъ (Беринговымъ),—въ чемъ сомнѣвались тогдашніе географы.

III.

Первыя дѣйствія новаго правительства. — Преслѣдованіе Долгоруковыхъ. — Нѣмецкая партія.—Бирономъ.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Уступка прикаспійскихъ провинцій.—Вопросъ о польскомъ престолѣ.—Причины слабости Польскаго государства.—Сочувствіе русскихъ областей этого государства къ Россіи.—Участіе различныхъ европейскихъ дворовъ въ избраніи польскихъ королей. — Старанія гр. Левенвольда въ пользу Саксонскаго курфирста.—Избирательный сеймъ.—Вступленіе въ Польшу Ласси.—Избраніе Станислава Лещинскаго.—Избраніе Августа III (1733).—Осада Гданска.—Минихъ.—Бѣгство Станислава. — Усмиреніе Польши.

Первые шаги новаго царствованія могли многимъ напомнить печальныя слова князя Дмитрія Голицына, которыя онъ сказалъ, когда окончательно были низверг-

нуты его замыслы (стр. 57). Императрица приняла самодержавіе въ концѣ февраля (1730), а въ апрѣлѣ посыпались указы противъ фамиліи Долгоруковыхъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, одинъ другаго строже. Сначала нѣкоторые изъ членовъ этой фамиліи были назначены губернаторами и воеводами въ разныя отдаленныя мѣстности; потомъ князь Алексѣй былъ отправленъ на житье въ одну изъ отдаленныхъ деревень своихъ, а Василій Лукичъ, помимо желанія, назначенъ губернаторомъ въ Сибирь. Потомъ обнародованъ былъ манифестъ, которымъ объявлялось, что Алексѣй и его сынъ, „не храня его величества дражайшаго здравія поступали“ и утомляли его охотою; что они хотѣли женить покойнаго государя на княжнѣ Катеринѣ и обобрали царскій скарбъ, что князь Василій Лукичъ „совершилъ многіе безсовѣстные и противные поступки“ и что онъ „дерзнулъ вымышленными и отъ себя самого токмо составленными дѣлами безбожно оболгать“ государыню. За все это они и другіе члены той же фамиліи (кромѣ фельдмаршала) были лишены чиновъ и орденовъ и отправлены на безвыѣздное житье въ дальнія деревни. Наконецъ, въ іюнѣ, послѣдовалъ новый манифестъ, въ которомъ объявлялось, что одинъ изъ Долгоруковыхъ живетъ не въ той изъ своихъ деревень, гдѣ указано, а потому всѣ они были разосланы въ разныя ссылки и, между прочимъ, Василій Лукичъ въ Соловецкій монастырь, а Алексѣй съ дѣтьми въ Березовъ, вакантный послѣ смерти Меншикова; имѣнія же ихъ всѣхъ отобраны въ казну. Черезъ полтора года дошла очередь и до фельдмаршала Долгорукова; онъ былъ отправленъ въ Ивангородскую (Нарвскую) крѣпость за какія-то „поносительныя слова“, говоренныя имъ (а по иныхъ извѣстіямъ, его женою) про государ-

рыню. Это было уже не наказаніе за преступный (а еще болѣе безумный) замыселъ Долгоруковыхъ, но какое-то систематическое ихъ преслѣдованіе, какая-то месть. Въ продолженіе всего царствованія Анны Іоанновны, о Долгоруковыхъ постоянно производились дознанія и какъ только открывался малѣйшій предлогъ, судьба ихъ болѣе и болѣе отягощалась. Преслѣдованіе это окончилось, какъ увидимъ, въ 1739 году истребленіемъ почти всей этой знаменитой фамиліи и униженіемъ Голицыныхъ.

Новыя лица окружили новую императрицу, съ нѣкоторыми изъ нихъ мы уже отчасти знакомы; съ другими надобно намъ познакомиться. Это были, вопервыхъ, тѣ, которые, во время владычества Верховнаго Совѣта, оказались ей преданными: Ягужинскій, арестованный и разжалованный Совѣтомъ, который не долго однакожь пользовался расположеніемъ императрицы, Головкинъ, по прежнему великій канцлеръ, хотя и по прежнему безъ значенія, Салтыковы—родственники государыни, Черкасскій, сдѣланный вскорѣ вице-канцлеромъ, Ушаковъ, пожалованный начальникомъ тайной канцеляріи, должность въ которой онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность; наконецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, сдѣлавшійся въ настоящее царствованіе не только первенствующимъ, но и господствующимъ членомъ Синода.

Но сильнѣйшими людьми сдѣлались при Аннѣ Нѣмцы. Остерманъ, какъ мы знаемъ, уклонился, подъ предлогомъ болѣзни, отъ участія въ совѣщаніяхъ Верховнаго Совѣта; по прибытіи же императрицы въ Всесвятское, онъ изъ своей спальни управлялъ всѣми ея дѣйствіями. Сдѣланный графомъ, онъ выздоровѣлъ какъ только было утверждено самодержавіе, и сталъ душою, главнымъ двигателемъ новаго правительства. Вмѣстѣ

съ Остерманомъ, пріобрѣли огромный кредитъ братья Левенвольды, Лифляндцы, изъ коихъ одинъ, какъ сказано первый, предупредилъ императрицу объ ея избраніи и о замыслахъ Верховнаго Совѣта; возвысились Минихъ оказавшій государынѣ преданность въ качествѣ петербургскаго губернатора, Кейзерлингъ и Корфъ, преданные ей Курляндцы, прибывшіе съ нею въ Россію, и другіе, съ которыми мы будемъ имѣть случай познакомиться; но главнымъ между приближеными, первымъ между любимцами, безъ сравненія сильнѣйшимъ по своему вліянію на императрицу, былъ Бирономъ. Человѣкъ этотъ простаго происхожденія, безъ всякаго образованія и безъ государственнаго ума, но отличный ѣздокъ верхомъ, и красивый мущина (хотя какъ видно по его портретамъ, съ круглыми ястребиными глазами и весьма непріятнымъ злымъ лицомъ) понравился Аннѣ Іоанновнѣ во время ея бытности въ Митавѣ и былъ взятъ ею къ герцогскому двору; онъ ѣздилъ, по ея порученіямъ, въ Берлинъ, и сопровождалъ ее въ Россію, куда она нерѣдко пріѣзжала, и гдѣ, повидимому, онъ успѣлъ заслужить весьма невыгодную репутацію, потому что, при отправленіи В. Л. Долгорукова въ Митаву, ему было поручено просить императрицу, чтобъ она не брала съ собою Бирона. Биронъ однакожь не замедлилъ пріѣхать когда воцарилась Анна и сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ. Онъ повидимому не имѣлъ никакого участія въ правленіи и не былъ ни министромъ, ни президентомъ какой-нибудь коллегіи, но, пользуясь полнымъ довѣріемъ императрицы, обнаруживалъ вліяніе на всѣ дѣла, когда они могли его интересовать, къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали: способствовалъ сближенію нашего двора съ тѣмъ или другимъ иностраннымъ дворомъ, смотря потому,

искали тамъ его дружбы или нѣтъ, склонялъ выборъ императрицы къ назначенію на какую-нибудь важную должность того или другаго лица, смотря потому, считалъ ли онъ это лицо въ числѣ своихъ приверженцевъ, или нѣтъ. Необходимо было искать милости этого страшнаго временщика и трепетать его безпощадной ненависти. Общественное мнѣніе, весьма часто справедливое, не приписало Бирону ни одного полезнаго или счастливаго дѣла въ правленіи Анны, а темнымъ сторонамъ этого царствованія дало названіе „бироновщины“. Вспыльчивый и грубый, этотъ временщикъ, будучи раздраженъ, осыпалъ людей оскорбленіями и презрѣніемъ, и умѣлъ изобрѣтать унизительныя наказанія. Пишутъ, что, будучи уже курляндскимъ герцогомъ, онъ велѣлъ схватить одного барона Сакена, осмѣлившагося непочтительно о немъ выразиться, и два года возить его въ плотно закупоренной каретѣ. Найдя однажды, что дороги были неисправны и приписывая это небреженію Сената, онъ въ бѣшенствѣ кричалъ, что велитъ сенаторами мостить дороги въ Россіи.

Подобно тому, какъ нѣкогда при Митавскомъ дворѣ войдя въ милость у герцогини, такъ и теперь, онъ поспѣшилъ окружить императрицу своими приверженцами. Русскимъ мало было между ними мѣста. Самолюбивый, рѣзкій на слова, Ягужинскій не замедлилъ поссориться съ нимъ и едва не попалъ въ Сибирь. Головкинъ и Черкасскій удерживались, только благодаря своей готовности соглашаться со всѣми и всѣмъ поддакивать. Чтобъ отдѣлить императрицу отъ всякаго другаго вліянія кромѣ своего, нѣмецкая партія уговорила ее переѣхать въ Петербургъ: „здѣсь уже,—писалъ саксонскій посланникъ, донося о положеніи Русскаго двора, никакой ропотъ не могъ быть услышанъ.“

Императрица возстановила самодержавіе, но она не могла въ дѣйствительности самодержавствовать, то есть управлять страною и ея дѣлами сама, какъ понималъ Петръ I, который изучалъ законодательство, промышленность, военное искусство и кораблестроеніе, самъ трудился, самъ работалъ, чтобы потомъ писать законы, давать направленіе промышленности, командовать арміей, предводительствовать флотами. Императрицѣ было необходимо раздѣлить съ кѣмъ-нибудь труды правленія; ей были необходимы не только чьи-нибудь совѣты, но и чья-нибудь помощь.

Верховный Совѣтъ былъ ей ненавистенъ и немедленно уничтоженъ; Сенатъ казался слишкомъ многолюднымъ чтобъ ввѣрить ему дѣла требующія тайны, а потому составленъ былъ такъ-называемый „кабинетъ“ и членами его были въ первое время Головкинъ, Остерманъ и Черкасскій. Душою этого высшаго правительственнаго мѣста былъ Остерманъ, принужденный однакожь во многомъ соображаться съ видами Бирона.

Итакъ первенствующее господствующее положеніе занимаетъ, хоть и негласно, Биронъ; въ кабинетѣ преобладаетъ Остерманъ, который заправляетъ внѣшнею политикой и употребляетъ для важнѣйшихъ порученій по этой части одного изъ двухъ братьевъ Левенвольдовъ (Густава); другой Левенвольдъ, *) красивый, свѣтскій человѣкъ, первенствуетъ при дворѣ; между военными людьми первое мѣсто указывается Миниху. Все Нѣмцы! куда же дѣвались Русскіе? Мы видимъ въ первыхъ рядахъ только посредственности: гдѣ же птенцы Петровы? Одни умерли, какъ фельдмаршалъ Голицынъ, другіе въ немилости, какъ его братъ Дмитрій, какъ В. Л.

*) Курляндскій резидентъ въ Россіи въ эпоху смерти Петра II.

Долгоруковъ, Ягужинскій.... Нѣмцы оттерли ихъ, разогнали, овладѣли судьбами собственнаго ихъ отечества, ихъ государыней!..

Надо признаться что Русскіе сами были въ томъ виноваты: вопервыхъ, вздорною затѣей связать верховную власть совѣтомъ изъ нѣсколькихъ знатныхъ фамилій, чѣмъ они дали поводъ Нѣмцамъ возбуждать постоянно недовѣріе къ нимъ въ императрицѣ; а вовторыхъ, неумѣньемъ ужиться между собою какъ только не стало Великаго Петра. „Петръ оставилъ,—справедливо замѣчаетъ профессоръ Соловьевъ,—судьбы Россіи въ рукахъ Русскихъ людей. Чтобы такой порядокъ вещей продолжался нельзя было ограничиться однимъ физическимъ исключеніемъ иностранцевъ; для этого нужно было поступать такъ какъ училъ Петръ Великій: не складывать рукъ, не засыпать, постоянно упражнять свои силы, сохранять старыхъ людей способныхъ и продолжать непрестанно гоньбу за новыми способностями.“ Вмѣсто того, продолжаетъ г. Соловьевъ, „Русскіе люди оставленные Петромъ наверху, начинаютъ усобицу, начинаютъ истреблять другъ друга. Меншиковъ засылаетъ Толстаго въ Соловки; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ Меншиковъ очутился въ ссылкѣ; по смерти Петра II дворянство и генералитетъ раздраженные олигархическими * стремленіями верховниковъ выдаютъ ихъ новому правительству“...

Такимъ образомъ сами Русскіе расчищали дорогу Нѣмцамъ къ господству надъ собою. И имъ пришлось горько въ томъ раскаяваться. Нѣмцы эти, то-есть Ос-

---

* Олигархіей называютъ злоупотребленія аристократіи, послѣдствія чрезмѣрнаго ея перевѣса.

терманъ, Минихъ и Густавъ Левенвольдъ, были, конечно, люди способные, но чувствуя что ихъ господство непріятно и даже ненавистно, и опасаясь лишиться вмѣстѣ съ нимъ можетъ быть и жизни, они управляли съ жестокостью, которую обыкновенно внушаетъ боязнь, и съ неловкостью, которая неизбѣжна въ иностранцѣ. Мы увидимъ что правительство Анны отличалось отъ предшествующихъ двухъ дѣятельностью и порядкомъ, но этотъ порядокъ былъ сухъ и жестокъ; онъ былъ одною изъ главныхъ причинъ общаго неудовольствія, а дѣятельность была безплодна; да она и не могла быть иною: чтобъ удовлетворить или хоть стремиться къ удовлетворенію истинныхъ нуждъ страны необходимо родиться въ ней, проникнуться ея духомъ, воплотить въ себѣ ея инстинкты, симпатіи и антипатіи. Исключеніе бываютъ, но очень рѣдко....

Одна изъ первыхъ и весьма справедливыхъ заботъ новаго правительства была забота о престолонаслѣдіи. Императрицѣ было не болѣе 37 лѣтъ, слѣдовательно она могла еще вступить въ супружество и имѣть прямыхъ наслѣдниковъ. Нѣкогда милый ей Морицъ Саксонскій поспѣшилъ напомнить о себѣ новой императрицѣ, но безуспѣшно; его не пригласили пріѣхать въ Россію. Одинъ принцъ изъ королевскаго португальскаго дома, донъ-Эммануилъ, пріѣзжалъ въ Москву съ надеждой получить руку императрицы, но также не имѣлъ успѣха. Анна Іоанновна не желала вступать въ новыя брачныя узы.

Затѣмъ казалось бы ближе всего объявить наслѣдницею цесаревну Елисавету, или, выдавъ ее замужъ, призвать къ престолонаслѣдію ея дѣтей. Но цесаревна вела въ то время жизнь весьма разсѣянную, думала только объ удовольствіяхъ и казалась неспособною къ серь-

езнымъ занятіямъ, а, главное дѣло, оттѣсненная отъ престола русская партія начинала сближаться съ Елисаветою, и императрица съ своими приближенными недовѣрчиво на нее смотрѣла. Наконецъ, у Анны Іоанновны была болѣе близкая родня, а именно, дочь ея старшей сестры, Екатерины, Анна Леопольдовна, проживавшая въ Россіи. Рѣшено было принцессу эту выдать замужъ и передать престолонаслѣдіе въ ея потомство. Съ этою цѣлію былъ посланъ Густавъ Левенвольдъ въ Германію, чтобы между тамошними князьями избрать супруга молодой принцессѣ. По рекомендаціи Вѣнскаго двора, съ которымъ еще со временъ императрицы Екатерины мы были въ близкихъ отношеніяхъ, избранъ былъ герцогъ Брауншвейгскій, Антонъ-Ульрихъ, который и прибылъ въ Россію въ 1733 году.

Покамѣсть устраивался такимъ образомъ (хотя и неудачно, какъ увидимъ) важный вопросъ престолонаслѣдія, возникали другіе. Однимъ изъ нихъ былъ вопросъ о нашихъ закавказскихъ или прикаспійскихъ провинціяхъ.

Прикаспійскія провинціи, пріобрѣтенныя Петромъ (Вып. III. Гл. XXVII) въ видахъ обширнаго развитія восточной торговли, не оправдали еще этихъ ожиданій. Купцы западной Европы не отправляли къ Астрахани и Астрабаду своихъ товаровъ и не требовали оттуда шелка, хлопка, марены и другихъ мѣстныхъ произведеній. Можетъ-быть, все это могло бы случиться современемъ, еслибъ устроены были удобныя сообщенія отъ Петербурга до Астрахани, еслибы зоркая полиція ограждала безопасность проѣзжающихъ и еслибы просвѣщеніе истребило мелкое мошенничество между нашими торговцами. Но на все это не было обращено

вниманія провительствъ, послѣдовавшихъ за Петромъ I, а потому мечта его о великой восточной торговлѣ оставалась мечтою. Къ тому же содержаніе войскъ въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ дорого стоило, нездоровый климатъ истреблялъ ихъ и, наконецъ, усиливавшіеся въ Закавказьѣ Турки грозили отнять у насъ эти провинціи и тѣмъ усилиться еще болѣе, утвердясь на берегахъ Каспійскаго моря, на которомъ до сего времени мы не имѣли другихъ совмѣстниковъ, кромѣ Персіянъ. Поэтому рѣшено было возвратить шаху эти провинціи, выговоривъ за это нѣкоторыя торговыя выгоды (1732). Такая уступчивость, можетъ - быть и благоразумная, была очень удивительна со стороны правительства, котораго главною заботою было увеличить внѣшнее величіе Россіи. Это объясняется тѣмъ, что правительство это имѣло совсѣмъ другіе виды, совершенно на другихъ пунктахъ, а потому оно избѣгало всего, что влекло за собою разъединеніе силъ: оно готовилось къ энергическому вмѣшательству въ дѣла Польши.

Мы уже видѣли, какое сильное вліяніе пріобрѣла Россія на Польшу въ началѣ XVIII вѣка (Вып. III гл. XVI); оно не вовсе утратилось въ слабыя царствованія Екатерины I и Петра II; при императрицѣ Аннѣ это вліяніе еще значительно усилилось, и чрезъ полстолѣтіе послѣ того, государства Польско-Литовскаго уже не существовало. Между тѣмъ на картахъ первой половины XVIII вѣка это государство занимаетъ очень видное положеніе, простираясь отъ Карпатъ до Балтійскаго моря и отъ Днѣпра до Одера; земли этого государства принадлежали вообще къ прекраснѣйшимъ и плодоноснѣйшимъ; ихъ населяло около 20 милліоновъ жителей, имѣвшихъ репутацію свободолюбиваго, па-

тріотическаго, воинственнаго народа. Какъ же объяснить такое быстрое и страшное паденіе?

Этому было много причинъ, и весьма важныхъ. Во-первыхъ, государство это было составлено изъ частей, весьма различныхъ между собою по происхожденію, по языку, по вѣроисповѣданію, по преданіямъ историческимъ. Курляндія, о которой мы уже говорили, населена финскимъ племенемъ; дворянство въ ней нѣмецкое, лютеранскаго исповѣданія и очень дорожившее своими старинными правами, законами, языкомъ и обычаями. Бѣлоруссія, Украйна, Волынь и Подолія,—древнія русскія области,—населены Русскими и православными, а Литва,—то-есть нынѣшняя Ковенская губернія и часть Виленской и Сувалкской,—имѣетъ населеніе совершенно особаго племени (Литовскаго), языкъ коего не имѣетъ ничего общаго съ польскимъ; въ самой Польшѣ, въ ея сѣверо-западныхъ областяхъ, особенно по городамъ, жило множество Нѣмцевъ; наконецъ на земляхъ Польско-Литовскаго государства проживало милліона полтора Евреевъ, ни въ какомъ отношеніи не сливавшихся съ остальнымъ народонаселеніемъ.

Еще въ XVI вѣкѣ возникла мысль сплотить посредствомъ единства вѣры и языка всѣ эти разнородныя части, и вотъ, польское духовенство, уже господствовавшее въ Литвѣ, принялось обращать православныхъ и лютеранъ и заводить школы, въ которыхъ преподаваніе производилось только на польскомъ языкѣ. Цѣль отчасти была достигнута этимъ средствомъ; большая половина дворянства русскихъ провинцій (куда преимущественно было направлено католическое вліяніе) потеряла свою національность, и забыла свой языкъ и религію своихъ отцовъ; князья Острожскіе, Любомір-

скіе, Сангушки, Мосальскіе,—потомки Рюрика и Владиміра,—перешли сначала въ унію, а потомъ и въ латинство; домашнимъ языкомъ ихъ сдѣлался польскій. Но съ другой стороны, тѣ, которые не соглашались измѣнять своей національности, дѣлались врагами того вліянія, которое ихъ давило, и первымъ доказательствомъ этого были казачьи войны и отпаденіе Малороссіи. * Въ то же время и Курляндцы подозрительно смотрѣли на всякую мѣру варшавскаго правительства, клонившуюся къ сліянію герцогства съ остальнымъ государствомъ; Евреи чѣмъ болѣе ихъ утѣсняли, тѣмъ тщательнѣе держались своей особливости.

Съ тѣхъ поръ православные польскіе подданные постоянно искали покровительства и защиты Россіи, а лютеранскіе точно также обращались къ Брандебургскому курфирсту (принявшему потомъ титулъ короля Прусскаго); это, въ свою очередь, еще болѣе раздражало Поляковъ-католиковъ противъ Русскихъ и Нѣмцевъ-диссидентовъ (иностранцевъ); тѣ и другіе какъ подозрительные въ политическомъ отношеніи были лишены права участвовать на сеймахъ, а это опять сильнѣе и сильнѣе побуждало Русскихъ и Нѣмцевъ-диссидентовъ искать себѣ покровительства въ Петербургѣ и Берлинѣ.

Такова была одна причина внутренней слабости Польши, но это была далеко не единственная. Польско-Литовское королевство многіе называютъ „шляхетскою“ (дворянскою) республикою“ это совершенно справедливо. Шляхтичи Польши и Литвы имѣли, какъ уже нѣ-

---

* См. Вып. I, гл. V; но обо всемъ этомъ еще подробнѣе разсказано въ сочиненіи подъ заглавіемъ *Разсказы о Западной Руси.*

сколько разъ нами замѣчено, огромныя права и пользовались такою свободою, какой не имѣли граждане ни одного европейскаго государства; эту „шляхетскую республику“ многіе называютъ также демократическою; точно, по закону каждый шляхтичъ былъ равенъ другому; послѣдній „ходачковый шляхтичъ“ (дворянинъ-лапотникъ) могъ однимъ словомъ nie pozwalam уничтожить рѣшеніе цѣлаго сейма, точно также какъ Сапѣга или Замойскій; онъ точно также могъ быть избранъ въ короли, какъ Радзивилъ или Потоцкій. Таковъ былъ законъ, но на самомъ дѣлѣ было иначе. Давно уже всѣ высшія должности, и духовныя и свѣтскія, занимали члены знатныхъ и богатыхъ фамилій; бѣдная же шляхта питалась, такъ сказать, крохами падающими со стола богачей и подъ благовиднымъ именемъ „пріятелей“ составляла придворный штатъ магнатовъ, которые вели за собою толпы бѣдной, вполнѣ отъ нихъ зависѣвшей, шлятхы на войну и на сеймы.

Мангаты эти были очень похожи на средневѣковыхъ феодаловъ западной Европы. Подобно имъ, они проживали круглый годъ въ своихъ за́мкахъ, употребляя для украшенія этихъ за́мковъ, для разведенія обширныхъ садовъ, для содержанія охотъ и для безпрестанныхъ пированій всѣ силы и всѣ денежныя средства своихъ подданныхъ, которыхъ считали десятками тысячъ. Власть ихъ надъ этими подданными была безгранична. Помѣщикъ, хотя не имѣлъ по закону права казнить смертію своего подданнаго, могъ однако откупаться отъ этого преступленія самымъ ничтожнымъ штрафомъ; да еслибъ и былъ законъ наказывающій за это, сильные люди имѣли полную возможность уклониться отъ отвѣтственности, потому что и судьи и исполнители законовъ были члены той же „шляхетской республики.“

Въ самомъ дѣлѣ, въ государствѣ не было власти довольно сильной чтобы заставить уважать законъ. Рѣшенію польскихъ судовъ повиновался лишь тотъ, кто хотѣлъ, или кому это было выгодно. Нерѣдко бывало, что человѣкъ выигравшій въ судѣ процессъ, пріѣзжалъ въ имѣніе, которое, напримѣръ, было ему присуждено во владѣніе; но прежній помѣщикъ встрѣчалъ его во главѣ цѣлаго эскадрона „пріятелей“, охотниковъ, гайдуковъ, янычаръ, и смѣялся надъ приговоромъ суда, который ему показывали. Поэтому, мало-по-малу, вошло въ обычай дѣлать такъ-называемые „наѣзды“, то есть пріѣзжать для приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ съ вооруженною силою, съ пріятелями гусарами, гайдуками и проч., и при этомъ между частными лицами, въ половинѣ и даже въ концѣ XVIII вѣка, происходили открытыя военныя дѣйствія, какъ между рыцарями XII столѣтія.

„Польша какъ будто застыла въ средневѣковыхъ понятіяхъ“, говоритъ одинъ польскій писатель, и это тѣмъ болѣе было для нея несчастливо, что во всѣхъ прочихъ государствахъ внутреннее устройство измѣнялось сообразно требованіямъ времени. Вездѣ было признано необходимымъ имѣть для приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ власть полицейскую, и сто лѣтъ тому назадъ въ Англіи эта власть уже начинала быть тѣмъ, чѣмъ должна быть,—другомъ и покровителемъ слабаго противъ сильнаго. Вездѣ были введены постоянныя арміи, обученіе и вооруженіе которыхъ составляло предметъ особой заботы правительствъ; вездѣ горожане, капиталисты, промышленники и торговцы начинали не только пользоваться нѣкоторою безопасностью, но и получать гражданскія права; зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ въ нѣкоторыхъ странахъ

уже не существовала; англійскіе фермеры и городскіе обыватели засѣдали въ парламентѣ рядомъ съ членами аристократіи; Меншиковы не уступали шагу Голицынымъ; въ нѣкоторыхъ странахъ совѣсть людей въ дѣлѣ религіи уже рѣдко подвергалась стѣсненіямъ. Польша одна только оставалась при старинныхъ понятіяхъ. Города не имѣли голоса на сеймѣ, иновѣрцы были устранены отъ государственныхъ должностей, законы лишены были силы; народомъ, націей считалось нѣсколько десятковъ тысячъ дворянъ, изъ которыхъ только какая-нибудь сотня фамилій были дѣйствительно самостоятельны; вся остальная масса служила имъ лишь средствомъ выказывать свое великолѣпіе и смѣяться надъ закономъ.

Зная это, мы уже не станемъ удивляться, что каждое изъ сосѣднихъ правительствъ имѣло въ Польско-Литовскомъ государствѣ своихъ горячихъ приверженцевъ, болѣе преданныхъ ему, нежели варшавскому; не покажется удивительнымъ и то, что какія-нибудь 20.000 регулярныхъ, хорошо дисциплинированныхъ солдатъ, предводимыхъ искуснымъ генераломъ, проходили изъ конца въ конецъ двадцати-милліонное государство встрѣчая или искреннихъ друзей, или немногочисленныя кучки дворянъ храбрыхъ, но не имѣвшихъ понятія о военномъ искусствѣ, предводимыхъ гетманомъ, который обыкновенно былъ очень знатный и богатый магнатъ, но командовалъ своею арміею какъ какой-нибудь коннетабль среднихъ вѣковъ, а не какъ полководецъ новѣйшаго времени.

Многіе польскіе писатели сами указываютъ на глубокіе недостатки старинной Польши и оплакиваютъ ихъ; но они негодуютъ на сосѣднія государства за то, что послѣднія пользовались слабостью Польши и не

употребляли своего вліянія, чтобъ исправить ея внутреннія учрежденія. Таковы именно обвиненія возводимыя друзьями Польши на Россію, но требовать подобной попечительности въ отношеніи какого-нибудь народа отъ другихъ есть чистая химера. Каждый народъ требуетъ отъ своего правительства попеченій лишь о своемъ собственномъ благоденствіи, и правительства прежде всего обязаны заботиться о благосостояніи управляемыхъ ими народовъ. Равно сильныя, равно предусмотрительныя и попечительныя правительства не станутъ воевать между собою. Но поэтому-то каждое правительство и каждый народъ должны заботиться, чтобы не быть слабѣе другихъ; а такъ какъ сила государства весьма много зависятъ отъ количества жителей страны, отъ удобства границъ, отъ числа приморскихъ торговыхъ пунктовъ и т. п., то отсюда и желаніе не только правительствъ, но и народовъ раздвигать предѣлы своихъ государствъ, пріобрѣтать плодоносныя страны, морскія прибрежья и т. п. Франція незадолго до описываемыхъ происшествій присоединила плодоносный Альзасъ, а вскорѣ потомъ Лотарингію и начала помышлять о распространеніи своихъ границъ до устьевъ Рейна; Пруссія, едва преобразовавшись изъ второстепеннаго владѣньица въ королевство, обнаружила еще бо́льшую жажду къ завоеваніямъ; наконецъ, сама Польша не переставала предъявлять претензіи на Смоленскъ, бывшій у нея въ рукахъ во время смутъ въ Россіи, на Ливонію которую она во время сѣверной войны не сумѣла добыть; на Курляндію, права на которою были съ ея стороны весьма сомнительны; Россія была въ описываемое время еще скромнѣе другихъ. Она не помышляла при Аннѣ о возвращеніи Бѣлоруссіи, Украйны, Волыни,—вѣковѣчныхъ

своихъ областей, отторгнутыхъ Польшей: она только настаивала на своемъ правѣ ограждать православную вѣру въ этихъ областяхъ (Вып. I, гл. III) и не хотѣла дать усилиться безпокойному сосѣду, грозившему ея собственному существованію.

Къ несчастію для себя, Польша не хотѣла понять, что Россія становилась сильнѣе ея и постоянно давала ей оружіе противъ себя, притѣсняя православныхъ своихъ соотечественниковъ, которые безпрестанно взывали къ Россіи о помощи, покровительствѣ и даже принятіи подъ русскую державу.

Много такихъ прошеній было подано еще царямъ московскимъ монастырями, духовенствомъ и православными подданными Рѣчи Посполитой; * еще болѣе стало ихъ поступать когда при Петрѣ Россія начала получать явный перевѣсъ надъ Польшею. „Бьютъ челомъ богомольцы твои“, писали къ Петру въ 1718 году, „благочестивыхъ монастырей литовскихъ и бѣлорусскихъ (такихъ-то) игумены съ всею во Христѣ братіею“, исчисляя утѣсненія, которымъ они подвергались. „Всемилостивѣйшій государь!“ заключали они, „просимъ вашего величества, чтобъ державство ваше повелѣло къ королю Польскому Августу II и Рѣчи Посполитой писать дабы онъ крѣпкимъ на сеймѣ, —или безъ сейма, гдѣ подлежитъ договоромъ, утвержденіе благочестія укрѣпилъ и въ приговорныя книги вписалъ, а унію бы сеймовой конституціею (опредѣленіемъ сейма) утвердити и написати въ тѣхъ нашихъ монастыряхъ не попустилъ,

---

* Rzecł pospolita буквально значитъ *дѣло всеобщее* или республика (respublica). Это названіе присвоено старинной Польшѣ, какъ имя собственное.

и оные бы монастыри державство ваше въ свою протекцію взялъ". Года два спустя изъ Могилева писали государю: „Ежели въ нынѣшнее время величество ваше, какъ собственный по Бозѣ праведный оборонитель своихъ чадъ вѣры святой, изъ сей непріятелей нашихъ не воздвигнешь насъ погибели, то да сохранитъ Богъ отъ слѣдующихъ (ожидающихъ) православіе погибелей!" Такія же отчаянныя воззванія получались отовсюду: „Мы духовные и весь городъ," писали изъ Невля, „нижайше просимъ, изволь подать намъ помощь и защитить насъ отъ льва рыкающаго...."—„Подай намъ хоть какую-нибудь надежду", продолжали они, „дабы могли вѣдать, жить ли намъ, или уходить отъ такого деннаго и нощнаго мученія."

Единовѣрцы наши явно призывали вооруженное вмѣшательство Россіи противъ немилостиваго къ нимъ правительства: „Слезно прошу", писалъ бѣлорусскій епископъ князь Четвертинскій, связанный впрочемъ родствомъ и знакомствомъ съ польскою аристократіей, „слезно прошу показать намъ бѣднымъ милосердіе и помощь, отмстить обидамъ непріятелей нашимъ, да не рекутъ языцы: „гдѣ есть Богъ вашъ?..." Тамъ, гдѣ подобныя приглашенія дѣлаются иностраннымъ правительствамъ, тамъ не далеко до междуусобной войны. Если непростительно сильному правительству вызывать противъ себя такія жалобы, то со стороны правительства слабаго—это безумно. Для сильнаго сосѣда соблазнъ слишкомъ великъ, и завоеватель, вступая въ такую страну, можетъ разсчитывать на милліоны дѣятельныхъ преданныхъ союзниковъ.

Вотъ, слѣдовательно, сколько признаковъ слабости и причинъ паденія Польско-Литовскаго государства. Можно было бы насчитать и еще нѣсколько, но мы

укажемъ только на одинъ,—избирательную форму правленія.—Да будетъ, говорили Поляки, повторяя слова Александра Македонскаго, королемъ нашимъ достойнѣйшій. Мысль превосходная; но въ Польшѣ, какъ и въ древне-греческомъ государствѣ, она была причиною большихъ бѣдствій. Какъ только упразднялся польскій престолъ, со всѣхъ сторонъ являлись кандидаты, сыпали обѣщаніями, сорили деньгами, составляли себѣ партіи, которыя брались за оружіе, и корона польская слишкомъ часто доставалась не достойнѣйшему, а богатѣйшему или сильнѣйшему. Но это было еще сносно, пока соперниками на польскій престолъ были или Поляки, или князьки незначительныхъ государствъ: дѣло оканчивалось только маленькимъ междуусобіемъ.... Гораздо хуже стало, когда сильныя государства Европы, соперничая между собою, начали подставлять Польшѣ своихъ кандидатовъ. Тутъ уже сыпались такія суммы, которыя въ состояніи были соблазнить, и дѣйствительно соблазняли самыхъ безкорыстныхъ, внося такимъ образомъ безнравственность въ націю и пріучая ее искать опоры не въ собственной силѣ, не въ собственномъ мужествѣ, а въ посторонней поддержкѣ и низводя такимъ образомъ Польшу на степень второстепеннаго, зависимаго государства.

Это именно случилось въ эпоху, къ которой мы приблизились. Саксонскій курфирстъ, бывшій королемъ Польскимъ, Августъ II, умеръ въ началѣ 1733 года. Кто будетъ его преемникомъ?—вотъ мысль, которая въ одно мгновеніе встревожила не только все польско-литовское шляхетство, но и всѣ почти правительства Европы. Шляхта съ неудовольствіемъ видѣла зависимость еще прежняго своего короля отъ сосѣдствен-

ныхъ дворовъ и не безъ основанія предполагала, что онъ желалъ сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ. Замѣтить надобно, что въ республикѣ начала преобладать мысль о томъ, чтобъ устранить отъ польскаго престола всѣхъ иностранныхъ принцевъ и вручить корону природному Поляку, — мысль, которая тѣмъ болѣе нравилась польскимъ магнатамъ, что каждый изъ нихъ могъ надѣяться быть избраннымъ. Между тѣмъ былъ человѣкъ уже носившій титулъ короля Польскаго, избранный, коронованный: это былъ Станиславъ Лещинскій (Вып. II, гл. XVIII и XX). Возведенный нѣкогда на престолъ Карломъ XII и низведенный Петромъ I, Станиславъ спокойно проживалъ во владѣніяхъ Французскаго короля, женатаго на его дочери. Станиславъ былъ нечестолюбивъ, а потому онъ легко помирился съ своею судьбой, занимался науками и едва ли предъявилъ бы претензію на корону, еслибъ его не привела въ движеніе честолюбивая политика Французскаго двора. Этотъ дворъ считалъ полезнымъ имѣть союзное и зависимое отъ него государство на востокѣ Европы, гдѣ возникали два молодыя государства, Русское и Прусское, гдѣ находились самыя слабыя стороны старой соперницы Франціи,—имперіи Германской.

Станиславъ Лещинскій пользовался вообще бо́льшимъ расположеніемъ Поляковъ. Они забыли, какъ видно, что государь этотъ во время своего правленія находился въ полной зависимости отъ короля Шведскаго и помнили только его добрыя свойства, его кротость, ласковость, щедрость, любовь къ просвѣщенію. Кромѣ того, его горячо поддерживало нѣсколько сильныхъ магнатовъ, между которыми первымъ былъ примасъ

королевства *, членъ знатной и многочисленной фамиліи Потоцкихъ, человѣкъ энергичный, умный и пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Съ первой минуты онъ привелъ въ дѣйствіе всѣ обыкновенно употребляемыя въ такихъ случаяхъ пружины: печаталъ статьи и брошюры въ пользу Станислава, разсылалъ преданныхъ ему людей въ разныя воеводства и повѣты, сорилъ французскимъ золотомъ.

Съ другой стороны, сосѣдственные дворы, Русскій, Вѣнскій и Берлинскій, были недовольны вмѣшательствомъ Франціи въ дѣла Польши, судьбами которой они втроемъ управляли довольно между собою миролюбиво; замѣтивъ что Франція хочетъ въ восточной Европѣ образовать союзъ изъ Швеціи, Турціи и Польши, чтобъ унизить Австрію, Пруссію и Россію, они, объяснившись между собой, также рѣшительно объявили, что не допустятъ возведенія Лещинскаго на польскій престолъ, какъ Франція рѣшительно исключала всѣхъ прочихъ кандидатовъ. Долго не могли русскіе, австрійскіе и прусскіе дипломаты согласиться между собою, кого представить имъ отъ себя кандидатомъ; наконецъ саксонскій курфирстъ, сынъ покойнаго короля Августа, успѣлъ склонить на свою сторону австрійское и русское правительства, обѣщавъ одному утвердить Прагъ-

---

* Примасомъ королевства Польскаго назывался старшій изъ архіепископовъ, имѣвшій большое вліяніе и на дѣла политическія какъ сенаторъ, какъ членъ, обыкновенно, одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, какъ глава духовенства вообще очень вліятельнаго въ Польшѣ, и наконецъ какъ верховный правитель государства во время междуцарствій, то-есть въ промежутки времени между смертію одного короля и вступленіемъ на престолъ новаго.

матическую санкцію *, другому принять рѣшеніе, какое оно сочтетъ удобнымъ дать вопросу о курляндскомъ наслѣдствѣ.

Тогда саксонскій, австрійскій и особенно русскій посланникъ, графъ Густавъ Левенвольдъ, горячо принялись поддерживать курфирста и составлять для него партію, золото ихъ сыпалось на встрѣчу французскому и разбѣгалось по карманамъ магнатовъ. Но было слишкомъ поздно: большая часть пановъ уже заключили свои условія; другіе искренно, по убѣжденію и твердо стояли за Станислава и за союзъ съ Франціей. Левенвольдъ написалъ въ Петербургъ, что избирательный вопросъ можетъ склонить на нашу сторону одна только военная сила, вслѣдствіе чего фельдмаршалу Лассп велѣно было перейти польскую границу.

Между тѣмъ какъ происходило все вышеописанное въ Варшавѣ, открылся сеймъ. Избирательный сеймъ въ старинной Польшѣ представлялъ оригинальное и необыкновенное зрѣлище: между Варшавой и деревнею Воля есть обширное поле; посреди этого поля выведена была кругообразная, обнесенная рвомъ, насыпь, внутри которой возвышался небольшой навѣсъ; сюда собиралось въ назначенный день польское шляхетство для избранія короля. Сенаторы входили подъ навѣсъ, послы или депутаты верхомъ въѣзжали въ средину обнесеннаго валомъ круга, а за рвомъ толпилось остальное шляхетство, съѣзжавшееся обыкновенно въ большомъ множествѣ, иногда въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, безъ всякой обязанности и приказанія, по чувству гражданскаго долга, чтобъ по-

---

* О значеніи Прагматической санкціи будетъ сказано ниже.

дать свободный голосъ въ рѣшеніи вопроса такой важности, какъ назначеніе верховнаго правителя государства. Избраніе происходило подъ открытымъ небомъ, на вольномъ воздухѣ какъ бы въ непосредственномъ присутствіи Божіемъ... Такъ понимали это великое дѣло нѣкоторые честные, любившіе свое отечество Поляки, но не такъ происходило на самомъ дѣлѣ. Большинство шляхтичей съѣзжалось не по чувству гражданскаго долга, а потому, что получало за это деньги отъ иностранныхъ правительствъ или отъ магнатовъ, поддерживавшихъ, тоже часто небезкорыстно, того или другаго кандидата. Рѣшеніе избирательнаго вопроса производилось въ присутствіи всего братства шляхетскаго, на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, какъ бы въ непосредственномъ присутствіи Божіемъ; но чистое желаніе общественнаго блага рѣдко одерживало верхъ надъ своекорыстными разсчетами, личными видами, похлѣбствомъ или непріязнію.

Избирательный сеймъ 1733 г. былъ особенно замѣчателенъ; на немъ участвовало до 60.000 шляхтичей; Варшава кипѣла народомъ. Она кипѣла также и страстями: противники Станислава кричали, что ихъ насильно заставляютъ избирать человѣка, котораго они не желаютъ имѣть королемъ; приверженцы его называли ихъ измѣнниками, и говорили, что ими призвано русское войско. Вы называете насъ измѣнниками, отвѣчали люди противной партіи, — а какъ назвать васъ, которые призываете французскіе полки?... Кончилось тѣмъ, что нѣсколько магнатовъ съ своими кліентами и друзьями оставили избирательное поле, заранѣе протестуя противъ ъизбранія Станислава.

Вдругъ принеслась вѣсть, что Станиславъ въ Варшавѣ. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ изъ Франціи, пере-

одѣтый купцомъ; это произвело неописанную радость между его приверженцами. Примасъ воспользовался этимъ впечатлѣніемъ и приступилъ къ избранію. Огромное большинство выразилось за Лещинскаго; тѣ же, которые своимъ удаленіемъ протестовали противъ этого избранія, торжественно признаны измѣнниками.

Между тѣмъ Ласси былъ уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Варшавы. Противники Станислава, числомъ до 4.000, потянулись къ нему на встрѣчу, а приверженцы новаго короля, избравшіе его съ такимъ восторгомъ, не оказали никакого сопротивленія русскому войску; оно заняло Варшаву и перешло черезъ Вислу почти безъ выстрѣла. Черезъ нѣсколько дней послѣ избранія на Вольскомъ полѣ, произошло другое избраніе, гдѣ королемъ былъ провозглашенъ саксонскій курфирстъ подъ именемъ Августа III, а Станиславъ съ примасомъ, французскимъ посломъ и нѣсколькими приверженцами, удалился въ Гданскъ (Данцигъ), чтобы тамъ ожидать данно обѣщанной Франціей помощи. Партія его разсыпалась по всѣму королевству, взывая къ оружію и провозглашая конфедерацію, т. е. вооруженное сопротивленіе *.

Положеніе Ласси съ двадцатитысячною его арміей посреди волнующейся страны было опасно, тѣмъ болѣе что саксонскія войска были еще далеко; далеко были и подкрѣпленія, которыя слѣдовали изъ Россіи.

---

* Такія конфедераціи были дозволены польскими законами. Онѣ имѣли иногда цѣлію отраженіе непріятельскихъ силъ, но еще чаще противодѣйствіе королямъ, когда ихъ дѣйствія казались несовмѣстными съ общественною пользою, или были непріятны предводителямъ партій; бывало, что и соперничествующія между собою партіи поднимали конфедераціи одна противъ другой.

Одно средство къ успѣху состояло въ томъ, чтобы дѣйствовать быстро, смѣло, рѣшительно. Но Ласси,— честный воинъ, любимый солдатами, никогда не отличался этими качествами. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: онъ промедлилъ нѣсколько дней подъ Варшавою и въ Варшавѣ, а приблизившись къ Данцигу, расположился для правильной осады этого города. Въ Петербургѣ были имъ недовольны; но кѣмъ замѣнить его? Старые Петровы сподвижники, Голицынъ и Долгоруковъ, не могли быть употреблены. Выборъ палъ на Миниха.

Минихъ былъ иностранецъ, подобно Остерману и многимъ другимъ, поступившій въ русскую службу при Петрѣ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ весьма многочисленныхъ искателей приключеній, которые въ то время переходили изъ службы одного государя въ другую, сражаясь сегодня противъ того, кому служили вчера, и считая по старинной латинской пословицѣ своимъ отечествомъ ту страну, гдѣ имъ хорошо; а хорошо имъ было тамъ, гдѣ они получали болѣе жалованья и играли болѣе видную роль. Такимъ именно человѣкомъ былъ и Минихъ, но при томъ изъ самыхъ способныхъ между ними. Петръ I поручилъ ему, какъ свѣдущему инженеру, работы Ладожскаго канала, производившіяся очень дурно подъ руководствомъ Меншикова, и Минихъ привелъ ихъ къ окончанію, такъ что при императрицѣ Аннѣ открылось прямое сообщеніе между Волховомъ и Невою (1731). При помощи Остермана и другихъ Нѣмцевъ, а также и благодаря своимъ способностямъ, онъ уже игралъ видную роль при Екатеринѣ I, осмѣливался иногда противорѣчить Меншикову и послѣ его паденія былъ сдѣланъ губернаторомъ Петербурга. Въ этой должности онъ имѣлъ случай обнаружить свою

преданность императрицѣ Аннѣ, и сразу занялъ одно изъ значительнѣйшихъ мѣстъ въ ея нѣмецкомъ министерствѣ—мѣсто президента военной коллегіи. Такъ, какъ Русская армія въ мирное время квартировала по городамъ и деревнямъ, получала провіантъ отъ городскихъ обывателей и земства, такъ какъ для всѣхъ этихъ сборовъ употреблялись военные коммиссары, то естественно, тотъ, кто управлялъ арміей и ея хозяйствомъ, имѣлъ множество случаевъ, если хотѣлъ, вмѣшиваться во всѣ части управленія. Честолюбивый и властолюбивый Минихъ не пропускалъ такихъ случаевъ и, пользуясь расположеніемъ Бирона и его наперсника Густава Левенвольда, забиралъ все болѣе и болѣе вліянія и власти, пріобрѣталъ все болѣе и болѣе довѣренности со стороны императрицы и ея любимцевъ. Онъ, впрочемъ, обладалъ и многими условіями для подобнаго рода успѣховъ: людей, которымъ желалъ понравиться, онъ окружалъ всевозможнымъ вниманіемъ, разсыпалъ предъ ними всевозможную лесть, ослѣплялъ ихъ блестящимъ, хоть иногда поверхностнымъ разнообразіемъ своихъ свѣдѣній; говорилъ съ величайшею самоувѣренностію и, не зная усталости, всегда готовъ былъ принять на себя какое угодно порученіе, какую угодно работу, при чемъ никакой трудъ, никакая забота не оставляли слѣда на его величавой наружности, не изнуряли его въ самомъ дѣлѣ обширныхъ умственныхъ силъ.

Биронъ и Левенвольдъ сильно покровительствовали Миниху, потому что не завидовали ему, считая себя гораздо выше и сильнѣе его, первый—милостію къ себѣ императрицы, второй—неограниченною довѣренностію фаворита. Но былъ человѣкъ, который начиналъ ему завидовать: это былъ Остерманъ, человѣкъ

этотъ, не имѣя ничего блестящаго, и напротивъ сдѣлавъ себѣ прочную репутацію хитрости и коварства, никогда никѣмъ не былъ любимъ какъ и самъ никогда никому не былъ вполнѣ преданъ; но съ самаго вступленія еще въ бывшій Верховный Совѣтъ, ничто не дѣлалось безъ его согласія. Даже самонадѣянный Меншиковъ безпрестанно справлялся съ мнѣніями Остермана, въ дѣлахъ же своего вѣдомства, то-есть въ дѣлахъ внѣшней политики, онъ управлялъ почти неограниченно. Понятно, что ему не полюбилось, когда Минихъ захотѣлъ вторгнуться въ его область, а это случилось именно по поводу польскихъ дѣлъ.

Французскій резидентъ въ Петербургѣ обратился къ Миниху, чтобы привлечь наше правительство къ союзу съ Франціей, и Минихъ принялъ на себя поддерживать это предложеніе. Остерманъ возсталъ на непрошеннаго совѣтника со всею силой, къ какой только былъ способенъ и внушалъ Бирону, что этотъ честолюбецъ хочетъ подъ всѣхъ нихъ подкопаться и сдѣлаться первымъ министромъ, этого довольно было подозрительному Бирону, чтобы возненавидѣть Миниха: „это змѣя, которую я отогрѣвалъ у груди своей“, сказалъ онъ, и не замедлилъ дать это почувствовать. Минихъ въ качествѣ петербургскаго губернатора жилъ въ домѣ, имѣвшемъ прямое сообщеніе съ дворцомъ. Биронъ убѣдилъ государыню, что необходимо отдать это помѣщеніе герцогинѣ Мекленбургской, а Миниху было предложено переѣхать въ другой, подаренный ему, но отдаленный домъ.

Это случилось въ 1732 году; когда же слѣдующимъ лѣтомъ ему поручено было командованіе арміею нашею въ Польшѣ, то многіе въ то время были увѣрены, что это назначеніе было выхлопотано Бирономъ,

чтобъ удалить Миниха отъ императрицы, или даже совершенно погубить его, потому что положеніе начальника небольшаго отряда посреди волнующейся націи, принужденнаго брать довольно сильно укрѣпленный городъ, не имѣя притомъ осадной артиллеріи, было въ самомъ дѣлѣ очень опасно.

Эта презрѣнная надежда однакожь не исполнилась. Минихъ повелъ дѣло рѣшительно и круто; обложилъ Гданскъ, стѣснилъ его траншеями, и не имѣя возможности вести правильной осады за недостаткомъ осадныхъ орудій, началъ штурмовать городъ, былъ отбитъ и снова шелъ на приступъ съ упорствомъ, которое могло или сломить осажденныхъ, или же слишкомъ ослабить осаждающихъ и поставить ихъ въ весьма опасное положеніе. Была минута, что послѣдніе дѣйствительно находились въ крайней опасности: въ виду устьевъ Вислы, близъ коихъ стоитъ Гданскъ, показалась французская эскадра и высадила десантъ, котораго давно съ нетерпѣніемъ ожидали приверженцы Станислава. По счастію, десантъ этотъ состоялъ лишь изъ полуторы тысячи человѣкъ. Минихъ, оставивъ крѣпость, кинулся на него и заставилъ положить оружіе. А такъ какъ между тѣмъ подоспѣли и саксонскія войска съ тяжелою артиллеріей, то въ успѣхѣ осады уже нельзя было сомнѣваться. Осыпанный бомбами, городъ запылалъ. Жители, по большей части торговые, богатые люди, пришли въ отчаяніе; едва успѣвали они тушить пламя въ одномъ мѣстѣ, какъ бомбы осаждающихъ производили новый пожаръ, а на помощь уже не было надежды.

Тогда Станиславъ, не желая долѣе дѣлать мирныхъ гражданъ жертвою ихъ приверженности къ нему, или же опасаясь попасть въ плѣнъ, рѣшился удалиться.

Въ одеждѣ крестьянина, вдвоемъ съ однимъ, тоже переодѣтымъ, шведскимъ генераломъ, тайно вышелъ онъ изъ города, и пространствовалъ пять сутокъ посреди безпрестанной опасности проводя дни то въ лѣсахъ, то въ болотахъ, между камышами, осмѣливаясь идти только ночью, наконецъ достигъ прусской границы.' Описаніе этого странствованія было напечатано съ величайшими подробностями и въ свое время читалось всею Европою съ интересомъ и участіемъ, котораго вполнѣ заслуживаютъ какъ этотъ эпизодъ, такъ и вся полная романическихъ случайностей жизнь „короля-философа".

По удаленіи Станислава, Гданскъ изъявилъ готовность покориться. Минихъ, самолюбію котораго льстила надежда представить въ Петербургъ плѣннаго короля, былъ взбѣшенъ, узнавъ что его уже нѣтъ въ городѣ, а потому онъ наложилъ на Гданскъ контрибуцію въ 2000.000 талеровъ, французскихъ же офицеровъ отправилъ въ Петербургъ. Тамъ извѣстіе о взятіи Гданска и прибытіи блестящей версальской молодежи въ качествѣ военноплѣнныхъ произвело весьма пріятное впечатлѣніе. Императрица пригласила этихъ послѣднихъ на одинъ изъ своихъ придворныхъ баловъ, возвратила имъ шпаги и отпустила во Францію. Современные заграничные журналы не замедлили протрубить объ этомъ, и хорошій пріемъ, сдѣланный Французамъ, былъ весьма одобренъ всею образованною Европой. Паденіе Гданска, гдѣ были взяты въ плѣнъ главные приверженцы Станислава, и между прочимъ примасъ, равно какъ и удаленіе самого Станислава за границу, нанесли сильный ударъ его партіи. Потоцкіе, Тарло, Оссолинскіе, главные партизаны Станиславовы, еще поддерживаютъ нѣсколько времени конфедерацію, встрѣчаются иногда съ русскими и саксонскими войсками, но шляхта мало-по-малу устаетъ

воевать безъ цѣли, предводители же ея одинъ за другимъ принимаютъ присягу на подданство Августу III, и Польша успокоивается

IV.

Усиленіе нашего вліянія въ Польшѣ.—Принесло ли оно пользу Россіи?—Сочувствіе къ Россіи русскихъ областей Польскаго государства.—Въ чемъ должно было бы состоять наше вмѣшательство въ польскія дѣла?—Національная политика.—Опасность которой насъ подвергалъ союзъ съ Австріей.—Отношенія наши къ Курляндіи.—Виды на нее Бирона.—Избраніе его герцогомъ Курляндскимъ.

Какія же послѣдствія имѣло вмѣшательство наше въ польскія дѣла и какую пользу изъ этого извлекла Россія? Первымъ и очевиднымъ его послѣдствіемъ было усиленіе нашего вліянія въ Польшѣ; одно дѣльное нѣмецкое сочиненіе (Geschichte d. Rus. Staats, v. Hermann) говоритъ, что въ это время польскія дѣла рѣшались не въ Варшавѣ, а въ Петербургѣ. И точно, тогдашній польскій посланникъ въ Петербургѣ безпрестанно писалъ въ Варшаву, что графъ Бирономъ рекомендуетъ польскому правительству такого-то воеводу или каштеляна, что графъ Остерманъ и Левенвольдъ совѣтуютъ поступать такъ-то; что русскому правительству было бы пріятно, еслибы приняты были такія-то мѣры, и т. п. Лица рекомендуемыя и покровительствуемыя такимъ образомъ, принадлежа къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, дѣлались нашими приверженцами и составляли партію, всегда готовую призвать наше вмѣшательство и приготовлявшую мало-по-малу полное господство

Россіи надъ Польшею. Но, съ другой стороны, это естественно оскорбляло патріотическое чувство націи, у которой, по крайней мѣрѣ на языкѣ, были постоянно священныя слова: отечество, свобода, независимость. Оскорбленіе же это наносимо было безъ серіозной надобности, также какъ безъ надобности были истрачиваемы съ нашей стороны большія деньги на избирательномъ сеймѣ, и пролита русская кровь подъ Гданскомъ. Можно думать даже что мы принесли эти жертвы во вредъ себѣ, ибо еслибы саксонская династія утвердилась въ Польшѣ и еслибъ ей удалось подъ своею державой сплотить земли отъ Днѣпра до Эльбы (къ чему именно она стремилась), то польскія домогательства на Смоленскъ и Ливонію причинили бы намъ большія затрудненія.

Въ такомъ случаѣ намъ едва ли скоро удалось бы достигнуть возвращенія въ лоно отечества нѣкогда отторгнутыхъ Польшею западныхъ нашихъ областей. А этого требовали, какъ мы видѣли, жители самихъ областей этихъ; это было необходимымъ условіемъ существованія Россіи, ибо отброшенная за Днѣпръ и Двину, она не могла имѣть ни торговли, ни промышленности, ни просвѣщенія; при этихъ условіяхъ она не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ „страною бѣлыхъ медвѣдей“, по словамъ иностранцевъ. И такъ споръ съ Польшею за западную Русь былъ неизбѣженъ; нашею святою обязанностію было протянуть руку къ призывавшимъ насъ роднымъ нашимъ братьямъ; дѣйствуя такъ, мы нашли бы союзниковъ, которыхъ не нужно было бы подкупать, и такихъ союзниковъ были бы у насъ милліоны. Мы уже видѣли, какія грустныя моленія возсылали къ Петру наши единовѣрцы и единоплеменники: тоже продолжалось и при его преемни-

кахъ. Въ Вильнѣ, напримѣръ, гдѣ нѣкогда они числительно господствовали надъ католиками, въ XVIII вѣкѣ ихъ уже считали только десятками; православные монастыри оставались безъ настоятелей, церкви безъ священниковъ. Буйные паны, прогулявъ нѣсколько сутокъ, нерѣдко садились на коней съ своими слугами и охотниками и дѣлали наѣзды на православные монастыри, били въ нихъ стекла, стрѣляли въ стѣны и ворота, врывались въ храмы и безчинствовали въ кельяхъ. И, разумѣется, все это происходило безнаказанно, потому что такъ поступали сами члены трибуналовъ (судовъ), родственники и пріятели старостъ и воеводъ, потому, наконецъ, что все католическое духовенство поднялось бы, еслибы кто-нибудь изъ принадлежащихъ къ „хлопской вѣрѣ“ былъ оправданъ противъ католика.

За то какъ радовались и оживали угнетенные, запуганные наши братья, когда получали какое-нибудь утѣшеніе, какую нибудь надежду! Въ 1732 году отъ Кіевскаго архіепископа былъ присланъ въ Виленскій монастырь настоятель: „Мы приняты“, писалъ онъ, „съ честію и веселіемъ отъ всѣхъ людей православныхъ. Руцѣ горѣ возносяще премного благодарили Богу.“ Поддерживать этихъ несчастныхъ, оскорбляемыхъ, угнетаемыхъ, конечно, было справедливостію и правомъ Россіи, и вмѣшательство наше съ этою цѣлію въ польскія дѣла нашло бы, безъ сомнѣнія, живой отголосокъ въ русской націи, тогда какъ ее мало интересовали глубокомысленныя соображенія Остермана о томъ, которому изъ германскихъ принцевъ доставить польскій престолъ. Но наши иноземцы-министры не угадывали, не чувствовали, въ чемъ заключается дѣйствительная сила Россіи относительно Польши. Мало того, они едва не вовлекли Россію въ большія затрудненія. Меж-

ду тѣмъ какъ малочисленный русскій отрядъ бралъ Варшаву и осаждалъ Данцигъ, ни прусское, ни австрійское правительство не прислало въ Польшу ни одного солдата: стоило, слѣдовательно, Французскому королю дѣйствовать нѣсколько энергичнѣе и прислать десантъ посильнѣе,—и мы могли имѣть на рукахъ войну, которая едва ли ограничилась бы одною Польшей, потому что и въ Турціи и въ Швеціи мы имѣли гораздо болѣе враговъ, чѣмъ доброжелателей; между этими двумя государствами уже начинались весьма для насъ подозрительныя сношенія, когда паденіе Гданска и бѣгство Лещинскаго, по счастію, дали всѣмъ этимъ затрудненіямъ благопріятный оборотъ.

При этомъ случаѣ выступили на сцену послѣдствія тѣхъ обязательствъ, которыя были нами заключены съ Вѣнскимъ дворомъ при Екатеринѣ, и вотъ по какому случаю.

Германскіе или „Римскіе“ императоры были, до начала нынѣшняго столѣтія, государями избирательными. Курфирсты (князья-избиратели) могли избирать ихъ изъ среды государей всей Европы. Но обычай ограничилъ эти избранія средою однихъ германскихъ владѣтелей; наконецъ одни эрцъ-герцоги Австрійскіе стали какъ бы наслѣдственно дѣлаться императорами,—это возбудило въ нихъ желаніе утвердить за собою право на императорскій титулъ. Мысль объ этомъ занимала царствовавшаго въ то время императора Карла VI всю его жизнь. Но, какъ нарочно, у него не было сыновей, а старинный германскій законъ не допускалъ женщинъ управлять имперіей. Поэтому, Карлу, чтобы достигнуть своей цѣли, надо было узаконить два нарушенія стариннаго закона, и онъ не щадилъ для этого никакихъ стараній и даже пожертвованій: онъ готовъ былъ на

величайшія уступки въ пользу того правительства, которое соглашалось гарантировать императорскій престолъ за его дочерью, знаменитою въ послѣдствіи Маріею-Терезіей, или подписать такъ называемую „Прагматическую санкцію“. На утвержденіи этой санкціи основывался и нашъ союзъ съ императоромъ, утвержденіемъ ея купилъ содѣйствіе Вѣнскаго двора и Августъ III относительно своихъ видовъ на польскій престолъ.

Между тѣмъ такое измѣненіе основныхъ законовъ имперіи не могло не встрѣчать и сильнаго противодѣйствія. Франція была во главѣ правительствъ, противившихся утвержденію Прагматической санкціи, и политики того времени были увѣрены, что смерть Карла VI сдѣлается сигналомъ жестокой войны; Россія же, благодаря трактату заключенному при Екатеринѣ I, должна была ожидать, что кровь ея солдатъ, что милліоны ея рублей потекутъ для служенія дѣлу вполнѣ для нея чуждому.

Эта печальная необходимость встрѣтилась еще ранѣе нежели ожидали: едва взятъ былъ Гданскъ, какъ императоръ потребовалъ, чтобы Россія выставила условленное количество войска для войны, которая у него началась съ Франціей. Казалось бы, что мы могли отклонить отъ себя это обязательство, потому что Вѣнскій дворъ не прислалъ намъ на помощь въ Польшу ни одного солдата; рѣшено однакожь было иначе, и генералъ Ласси повелъ (1735 г.) цѣлую русскую дивизію въ глубину Германіи, къ берегамъ Рейна. По счастію, война была окончена прежде чѣмъ наши войска успѣли вступить въ дѣло, и вся потеря наша ограничилась денежными расходами, взамѣнъ которыхъ у насъ при дворѣ съ гордостію указывали на отзывы

нѣмецкихъ газетъ о хорошей дисциплинѣ, о добромъ видѣ Лассіевой дивизіи.

Въ чемъ же заключались истинныя причины такой ненаціональной политики съ нашей стороны? Кажется, что большую роль играли здѣсь личныя мнѣнія тогдашнихъ государственныхъ людей. Императоръ Германскій, или, какъ онъ назывался тогда, „глава священной Римской имперіи, императоръ и цезарь“, пользовался еще старинным, почти суевѣрнымъ уваженіемъ всякаго Нѣмца. Прусскій король, имѣя множество причинъ къ неудовольствію противъ императора и мало уступая ему въ могуществѣ, преклонялъ передъ нимъ колѣна и цѣловалъ у него руку: „я останусь ему вѣренъ до послѣдней капли крови, и не отстану отъ него, пока развѣ онъ оттолкнетъ меня ногой“, говорилъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Великій германскій поэтъ Гете, жившій гораздо позже и смѣявшійся надъ многимъ, что̀ уважалось его предшественниками, писалъ, что онъ не могъ видѣть безъ священнаго благоговѣнія залу, гдѣ нѣкогда избирались германскіе императоры, которыхъ и всѣ монархи Европы признавали первыми между собою. Поэтому можно думать, что Остерманъ, Бирономъ, Левенвольдъ и другіе наши министры того времени не могли освободиться отъ нѣкотораго подчиненія въ отношеніи къ императору. Остерманъ, кромѣ того, былъ вполнѣ убѣжденъ, что союзъ съ Австріей придастъ много значенія Россіи; что̀ же касается Бирона, то его пристрастіе было не безкорыстно; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ получалъ отъ императора и деньги и помѣстья въ Германіи. Наконецъ Римскій императоръ могъ быть ему весьма полезенъ и въ отношеніи замысловъ на Курляндское герцогство, — и вотъ въ чемъ

состояли его замыслы. Въ бытность Бирона при дворѣ герцогини Курляндской его честолюбіе ограничивалось желаніемъ быть вписаннымъ въ число курляндскихъ дворянъ, но и въ этомъ онъ не имѣлъ успѣха, ибо не принадлежалъ къ нашимъ дворянскимъ фамиліямъ *; со вступленіемъ же Анны Іоанновны на русскій престолъ претензіи Бирона раздвинулись. При помощи услужливыхъ генеалоговъ онъ возвелъ свое происхожденіе отъ одной изъ знаменитѣйшихъ фамилій французскихъ, Вугоп; Германскій императоръ сдѣлалъ его графомъ; Русская императрица подарила ему въ потомственное владѣніе городъ Венденъ (въ Лифляндіи); всѣ дружественные съ Россіей государи присылали ему свои орденскіе знаки, многіе назначили или обѣщали ему пенсіи. При такой обстановкѣ не удивительно что Бирон ъ возвратился къ мысли Меншикова, сдѣлаться Курляндскимъ герцогомъ. Только онъ взялся за это дѣло болѣе издалека и не такъ круто какъ его предшественникъ.

Прежде всего онъ воспользовался вліяніемъ Русской государыни и бывшей Курляндской герцогини. Анна Іоанновна, живя въ Митавѣ, не вмѣшивалась въ управленіе герцогствомъ; не взирая на это или, можетъ-быть, по этому самому она имѣла много друзей между курляндскимъ дворянствомъ; когда же она сдѣлалась императрицей, у ней оказалось много новыхъ средствъ привлечь къ себѣ Курляндцевъ. Принадлежавшія гер-

*) Настоящая фамилія нашего временщика была Бюренъ (Büren) и Курляндское дворянство, на одномъ изъ своихъ ландтаговъ (сеймиковъ), формально отринуло его домогательства.

догинѣ земли въ Курляндіи были розданы тамошнимъ ея приверженцамъ; нѣсколько вліятельныхъ лицъ изъ ихъ числа, какъ напримѣръ, бароны: Корфъ и Кейзерлингъ, получили въ Петербургѣ значительныя должности. Всѣ эти милости дѣлались черезъ Бирона и послужили его интересамъ; вопреки прежнимъ своимъ рѣшеніямъ, Митавскій ландтагъ принялъ Бирона въ среду своего дворянства, а это дало эму возможность покупать въ Курляндіи земли и помѣстья и пріобрѣтать новыхъ друзей. Далѣе, когда Августъ III искалъ покровительства Россіи для полученія польскаго престола, онъ, конечно, прежде всего началъ заискивать въ Биронѣ; при этомъ случаѣ между ними заключено было условіе, что Бирон станетъ помогать Августу относительно польскаго престола, а Августъ, въ свою очередь, станетъ ему помогать въ его видахъ на Курляндію.

Справедливость требуетъ сказать при этомъ, что виды Бирона въ настоящемъ случаѣ вполнѣ совпадали съ видами нашего правительства и интересами Россіи. Еще Екатерина I воспротивилась присоединенію герцогства къ Польшѣ и поддержала въ немъ старинную форму правленія, съ особымъ герцогомъ; можно думать, что цѣль нашего правительства состояла въ томъ чтобы, послѣ смерти настоящаго герцога, вполнѣ преданнаго Польшѣ, возвести такого, который былъ бы преданъ намъ или отъ насъ зависѣлъ, въ настоящее время такимъ именно былъ Бирон; сдѣлавшись герцогомъ, онъ оставался бы русскимъ оберъ-каммергеромъ, приближеннымъ Русской императрицы и русскимъ вліяніемъ держался бы на курляндскомъ престолѣ?

Благодаря всему этому, дѣло Бирона катилось какъ

по бархату. На „пацификаціонномъ сеймѣ“ * 1737 года, окончившемъ смуты въ Польшѣ, вліяніемъ короля и нашего посланника, было рѣшено продлить въ Курляндіи прежнюю форму правленія и по смерти нынѣшняго герцога, не имѣвшаго, какъ было уже сказано, дѣтей. Дряхлый этотъ старецъ умеръ скоро послѣ того, и Бирономъ, пріобрѣтшій вышеизложенными способами, множество приверженцевъ между курляндскимъ дворянствомъ, былъ единогласно избранъ герцогомъ, съ прямымъ нисходящимъ отъ него потомствомъ. Цѣль этого честолюбца была достигнута, но и первый шагъ былъ сдѣланъ къ присоединенію Курляндіи къ Русской имперіи, вопреки Пруссіи, которая тоже имѣла виды на это герцогство и домогалась возвести на ея престолъ одного изъ своихъ принцевъ.

V.

Разрывъ съ Турціей.—Походъ 1736 года: взятіе Азова и разореніе Крыма.—Походъ Ласси въ Крымъ въ 1739 году и взятіе Очакова Минихомъ.—Походы Миниха 1738 и 1739 годовъ: Ставучинская побѣда и взятіе Хотина.—Бѣлградскій миръ.—Что принесла война и что она стоила?—Неудовольствія съ Польшей и Швеціей.—Убіеніе майора Синклера.

Все, что мы знаемъ теперь о русской политикѣ при императрицѣ Аннѣ, достаточно опредѣляетъ характеръ этой политики,—характеръ воинственный, наступатель-

* Сеймы, кромѣ обыкновенныхъ, собиравшихся каждые два года, бывали въ Польшѣ по различнымъ частнымъ случаямъ, какъ-то „конвокаціонные“, собиравшіеся послѣ смерти короля; „избирательные“, для избранія короля, „пацификаціонные,“ для замиренія послѣ междоусобныхъ войнъ и проч.

ный, но неосновательный на твердыхъ началахъ, а потому, можно сказать, задорный; мы безъ особой надобности ввязались въ войну съ Польшей; едва окончивши ее, готовы были воевать съ Франціей и въ то же самое время замышляли еще новую войну съ Турціей. Но эта послѣдняя, хоть и предпринятая безъ достаточныхъ поводовъ, связывала по крайней мѣрѣ нашу политику съ великими преданіями Петра.

Графъ Левенвольдъ, — пишетъ одинъ изъ современниковъ, Манштейнъ,—убѣждалъ отплатить за прутское пораженіе, и внушеніе это было безучастно принято лицами, составлявшими министерство императрицы Анны, и высокочтившими память Петра. Мысль о войнѣ съ Турціей нашла горячую поддержку и въ тогдашнемъ посланникѣ русскомъ при дворѣ Константинопольскомъ, Неплюевѣ, который доказывалъ, что для возобновленія наступательнаго движенія къ Черному морю не можетъ быть болѣе удобнаго времени: дѣйствительно, Турція нѣсколько лѣтъ уже вела войну съ Персіей и понесла сильныя пораженія; въ Константинополѣ и въ европейскихъ ея провинціяхъ происходили частыя волненія. Съ другой стороны, Порта, подстрекаемая Франціей и Швеціей, съ неудовольствіемъ взирала на вмѣшательство наше въ польскія дѣла и старалась возбуждать волненія между нашими казаками. Пылкій Минихъ настойчиво требовалъ войны, которая, какъ онъ надѣялся, должна была доставить ему новые лавры, и мечталъ о завоеваніи Крыма. На укрѣпленной линіи между Днѣпромъ и Дономъ, гдѣ проходила тогдашняя граница наша съ крымскими владѣніями, исподоволь составлялись склады военныхъ припасовъ и запасы провіанта; съ цѣлью развязать себѣ руки и обезпечить содѣйствіе Персіи, были ей уступлены завоеванныя Петромъ

при каспійскія провинціи (стр. 84). Нужно было только найти болѣе или менѣе благовидный предлогъ для начатія военныхъ дѣйствій,—и предлогъ этотъ былъ, конечно, безъ труда найденъ.

По случаю войны съ Персіей, султанъ приказалъ Крымскому хану съ своими Татарами прибыть въ кавказскія владѣнія Персіи, а для этого ему было необходимо пройти черезъ Кабарду,—страну, находящуюся на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ. Россія объявила Турціи, что эта страна издавна принадлежитъ ей, и что движенія Татаръ по этой мѣстности она не потерпитъ. Тѣмъ не менѣе Татары выступили въ походъ черезъ Кабарду. Это было признано за враждебныя дѣйствія со стороны Турціи и армія наша, расположенная въ Украйнѣ, получила приказаніе немедленно двинуться въ Крымъ. Но движеніе начато было поздно, въ октябрѣ 1735 года, и потому не имѣло успѣха.

Между тѣмъ замиреніе Польши дало возможность на слѣдующій годъ отдѣлить болѣе силъ для дѣйствій противъ Крыма. Начальникомъ дѣйствующей арміи былъ назначенъ покоритель Гданска, Минихъ. Понимая трудность движенія по безводнымъ пустынямъ, отдѣляющимъ русскую границу отъ Крыма, въ которыя, 50 лѣтъ назадъ, такъ опрометчиво пустился В. В. Голицынъ, Минихъ обратилъ особенное вниманіе на средства снабженія арміи провіантомъ, снарядами и осадною артиллеріей. Онъ нашелъ удобнѣйшимъ доставлять ихъ водою, и для этого приказалъ устроить особаго рода суда, которыя и должны были спуститься Днѣпромъ до самаго его устья, а оттуда, вдоль черноморскаго берега, плыть къ Перекопскому перешейку, гдѣ, по слухамъ, ожидали встрѣтить сильныя укрѣпленія; другой плавучій караванъ, заготовленный въ Во

ронежѣ, долженъ былъ такимъ же образомъ доставить тяжести къ Азову, уступленному Турціи, какъ мы знаемъ, по Прутскому договору (Вып. II, гл. XX), и который предполагалось непремѣнно взять.

Кампанія открылась раннею весною 1736 года движеніемъ къ Азову. Минихъ самъ велъ войска, назначенныя для овладѣнія этою крѣпостію; но сдѣлавши первыя распоряженія для осады, онъ сдалъ командованіе Ласси, а самъ поспѣшилъ къ главной арміи, которая, въ числѣ 50.000, собиралась на Днѣпрѣ, чтобы двинуться въ Крымъ. Широкое степное пространство, разстилающееся до самаго морскаго берега, было пройдено благополучно, безъ серьезныхъ встрѣчъ съ Татарами, и почти по той же самой дорогѣ, которою слѣдовалъ нѣкогда Голицынъ; въ концѣ мая передовые наши разъѣзды увидѣли море и зубцы Перекопскаго за́мка.

Перекопскій перешеекъ, отдѣляющій Гнилое море отъ Чернаго, имѣетъ ширины всего семь верстъ; это единственный путь въ Крымъ. Естественно, что всѣ средства были употреблены Татарами, чтобы преградить его: отъ моря до моря, во всю ширину перешейка, былъ прорытъ глубокій ровъ, и выведенъ высокій земляной валъ съ нѣсколькими каменными башнями, которыя, также какъ и за́мокъ Перекопскій, были снабжены артиллеріей. Это болѣе странное, чѣмъ грозное укрѣпленіе не представляло серьезнаго препятствія, и было взято съ ничтожною потерею. Занявши его, Минихъ вступилъ въ Крымъ, въ это старинное гнѣздо нѣкогда грозныхъ нашихъ враговъ,—грозныхъ потому что мы были слабы и неискусны. 50 лѣтъ предъ тѣмъ несравненно многочисленнѣйшая рать наша въ недоумѣніи остановилась предъ укрѣпленіями, которыя съ

такою легкостію, почти безъ потери, одолѣлъ теперь Минихъ!

По ту сторону перешейка открывалась опять гладкая степь. Минихъ двинулся впередъ. Татары, испуганные взятіемъ укрѣпленій, которыя они считали неодолимыми, разсыпались; но мало-по-малу оправившись, собрались снова и со всѣхъ сторонъ обхватили нашу армію, пуская въ нее стрѣлы, но нанося ей мало вреда. Города Гезлефъ (Евпаторія), Акмечетъ (Симферополь) и Бакчисарай, столица хана, были взяты и разорены; множество конныхъ табуновъ и стадъ было захвачено, много набрано различной добычи, освобождено нѣсколько сотъ плѣнныхъ христіанъ. Семейства Татаръ въ ужасѣ спѣшили въ горы, находящіяся въ южной части полуострова. Предпріимчивый Минихъ надѣялся съ мечомъ и огнемъ пройти всю страну поперекъ до южнаго берега; но это не могло состояться, потому что болѣзни въ этомъ непривычномъ для Русскихъ климатѣ очень ослабили нашу армію: по свидѣтельству иностранныхъ писателей, она лишилась до 30.000 человѣкъ отъ болѣзней, тогда какъ потеря ея въ сраженіяхъ не превосходила 2.000 человѣкъ. Поэтому пришлось повернуть назадъ, покинувъ и Перекопъ, который признано было невозможнымъ удерживать въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ Россіи и при трудности снабжать его всякаго рода припасами.

Такимъ образомъ блестящіе подвиги нашей арміи не принесли положительныхъ результатовъ, кромѣ только взятія Азова, который остался въ нашихъ рукахъ. Походомъ своимъ въ Крымъ мы далеко не усмирили Татаръ, и зимой они, въ свою очередь, сдѣлали набѣгъ, хотя и не очень удачный, на наши границы; съ нашей стороны многочисленная орда Калмыковъ была

устремлена на Кубанскихъ Татаръ. Кровь лилась безъ цѣли и безъ результатовъ.

Кампанія возобновилась на слѣдующій годъ. Ласси повелъ одну армію противъ Крыма, но не со стороны Перекопа (который былъ снова укрѣпленъ Татарами), а Арабатскою косой, отдѣляющею Гнилое море отъ Азовскаго. Подобно какъ въ прошломъ году, армія наша жгла и истребляла все встрѣчавшееся на пути; но также, какъ и прошедшій годъ, принуждена была возвратиться, не имѣя довольно средствъ, чтобъ утвердиться въ Крыму. Минихъ, съ своей стороны, осадилъ Очаковъ, довольно сильную турецкую крѣпость, запиравшую выходъ изъ Днѣпра, овладѣлъ ею посредствомъ кровопролитнаго штурма и оставилъ въ ней гарнизонъ. Такимъ образомъ мы пріобрѣтали господство надъ устьями обѣихъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море по обѣ стороны Крымскаго полуострова. Господствуя на Днѣпрѣ, мы прерывали связь Турціи съ Крымомъ, отдѣляли Татаръ отъ ихъ союзниковъ и покровителей и, стѣсняя ихъ со стороны Азова и Очакова, дѣлали неизбѣжнымъ паденіе ихъ царства, безъ чего никогда не могли успокоиться и наши южныя окраины. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя соображенія побудили наше правительство принять въ слѣдующемъ году совершенно другой планъ военныхъ дѣйствій. Въ силу трактата 1726 года (стр. 18), Вѣнскій дворъ выслалъ, наконецъ, и свою армію противъ Турокъ; но онъ требовалъ, чтобы мы или дѣйствовали съ нею вмѣстѣ, или по крайней мѣрѣ въ недальнемъ отъ нея разстояніи. Желаніе это было справедливо съ австрійской точки зрѣнія, но невыгодно для насъ, потому что отвлекало насъ отъ полезной для насъ цѣли,—утвердить прочную границу на Днѣпрѣ, и принуждало къ отдаленнымъ, стало-

быть труднымъ и, какъ увидимъ, безцѣльнымъ походамъ.

Въ 1738 и 1739 годахъ Минихъ ходилъ къ Днѣстру, проникалъ даже за Прутъ, одержалъ блестящую побѣду при Ставучанахъ и овладѣлъ сильною турецкою крѣпостію Хотиномъ; но эти громкіе успѣхи, кромѣ славы нашей арміи и ея главнокомандующаго, не принесли никакихъ плодовъ Россіи. Минихъ, который готовился перенести оружіе за Дунай, гдѣ войско русское не бывало со временъ Святослава, вдругъ получилъ извѣстіе, что союзникъ нашъ, императоръ Германскій, заключилъ съ Турціей миръ, и миръ чрезвычайно невыгодный для себя. Это взорвало пылкаго Миниха; онъ написалъ къ одному изъ цесарскихъ генераловъ письмо чрезвычайно рѣзкое: „Гдѣ же, писалъ онъ, этотъ тѣсный союзъ двухъ императорскихъ дворовъ? Русскіе берутъ крѣпости — вы ихъ теряете и срываете собственными руками; мы завоевываемъ провинціи, вы уступаете цѣлыя королевства.... Смѣю увѣрить васъ, что еслибы цесарская армія находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи, и тогда бы, при содѣйствіи императрицы Россійской, вы могли бы заключить миръ болѣе для васъ выгодный.“

Письмомъ этимъ Минихъ, какъ говорится, сорвалъ сердце, но поправить дѣла не могъ; положеніе его за Днѣстромъ, вдали отъ русскихъ границъ, сдѣлалось тѣмъ болѣе опаснымъ, что Остерманъ, связавъ русскую политику съ политикой Вѣнскаго кабинета, который откровенно признавался, что не имѣетъ денегъ для продолженія войны, принялъ посредничество Франціи, весьма къ намъ нерасположенной, для заключенія мира. Такимъ образомъ результаты четырехъ тяжелыхъ, смертоносныхъ кампаній, были совершенно по-

теряны; оставленные нашими союзниками, которыхъ дружбы мы искали съ такою настойчивостію въ продолженіе почти 15 лѣтъ, мы были принуждены уступить не только Хотинъ и линію Днѣстра, но и Очаковъ,—стало быть всѣ наши пріобрѣтенія, кромѣ одного Азова, укрѣпленія котораго, впрочемъ, обязались срыть. Земельныхъ пріобрѣтеній никакихъ не было сдѣлано; Кабарда была признана страною „вольною, барьеромъ между обѣими имперіями". Глубоко огорченный этимъ миромъ, Минихъ писалъ Бирону: „Турки обязаны этимъ миромъ Магомету, Нейпергу (австрійскому уполномоченному при заключеніи мира) и Вильневу (французскому послу въ Константинополѣ). Прости Боже Вѣнскому двору, что такія огромныя суммы потрачены изъ-за такихъ жалкихъ результатовъ!..." * И Минихъ дѣйствительно имѣлъ право чувствовать себя оскорбленнымъ; онъ былъ отстраненъ отъ веденія переговоровъ и заключенія мира. Мирный договоръ былъ составленъ Вильневымъ и самый трактатъ былъ, къ стыду нашему, поставленъ подъ гарантію Французскаго короля, какъ будто Россія признавала себя безсильною принудить Турцію къ точному его исполненію. Повидимому, этой гарантіи не придавали въ то время большаго значенія, почитая ее какъ бы простою вѣжливостію въ отношеніи Версальскаго двора; однако это дало въ послѣдствіи, при Екатеринѣ II, поводъ королю Франціи вмѣшиваться въ сношенія наши съ Портой.

Пожертвованія, на которыя намекалъ Минихъ въ письмѣ къ Бирону, дѣйствительно были огромны. Минихъ самъ говоритъ, въ письмѣ, отрывокъ изъ кото-

---

* Этотъ дѣйствительно плачевный миръ былъ заключенъ въ Бѣлградѣ.

раго приведенъ выше, что перевозка различнаго рода тяжестей требовала ежегодно болѣе 200.000 лошадей и воловъ, которые уже бывали негодны для слѣдующей кампаніи; а сколько людей погибло! Одно взятіе Очакова стоило намъ около 20.000 убитыми, изувѣченными и умершими отъ болѣзней, а вся война — не менѣе 100.000! Россія тяготилась этими безпрерывными наборами рекрутъ, требованіемъ подводъ и т. п. Малороссія была совершенно изнурена: въ 1736 г. было потребовано для укрѣпленія пограничной линіи 53.000 рабочихъ, въ теченіе этого же года было изъ Малороссіи доставлено для арміи около 100.000 четвертей всякаго хлѣба, за который хотя и заплатили обывателямъ, но долго спустя; 44.000 воловъ было потребовано въ слѣдующемъ году.... Всѣ эти подробности записаны однимъ современникомъ, Маркевичемъ, въ его *Дневникѣ*, обнародованномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Таковы были тягости, наложенныя на Россію, и особенно на Малороссію, этою войной, не принесшею, какъ сказано, существенной пользы. Сами военные тяготились ею, тѣмъ болѣе, что Минихъ былъ не только строгъ, но суровъ: разжаловывалъ генераловъ, разстрѣливалъ полковниковъ не за преступленія, а за оплошность, за непринятіе надлежащихъ мѣръ осторожности и т. п. Конечно, много лѣтъ спустя, тотъ, кто остался живъ, могъ не безъ гордости говорить: „я былъ подъ Ставучанами, я взбирался на стѣны Очакова“! Въ этихъ разсказахъ ветерановъ Турецкой войны рѣшительный, смѣлый Минихъ назывался не иначе, какъ „соколомъ“; онъ принималъ какіе-то исполинскіе размѣры, являлся богатыремъ, вождемъ-исполиномъ. Пріобрѣтя громкую извѣстность, и не въ одной Россіи, турецкими похо-

дами, особенно взятіемъ Очакова и Ставучанскою побѣдой, Минихъ былъ щедро награжденъ землями въ разныхъ губерніяхъ и получилъ званіе подполковника Преображенскаго полка. Многіе полагали тогда, однакожь, что онъ не совсѣмъ былъ доволенъ этими наградами, и мечталъ, говорятъ, быть „герцогомъ Малороссіи“.

Огромная трата денегъ и людей, бывшая результатомъ войны съ Турціей, могла бы впрочемъ скоро вознаградиться, еслибы, по заключеніи мира, послѣдовали годы внутренняго спокойствія; къ сожалѣнію, съ окончаніемъ Турецкой войны едва мы не были вовлечены въ другую. Во время двухъ послѣднихъ кампаній, Минихъ, чтобы не дѣлать слишкомъ дальнихъ обходовъ, водилъ свои войска на Днѣстръ черезъ польскія владѣнія, и это подало поводъ къ новымъ недоразумѣніямъ съ Польшей: можно было опасаться, что еслибы война вскорѣ не прекратилась, то Польша воспользовалась бы развлеченіемъ нашихъ силъ и сама взялась бы за оружіе; уже какіе-то таинственные, тщательно отъ насъ скрываемые переговоры производились между Варшавскимъ и Стокгольмскимъ дворами, при помощи Версальскаго. Швеція дѣлала явныя приготовленія къ войнѣ; огромная и очень сильная партія въ этой странѣ настойчиво требовала, чтобы правительство воспользовалось отдаленіемъ нашихъ войскъ для возвращенія Финляндіи и балтійскихъ провинцій. Одно происшествіе еще болѣе усилило враждебное къ намъ расположеніе Шведскаго народа и едва не произвело немедленнаго разрыва: это было убіеніе майора Синклера.

Майоръ Синклеръ былъ посланъ шведскимъ правительствомъ въ Константинополь, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, для заключенія союза противъ Россіи. Не

взирая на всѣ старанія, мы не могли узнать, чѣмъ кончились его переговоры, а знать объ этомъ было, разумѣется, весьма нужно. Случилось, что на обратномъ пути Синклеръ былъ убитъ въ Германіи русскими офицерами и бумаги его были похищены. Вся европейская журналистика въ одинъ голосъ закричала, что это убійство было дѣломъ петербургской политики. Правительство наше протестовало; убійцы были отысканы и наказаны, но общественное мнѣніе не удовлетворилось этимъ, въ Стокгольмѣ же негодованіе было такъ сильно, что народъ выбилъ камнями окна у нашего посланника. Усиліями нашей дипломатіи и щедро разсыпаннымъ золотомъ немедленный разрывъ былъ предотвращенъ, но черезъ годъ Швеція объявила намъ войну, и между причинами, рѣшившими уже войну, смерть Синклера была не послѣднею.

VI.

Взглядъ на внутреннее управленіе.—Налоги и ихъ взысканіе.—Доимочная канцелярія.—Побѣги.—Голодъ.—Разбои.—Закамскій край.—Башкирское возстаніе.—Мнимый царевичъ Алексѣй.—Духовенство.—Дворъ императрицы.—Заточеніе кн. Д. Голицына.—Послѣдній актъ трагедіи Долгоруковыхъ.—Княгиня Наталья Долгорукова.—Волынскій.—Шутовская свадьба и Ледяной домъ.—Третьяковскій.—Процессъ и казнь Волынскаго.—Слова Екатерины II-й объ этомъ процессѣ.

Обозрѣвъ дѣйствія правительства въ дѣлахъ внѣшней политики, посмотримъ какъ поступало оно въ дѣлахъ внутренняго управленія, какъ принимались націей его распоряженія и что̀ дѣлала нація. „Правленіе

императрицы Анны, было строгое, а иногда и тираническое," говоритъ историкъ кн. Щербатовъ, родившійся въ царствованіе этой государыни и могшій слышать свѣжія о немъ воспоминанія. Отзывъ Щербатова окажется справедливымъ, если мы поближе познакомимся съ этою эпохой; мы даже принуждены будемъ отозваться строже нашего историка, который утверждаетъ, что „народъ былъ порядочно управляемъ и не былъ отягощенъ налогами".

Всякій гражданинъ обязанъ приносить нѣкоторую жертву для общаго блага страны и отбывать нѣкоторую повинность въ пользу государства. Въ государствахъ граждански-зрѣлыхъ повинности эти правильно соразмѣрены съ дѣйствительными потребностями страны и со средствами плательщиковъ; поэтому и уплачиваются онѣ безъ ропота и безъ уклоненія. Не такъ было въ Россіи лѣтъ полтораста назадъ. Государственные доходы при Петрѣ не многимъ превосходили десять милл. руб., но и эта ничтожная сумма никогда вполнѣ не взносилась. Что могло быть этому причиною? Причинъ было множество, но главнѣйшихъ двѣ: 1) слабость промышленности, а слѣдовательно и средствъ добывать деньги, и 2) неудовлетворительное распредѣленіе налоговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что общая сумма государственныхъ налоговъ была весьма не велика: при Аннѣ они простирались примѣрно до 16 милл., по этому приходилось на каждаго мущину немногимъ болѣе рубля повинностей въ годъ. Но повинность эта была бы нечувствительна въ томъ лишь случаѣ, еслибъ она была разложена такъ, что падала бы сильнѣе на людей богатыхъ и слабѣе на бѣдныхъ. Къ сожалѣнію, это было совершенно на оборотъ; на послѣдняго бѣдняка точно также какъ на перваго богача падали акцизъ на соль

и на вино, продажа которыхъ составляла монополію казны; пошлины при различныхъ продажахъ, плата за перевозы и т. п. и въ то же время одни крестьяне платили подушный сборъ, по 70 к. съ лица м. пола; на нихъ же всею тяжестію лежали повинности натуральныя,—какъ напримѣръ подводная и дорожная. Вотъ почему такъ тяжела была крестьянамъ ихъ доля въ уплатѣ небольшаго (тогдашняго) государственнаго дохода. Правда, за неисправную уплату податей крестьянами отвѣчали своимъ имуществомъ ихъ помѣщики; но какія же средства могли быть у помѣщика, крестьяне котораго были нищими? Можно было, конечно, продать на пополненіе недоимокъ его скотъ, его усадьбу и такимъ образомъ прибавить одного новаго нищаго къ прежнимъ. Подати, которыя требуетъ казна, ничтожны, разсуждали наши иноземцы министры; да, но земля, хлѣбъ, лѣсъ, самый трудъ человѣческій цѣнились чрезвычайно низко. Гдѣ же и какъ было достать слѣдовательно и то небольшое количество денегъ, которое требовала казна?

Вотъ главныя причины того, что правительство никогда не могло разсчитывать на полученіе тѣхъ суммъ, которыя ему были необходимы. Петръ вообще строго взыскивалъ повинности, но и онъ бывалъ принужденъ дѣлать льготы и прощать недоимки, пользуясь для этого какими-нибудь обще-радостными событіями, какъ напримѣръ, заключеніемъ мира со Швеціей. Точно также снисхожденія были дѣлаемы въ этомъ отношеніи Екатериною I и Петромъ II; но правительство Анны Іоанновны рѣшилось поступать иначе, и замѣтивъ, что съ 1719 года накопилось болѣе семи милліоновъ различнаго рода недоимокъ, потребовало ихъ уплаты, а для завѣдыванія сборомъ этихъ недоимокъ, учредило такъ-на-

зываемую „доимочную канцелярію“, — имя, которое и по сіе время съ ужасомъ повторяется народомъ.

Уплата недоимокъ требовалась настойчиво; для взноса назначены были сроки, по истеченіи которыхъ велѣно было выправлять недоборы съ самихъ сборщиковъ, съ городскихъ магистратовъ и бургомистровъ, съ членовъ присутственныхъ мѣстъ, съ воеводъ и даже съ губернаторовъ, въ вѣдѣніи которыхъ оказывались неисправные плательщики. Понятно, что, избѣгая денежной отвѣтственности, всѣ эти власти выжимали всѣми возможными средствами недоимки съ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ. И странно: правительство какъ будто не вѣрило страшному отягощенію, которому подвергался народъ, и приписывало его уклоненіе отъ платежей одному упорству; въ одномъ изъ указовъ по этому случаю сказано съ укоромъ и даже какъ будто съ удивленіемъ, что крестьяне, „не смотря на экзекуціи“, не соглашаются добровольно взносить требуемыя съ нихъ деньги.

Что же было результатомъ подобныхъ мѣръ? На это отвѣчаютъ намъ несомнѣнные, правительственные акты. Военная коллегія доносила императрицѣ въ 1736 году, что рекрутскіе наборы, смертность и побѣги грозятъ уменьшеніемъ крестьянскаго населенія въ Россіи; что въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1727 по 1736 годъ, однихъ неизвѣстно куда бѣжавшихъ крестьянъ насчитывается до 400.000, что много такихъ деревень, гдѣ треть и даже половина жителей покинули свои домы, а много и такихъ мѣстъ въ которыхъ оказывалась совершенная „пустота“.... Въ 1742 году наведена была справка, которая показала, что, не взирая на энергическія домогательства доимочной канцеляріи, съ 1724 года числилось до пяти милліоновъ недоимки, „которую

за совершенною пустотою выбрать никакъ нельзя". Можно думать даже, что мѣры Бирона увеличили число этихъ „пустотъ". Такъ какъ за недоимки крѣпостныхъ крестьянъ возложена была отвѣтственность на помѣщиковъ, то не рѣдко случалось, что и баринъ, и дворня, и мужики поднимались разомъ съ своихъ мѣстъ, и исчезали неизвѣстно куда. Агенты доимочной канцеляріи наѣзжали и находили покинутую усадьбу и покинутыя деревни среди покинутыхъ полей....

Вслѣдствіе такихъ побѣговъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ селеній, поля оставались часто не засѣянными, а это было одною изъ причинъ голода, который испытала Россія въ 1734 и 1735 годахъ. Тогда помѣщикамъ велѣно было кормить крестьянъ собственнымъ хлѣбомъ и отнюдь не допускать ихъ до бродяжничества; но исполненіе этого повелѣнія очевидно было невозможно, и не только бродяжничество усилилось, но усилились и разбои; для поддержанія нѣкоторой безопасности по дорогѣ между Москвой и Петербургомъ выставлены были команды солдатъ и драгунъ; изъ офиціальныхъ актовъ мы узнаемъ, что въ какихъ-нибудь ста верстахъ отъ Москвы, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, вооруженная шайка „разбила" помѣстье какого-то Татищева. „Воровство умножилось близь самаго Петербурга,—читаемъ мы въ одномъ указѣ 1735 года, — и многихъ людей грабятъ и бьютъ". Ограбленные требовали строгаго правосудія; и правительство было вынуждено къ мѣрамъ весьма суровымъ: въ 1732 году двадцать убійцъ было наказано смертью; въ 1733-мъ—одиннадцать, въ 1734—24, въ 1735—94, въ 1736-мъ—102, а наказанныхъ кнутомъ и плетьми, сосланныхъ въ Сибирь и на каторгу было несравненно больше.

Таково было общее состояніе Россіи; теперь мы

всмотримся поближе въ одинъ изъ ея угловъ, въ который до сего времени еще не заглядывали. За Волгою, къ сѣверо-востоку отъ Казани, по Камѣ и за Камой простирался обширный, лѣсистый край, издавна населенный различными племенами азіатскаго происхожденія. Ближайшіе къ намъ, Татары нѣкогда сильнѣйшіе, господствующіе здѣсь, были давно покорены, и въ XVIII вѣкѣ жили болѣе или менѣе спокойно, отбывая государственныя повинности и покорно исполняя требованія губернаторовъ, воеводъ и комендантовъ. Въ положеніи подобномъ Татарамъ находились и Мордва, а Черемисы, и Мещеряки; но не таковы были Башкиры, народъ довольно многочисленный и энергичный, жившій за Камой и въ Уральскихъ горахъ. Чуждаясь новыхъ для него порядковъ, особенно когда они ему представлялись въ видѣ алчныхъ воеводъ, онъ часто бунтовалъ и до Петра и при Петрѣ. Возмущенія эти, хотя и происходившія въ отдаленномъ краѣ, не могли не безпокоить правительство, потому что край этотъ былъ весьма для насъ важенъ: въ нынѣшней Пермской губерніи были большія соляныя варницы, а въ Уральскихъ горахъ со времени Петра началась, какъ мы уже знаемъ, дѣятельная разработка желѣза, мѣди и драгоцѣнныхъ металловъ; черезъ этотъ край происходило сообщеніе съ Сибирью и слѣдовали китайскіе караваны; наконецъ, волненіе между Башкирами весьма легко могло найдти отголосокъ въ сосѣдственныхъ съ ними племенахъ Киргизъ-Кайсаковъ и Калмыковъ, жившихъ или, правильнѣе, кочевавшихъ на низовьяхъ Волги, вдоль сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря и до границъ Китая.

Калмыки, будучи ближайшими сосѣдями Астрахани и Царицына, считались издавна нашими подданными;

въ 1730 году и часть Киргизовъ приняла подданство Россіи. Но не легко было удержать въ повиновеніи этихъ дикарей, тѣмъ болѣе, что будучи кочевниками, они, при малѣйшемъ неудовольствіи, могли откочевать за Уралъ, вглубь туркменскихъ степей и точно также внезапно явиться оттуда для разоренія немногочисленныхъ въ томъ краю русскихъ поселеній. Для огражденія отъ ихъ набѣговъ учреждена была по Волгѣ и Камѣ линія небольшихъ укрѣпленій и казачьихъ станицъ, а въ глубинѣ башкирскихъ земель построено нѣсколько крѣпостей,—Уфа, Мензелинскъ и др. Наконецъ, въ царствованіе Анны Іоанновны рѣшено было протянуть линію укрѣпленій и казачьихъ станицъ для отдѣленія туркменскихъ степей отъ южной Сибири и Башкиріи; первомъ шагомъ къ этому было построеніе Оренбурга. Но эти же мѣры, принимаемыя къ утвержденію края, и были причиною сильныхъ въ немъ волненій, которыя, то усиливаясь, то ослабѣвая, продолжались съ 1735 года до конца царствованія императрицы Анны.

Таково было положеніе Закамскаго края; на другомъ концѣ Имперіи, въ Малороссіи, въ Кіевской губерніи, явился въ 1738 году самозванный царевичъ Алексѣй Петровичъ. Самозванецъ этотъ былъ простолюдинъ, „работный человѣкъ“, Миницкій, „забывшій, какъ сказано въ указѣ, природную свою подлость“. Въ связи съ нимъ было нѣсколько казаковъ и солдатъ, да еще сельскій священникъ. Однажды они въ неурочный часъ ударили въ колокола и, собравшись, повели въ церковь своего мнимаго царевича. Священникъ встрѣтилъ самозванца съ крестомъ и хоругвями, ввелъ въ царскія врата и сталъ возглашать ему молебенъ, а народъ,

сбѣжавшійся въ церковь, съ умиленіемъ цѣловалъ руку обманщика.

Такіе замыслы безъ большаго труда были подавляемы, и виновные подвергаемы заслуженному наказанію, но всѣ они доказывали броженіе умовъ. Всѣ сословія обнаруживали неудовольствіе, всякое по своему: простой народъ побѣгами, возмущеніями, появленіемъ самозванцевъ, глухимъ ропотомъ: „Хлѣбъ не родится, говорили крестьяне, потому что женскій полъ царствомъ правитъ". — „При первомъ императорѣ житье было доброе, а нынѣ намъ стало что̀ годъ, то хуже; какое житье за бабою!" Дворянство роптало тоже, хотя ему дано было большое облегченіе относительно службы, которой положенъ былъ срокъ, а именно въ 25 лѣтъ. Отслуживъ этотъ срокъ, помѣщикъ возвращался въ свое родное гнѣздо, но часто не на радость: находилъ имѣніе свое разореннымъ тяжелыми поборами, иногда деревни свои покинутыми крестьянами. Волынскій говорилъ что у него на 800 дворовъ осталось только 37 крестьянъ. „А все Нѣмцы проклятые", приговаривали обыкновенно люди, имѣвшіе поводы къ подобнымъ жалобамъ: „берегутъ ли они нашихъ русскихъ крестьянъ? Чай хуже собакъ почитаютъ. Пропащее наше государство!.."

Такъ разсуждали наши прадѣды въ своихъ уединенныхъ усадьбахъ. Они конечно не выражали своихъ жалобъ публично; напротивъ, сообщали ихъ одинъ другому съ глазу на глазъ, или въ крѣпко-запечатанныхъ письмахъ, которыя доставлялись по адресу собственными ихъ слугами: какъ же дошли до насъ эти слова и эти письма? Ихъ сберегла для исторіи тайная канцелярія. Время, о которомъ здѣсь говорится, было таково, что жалоба, высказанная подгулявшимъ человѣкомъ въ глубинѣ малороссійскихъ степей, или воло-

годскихъ лѣсовъ, вела въ тайную канцелярію, въ руки страшнаго Ушакова. Недаромъ *Бироновщина*,—имя которымъ запечатлѣно это время,—произносится, и понынѣ съ ужасомъ и негодованіемъ!

Подобно дворянамъ и крестьянамъ, недовольны были лица духовнаго чина. Всѣ вліятельнѣйшія лица въ государствѣ были иностранцы-иновѣрцы. а духовенство наше было представителемъ національнаго чувства, даже въ его чрезмѣрностяхъ. Кромѣ того. оно имѣло и другія причины къ неудовольствію: такъ напримѣръ, на церковниковъ возложена была рекрутская повинность. Оскорбленное и раздраженное духовенство принуждено было молчать во время господства Бирона, Остермана и другихъ иностранцевъ: но когда они пали, оно дало волю своему къ нимъ нерасположенію. При вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны. оно привѣтствовало ее какъ освободительницу отъ иноплеменнаго ига. „Наказалъ тебя. о Россіе. Богъ за грѣхи твои самымъ большимъ наказаніемъ, коль много по кончинѣ Петра Втораго ты претерпѣла бѣдъ, перемѣнъ“, говорилъ одинъ проповѣдникъ въ 1742 году. „Враги наши домашніе, внутренніе.„ продолжалъ онъ, „какую стратагему сочинили, чтобы вѣру православную поколебать: готовыя книги духовныя во тьмѣ заключили, * а другія сочинять подъ смертною казнію запретили“... Послѣднія слова не совсѣмъ справедливы, но они показываютъ, какъ смотрѣло духовенство на эпоху 1730—40 годовъ.

Теперь, чтобъ обойдти всѣ слои русскаго общества въ описываемую эпоху, надобно намъ перенестись ко

---

* Намекъ на запрещеніе *камня Вѣры*.

двору императрицы. Придворная роскошь, примѣръ которой подалъ Людовикъ XIV, въ это время распространилась всюду и была одною изъ главныхъ заботъ императрицы, а еще болѣе Бирона. Этотъ послѣдній, не въ состояніи будучи первенствовать ни въ совѣтѣ, ни на войнѣ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ затмѣвать всѣхъ своихъ современниковъ великолѣпіемъ. Онъ и достигалъ этого; убранство его комнатъ едва ли не превосходило убранство императорскаго жилища, а его конюшни и манежъ, гдѣ онъ проводилъ бо́льшую часть времени, мало имѣли равныхъ во всей Европѣ. Разумѣется, угождая ему, и всѣ придворные дѣлали непомѣрные расходы на свою одежду, на экипажъ и убранство домовъ. „Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева мебелей стали не иныя употребляться“, пишетъ Князь Щербатовъ, „какъ англійскія, сдѣланныя изъ краснаго дерева мегагена; домы увеличились, и вмѣсто малаго числа комнатъ, уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданія; стали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнату безъ обоя; зеркалъ, которыхъ сперва было весьма мало, уже во всѣ комнаты, и большія, стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали; богатыя, позлащенныя кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахромами; лучшія и дорогія лошади; богатыя, тяжелыя, позлащенныя и посребренныя шоры, съ кутасами шелковыми и съ золотомъ или серебромъ, также богатыя ливреи стали употребляться“.

Все это было далеко отъ скромной одноколки Петра Великаго, отъ его маленькаго домика на Петербургской

сторонѣ и даже отъ Екатерингофскаго дворца первой Русской императрицы.

Издержки на дворъ Анны Іоанновны увеличились соразмѣрно этимъ новымъ требованіямъ, въ сравненіи съ Петровскими временами; на одно ея конюшенное вѣдомство шло вдвое болѣе, чѣмъ на весь придворный штатъ Петра, а именно сто тысячъ. Надѣлано было множество новыхъ придворныхъ должностей, устроена охота въ большихъ размѣрахъ; сформированы два новые гвардейскіе полка, Измайловскій и Конногвардейскій (изъ коихъ въ первомъ всѣ офицеры были не русскаго происхожденія); выписана италіянская труппа для оперъ и балетовъ, явились новыя постройки въ Петербургѣ; распространенъ Петергофскій дворецъ, въ которомъ императрица проводила лѣтніе мѣсяцы; сдѣланы нѣкоторыя другія обширныя постройки.

Еслибы мы стали всматриваться въ лица, окружавшія императрицу, то точно также, какъ и въ наружной обстановкѣ, а мѣтили бы большія перемѣны. Мы мало нашли бы у престола лицъ, встрѣчавшихся намъ при Петрѣ, а именно: одного только Остермана, да еще Миниха и Ушакова, которые начинали быть извѣстны въ послѣдніе годы Петрова царствованія. Ягужинскій, поссорившись съ Бирономъ, былъ, какъ выше сказано, удаленъ въ Берлинъ въ качествѣ посланника; Шафировъ возвращенный изъ опалы Екатериною, находился постоянно вдали отъ двора. Мало найдемъ мы вокругъ престола и тѣхъ именъ, къ которымъ нація привыкла со времени еще зарожденія Московскаго царства,—людей иногда почтенныхъ, иногда не заслуживавшихъ уваженія, но съ именами которыхъ въ народномъ понятіи связывается воспоминаніе о всѣхъ свѣтлыхъ и темныхъ годинахъ Россіи, эти имена какъ бы

нарочно предавались поруганію и униженію. Одинъ изъ Волконскихъ и одинъ изъ Голицыныхъ были сдѣланы придворными шутами, и на перваго изъ нихъ возложено было попеченіе о комнатной собакѣ императрицы; одинъ изъ князей Черкасскихъ, близкій родственникъ кабинетъ-министра, былъ сосланъ въ Сибирь по наговору, который оказался ложнымъ; пытались примѣшать одного Гагарина къ какому-то заговору; о коемъ исторія и по сію пору ничего не знаетъ. Князь Дмитрій Голицынъ, къ удивленію, не подвергался преслѣдованію вмѣстѣ съ другими верховниками; но къ нему придрались семь лѣтъ спустя. Одна изъ его дочерей была замужемъ за братомъ поэта Кантемира. Пользуясь своимъ вліяніемъ при Петрѣ II, Голицынъ выхлопоталъ для своего зятя, чтобы за этимъ послѣднимъ было утверждено все огромное имѣніе стараго Кантемира. При Аннѣ князь Антіохъ началъ по этому поводу тяжбу и выигралъ ее, а Голицынъ, за несправедливыя свои претензіи и за то, что сказалъ между прочимъ: „совѣтъ подлежитъ лишь суду Божію“, былъ въ 1737 году посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и скончался черезъ годъ. Очевидно, это было не удовлетвореніе правосудію, а мщеніе.

Но все это было ничто въ сравненіи съ систематическимъ преслѣдованіемъ, которому подверглись Долгоруковы и которое продолжалось десять лѣтъ. Мы уже знаемъ, что члены этой знаменитой фамиліи были заточены въ Соловецкомъ монастырѣ, Ивангородѣ и Березовѣ, и заточены, какъ было сказано, по однимъ темнымъ слухамъ о замыслѣ ихъ возвести на престолъ невѣсту Петра II (потому что это, какъ сейчасъ увидимъ, было доказано позднѣе). Во время ихъ заключенія, за ними учрежденъ былъ самый строгій надзоръ

и ежемѣсячно присылались донесенія о всемъ, что̀ до нихъ касалось. Ничего, однакожь, не открывалось такого, что̀ могло бы представить поводъ къ новымъ преслѣдованіямъ. Но вотъ стали ходить неопредѣленные слухи о какомъ-то обширномъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлію будто бы истребленіе Нѣмцевъ и возведеніе на престолъ цесаревны Елизаветы, и душою котораго были будто бы Долгоруковы. Что такіе слухи дѣйствительно были, доказательство тому находимъ во многихъ иностранныхъ современныхъ сочиненіяхъ; но не нарочно ли были пущены эти слухи съ тѣмъ чтобы подать поводъ къ преслѣдованію русской знати? По крайней мѣрѣ изъ страшно подробныхъ и придирчивыхъ слѣдствій, производившихся надъ Долгоруковыми, ничего подобнаго такимъ слухамъ не обнаружено.

Какъ бы ни было, эти слухи снова обратили вниманіе на несчастныхъ узниковъ. Въ то же время послѣдовалъ доносъ, что у князя Ивана есть будто бы картина, изображающая обрученіе его сестры съ покойнымъ государемъ: дѣло весьма, кажется, естественное, что падшій фаворитъ желалъ сохранить что-нибудь напоминающее ему прежнее его величіе. Это извѣстіе было однакожь поводомъ къ назначенію слѣдственной коммиссіи, которая немедленно прискакала въ Тобольскъ. Князь Иванъ и его братья (отца ихъ уже не было въ живыхъ) были схвачены и перевезены въ Тобольскъ, а березовскій ихъ домъ перерытъ и пересмотрѣнъ отъ чердака до подваловъ. Найдена была, наконецъ, знаменитая картина, и оказалось, что это было аллегорическое изображеніе коронаціи Петра II: онъ представленъ сидящемъ на тронѣ, а предъ нимъ на колѣнахъ Россія въ видѣ женщины.

Это открытіе не остановило слѣдствія, потому что,

какъ было уже замѣчено, слѣдствія прежняго времени имѣли цѣлію не разъяснить обстоятельство извѣстнаго преступленія, а открыть: не было ли совершенно *какое-нибудь* преступленіе... Недавняго царскаго фаворита поднимали на дыбу, били кнутомъ — и, наконецъ, довели до такого помраченія, что онъ, однажды сидя въ острогѣ, объявилъ *слово и дѣло* и разсказалъ весь разговоръ, происходившій въ Головинскомъ дворцѣ во время предсмертной болѣзни Петра II (стр. 45 и слѣд.).

Получивши донесеніе объ этомъ дѣйствительно весьма важномъ открытіи, начальникъ тайной канцеляріи, Ушаковъ, принялъ въ свои руки производство дальнѣйшаго слѣдствія. Иванъ Долгорукій, его братья и Василій Лукичъ были переведены въ Шлиссельбургъ и въ ближайшія къ Петербургу мѣста заключенія; двое братьевъ Алексѣя Григорьевича (дяди князя Ивана), незадолго предъ тѣмъ освобожденные, арестованы вновь, и началось одно изъ страшнѣйшихъ слѣдствій, когда-либо производившихся въ Россіи.

Оно разъяснило подробности сдѣланнаго княземъ Иваномъ показанія, опредѣлило степень участія каждаго изъ лицъ, бывшихъ въ Головинскомъ дворцѣ во время совѣщаній о возведеніи на престолъ Екатерины Долгоруковой. По раскрытіи всѣхъ обстоятельствъ этого умысла (неприведеннаго однакожь въ исполненіе), послѣдовалъ приговоръ: князя Ивана колесовать и отсѣчь ему голову; двумъ его дядямъ и Василію Лукичу—отсѣчь головы; Василія Владиміровича и его брата заключить на вѣчное заточеніе въ Соловецкій монастырь. Казнь дряхлаго князя Василія Лукича и молодаго, но разбитаго страданіями, князя Ивана и его двухъ дядей совершилась въ Новгородѣ въ концѣ 1739 года. Каковы бы ни были ихъ прежнія заблужденія, и

даже преступленія, девятилѣтнее постоянное ихъ преслѣдованіе и страданія, которыя они въ это время перенесли, невольно примиряютъ съ ними: „смерть столь неожиданная, суровая и мучительная, искупила всѣ грѣхопаденія юности его (князя Ивана) и кровь, обагрившая новгородскую землю, должна примирить прахъ его со всѣми врагами племени нашего“, писалъ полвѣка спустя одинъ изъ членовъ Долгоруковской фамиліи.

Сочувствіемъ, которое возбуждаютъ пострадавшіе Долгоруковы, и особенно князь Иванъ, много обязаны они женѣ послѣдняго, княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ, несчастная судьба и прекрасная душа которой не разъ уже вдохновляли нашихъ поэтовъ. Она была дочь фельдмаршала графа Шереметева. Рано потерявъ мать и отца, она росла въ московскихъ хоромахъ фельдмаршала сиротою посреди многочисленной челяди, приживалокъ и бѣдныхъ родственницъ и влюбилась въ перваго молодаго красиваго мущину, котораго она увидѣла, это былъ Иванъ Долгоруковъ, пріѣхавшій въ Москву на коронацію Государя, чествуемый, превозносимый всею родней сироты. Она была сговорена съ нимъ, когда первыя бѣды стряслись надъ головою Долгоруковыхъ. Съ невыразимою прелестью, съ прелестью неподражаемой искренности, сама Наталья Борисовна разсказываетъ свое положеніе въ это время: „Такія вѣсти ко мнѣ въ уши приходятъ: иной скажетъ, въ ссылку сошлютъ; иной скажетъ—чины и кавалеріи отберутъ... каково мнѣ тогда было въ шестнадцать лѣтъ? Ни отъ кого руки помощи не имѣть, а надобно и долгъ и честь сохранить и вѣрность не уничтожить“. И этотъ долгъ и честь хотѣла сохранить Наталья Борисовна вопреки совѣту своей родни: „свой-

ственники говорили, что я человѣкъ еще молодой и безразсудно себя сокрушаю; можно-де этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; найдутся другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины имѣть будутъ". — „Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что я ничего не могла имъ на то отвѣтствовать," пишетъ Наталья Борисовна. „Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему?..." Благородная дѣвушка осталась вѣрна своему слову, но за то отъ нея, въ свою очередь, отшатнулась вся родня: „куда дѣвались всѣ искатели и друзья! всѣ спрятались"... „Уже день свадьбы назначили,—некому проводить; никто изъ родныхъ не ѣдетъ; да некому и звать (со стороны жениха). Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ, моихъ свойственницъ, которыя меня провожали, а то принуждена была бы съ рабою ѣхать... Привезли меня какъ бѣдненькую сироту"...

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы все семейство Алексѣя Григорьевича получило приказаніе отправиться въ дальнія деревни. Молодая женщина, воспитанная въ совершенномъ невѣдѣніи дѣлъ житейскихъ, по старинному, вполнѣ увѣрена была что ея мужъ есть лучшій изъ людей и что ему стóитъ только слово сказать, чтобъ его невинность возсіяла пуще солнца; вокругъ нея смятеніе и стоны, а она, не понимая дѣла, говоритъ: „поѣзжайте сами къ государынѣ, оправдайтесь".— „Свекоръ, глядя на меня (писала она много лѣтъ спустя), удивляется моему младоумію и смѣлости! Послѣ нѣсколькихъ дней пути нагналъ ссыльныхъ офицеръ и объявилъ имъ указъ: „велѣно-де съ васъ кавалерію

снять... Въ столицѣ, знать, стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали! Боже мой, какое тутъ ихъ правосудіе!...“ Невѣдѣніе дочери графа Шереметева было такъ велико, что, описывая свою дорогу до имѣнія, которое первоначально было назначено мѣстомъ ссылки, потомъ до Березова, она не называетъ ни одного города, ни одной рѣки: все это не интересовало ея, не останавливало ея вниманія; но за то она не спускала глазъ съ своего возлюбленнаго.

„Во всѣхъ злоключеніяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла.“

Княгиня Долгорукова лично не играла никакой роли въ судьбѣ Россіи и поэтому едва ли имѣетъ право на мѣсто въ исторіи; но ея судьба связана съ одною изъ самыхъ яркихъ историческихъ драмъ этой эпохи, а безыскусственный ея разсказъ такъ живо рисуетъ нѣкоторыя черты этой драмы и быта нашихъ дѣдовъ, что не возможно лучше изобразить ихъ, какъ ея словами. При томъ, признаемся съ горестію: это единственная, въ то мрачное время, свѣтлая личность, на которой душа останавливается съ сочувствіемъ и любовью: это прекраснѣйшій, чистѣйшій образъ русской женщины въ первой половинѣ XVIII вѣка, и вотъ почему ей можно удѣлить мѣсто въ нашемъ разсказѣ. По смерти мужа и родственниковъ, она получила позволеніе оставить свое заточеніе. Но міръ былъ уже для нея пустъ; пристроивъ дѣтей своихъ, она удалилась въ Кіевъ, постриглась, и тамъ, въ своей иноческой обители, записала для дѣтей своихъ все что̀ помнила изъ обстоятельствъ своего минутнаго счастія и долгихъ своихъ страданій.

Едва окончилась страшная драма Долгоруковыхъ, какъ началась новая, не менѣе страшная, героями которой были Волынскій и нѣкоторые изъ его друзей.

Мы уже нѣсколько знаемъ Волынскаго. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей молодаго поколѣнія, которыхъ способности замѣчены были Петромъ Великимъ и которымъ онъ открывалъ путь къ отличіямъ и дѣятельности. Посольствомъ его въ Персію (Вып. III. гл. XVII) государь былъ доволенъ и, задумавъ завоеваніе Каспійскихъ береговъ, поручилъ ему, вмѣстѣ съ управленіемъ Астраханскою губерніей, сдѣлать нужныя приготовленія для Персидскаго похода. Волынскій былъ человѣкъ способный, дѣятельный и довольно образованный, но въ высшей степени самолюбивый, самонадѣянный и неразборчивый въ средствахъ къ возвышенію и обогащенію. Еще во время бытности въ Персіи онъ запятналъ себя лихоимствомъ, во время же губернаторства своего въ Астрахани, а потомъ въ Казани, онъ позволялъ себѣ самыя наглыя грабительства и самыя свирѣпыя насилія. И грабительство, и насиліе были въ это время дѣломъ обыкновеннымъ, но Волынскій превзошелъ мѣру и едва не попалъ подъ судъ. Ему удалось однакожъ увернуться отъ заслуженнаго наказанія и даже войдти въ милость къ Левенвольду и Бирону; онъ сдѣланъ былъ егермейстеромъ и въ этомъ званіи угождалъ и служилъ съ невѣроятнымъ усердіемъ извѣстной страсти Бирона къ лошадямъ, не щадя издержекъ и трудовъ, чтобы царскія охоты были веселы, и богаты добычею.

Но занятія такого рода не удовлетворяли честолюбію Волынскаго, да и не соотвѣтствовали его способностямъ. Бывъ долгое время губернаторомъ, онъ отлично изучилъ администрацію, зналъ законы, сличалъ

ихъ съ иностранными и нерѣдко представлялъ кабинету мнѣнія по разнымъ отраслямъ управленія, которыя давали выгодное понятіе объ его умѣ и практическомъ знаніи, такъ что въ 1738 году онъ былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ.

Здѣсь предъ нимъ открывалось поприще широкое: всѣ важнѣйшія дѣла внутренняго управленія и внѣшней политики сосредоточивались въ кабинетѣ. Но Волынскій скоро разладилъ съ другими кабинетъ-министрами; онъ понималъ только отношенія или начальственныя, или подначальныя: умѣлъ или угождать тѣмъ, отъ кого зависѣлъ, или приказывать тѣмъ, кто зависѣлъ отъ него. „Я ужь не знаю, какъ и быть," говаривалъ онъ своимъ пріятелямъ: „двое у меня товарищей, да одинъ изъ нихъ всегда молчитъ (Черкасскій), а другой (Остерманъ) только обманываетъ."

Самонадѣянный и заносчивый, Волынскій перессорился и не съ одними своими товарищами: „Я вѣдаю, писалъ къ нему одинъ расположенный къ нему человѣкъ, что друзей вамъ почти нѣтъ, и никто съ добродѣтелью о вашемъ имени помянуть не хочетъ: Ягужинскій твердилъ, что ему не миновать висѣлицы, да и недавній его покровитель, Бирон, однажды выразилъ о немъ такое мнѣніе, что человѣкъ менѣе самонадѣянный сталъ бы остерегаться: „Я знаю," сказалъ Бирон про него, „какіе онъ имѣетъ пороки и слабости; но гдѣ же между Русскими найти лучшаго!"

Въ этихъ словахъ нѣмецкаго временщика заключались и угроза Волынскому, и объясненіе той ненавистной Бирону силы, которую имѣлъ Волынскій; — онъ былъ *русскій* министръ; онъ себя считалъ и многіе его считали главою русской партіи, которую, какъ ни старались Бирон и его друзья, не могли истребить съ

корнемъ. Волынскій былъ дѣйствительно русскій человѣкъ, разумѣется, не нашего времени и по своимъ хорошимъ и по дурнымъ качествамъ; Нѣмцевъ онъ не любилъ и идеалы для своихъ государственныхъ понятій бралъ не изъ Германіи или Франціи, а изъ отечественной старины и, частію, изъ Польши. Эти понятія слишкомъ замѣчательны, чтобы съ ними не познакомиться, и мы для этого воспользуемся поданными имъ проектами и мыслями, вырывавшимися у него въ искреннихъ бесѣдахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что онъ непріязненно смотрѣлъ на чрезмѣрное скопленіе въ рукахъ высшаго правительства всякаго рода дѣлъ, заботъ и обязанностей, то-есть, на то что нынѣ называютъ централизаціей. „Мы, министры, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ проектовъ, хотимъ всю вѣрность на себя принять, и будто мы одни дѣло дѣлаемъ и служимъ вѣрно. Напрасно намъ такъ много о себѣ думать; есть много вѣрныхъ рабовъ; а мы только что пишемъ и *въ конфиденціи приводимъ* (?), а тѣмъ ревность другимъ пресѣкаемъ, и натащили мы на себя много дѣлъ неподлежащихъ намъ; а что дѣлать—сами не знаемъ“. Далѣе, онъ предлагалъ уничтожить званіе генералъ-прокурора, „ибо онъ можетъ препятствовать сенаторамъ въ свободномъ дѣйствіи. Волынскій предлагалъ, кромѣ того, чтобы сенаторы ежегодно объѣзжали различныя части Россіи „для усмотрѣнія тамошнихъ непорядковъ; онъ выражалъ желаніе“, чтобъ учрежденные Петромъ, а послѣ него уничтоженные магистраты возстановить“, то-есть возстановить нѣкоторое самоуправленіе городовъ, совѣтовалъ распространять просвѣщеніе, особенно между духовенствомъ и дворянствомъ, посылая, между про-

чимъ, молодыхъ дворянъ, по прежнему, за границу, и вообще желалъ дать болѣе значенія дворянству.

Таковы были политическія мнѣнія Волынскаго; ихъ любопытно сличить съ мыслями Татищева, выраженными въ челобитной Верховному Совѣту; онѣ имѣютъ сходство между собою, но у перваго мы замѣчаемъ то, чего не было у втораго, а именно желаніе доставить нѣкоторую власть и гражданское значеніе городамъ и сословіямъ,—мысль очень правильную, которая была въ послѣдствіи развита Екатериной Великою. Весьма замѣчательно, что Волынскій, въ высшей степени склонный къ самоуправству, понималъ въ теоріи высокое значеніе личной неприкосновенности гражданина. Конечно, гражданиномъ онъ признавалъ только дворянина и при томъ болѣе или менѣе знатнаго: „вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, говаривалъ онъ; ни на что не смотрятъ! Польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать!“

При такомъ самостоятельномъ образѣ мыслей не мудрено, что Волынскій, хлѣбосольный при томъ, сообщительный и привѣтливый (когда былъ въ духѣ), сдѣлался центромъ кружка людей образованныхъ, умныхъ и недовольныхъ преобладавшимъ тогда порядкомъ дѣлъ, и лицъ которыя направляли эти дѣла. Чтобъ они замышляли что-нибудь противъ правительства,—этого не открыто самымъ придирчивымъ изслѣдованіемъ; но они рѣзко отзывались о людяхъ, бывшихъ въ силѣ, а Волынскій и публично насмѣшливо и даже съ бранью отзывался о нихъ безъ церемоніи, говорилъ, что онъ могъ бы управлять государствомъ и вытѣснялъ изъ своего егермейстерскаго управленія Нѣмцевъ. Этого было достаточно, чтобы какъ говорилъ Ягужинскій, попасть на висѣлицу.

Одинъ изъ такихъ выгнанныхъ Нѣмцевъ, безъ сомнѣнія подученный и поддержанный сильными покровителями, подалъ лѣтомъ 1739 года самой императрицѣ жалобу на Волынскаго; отъ него было потребовано объясненіе. Самолюбивый Волынскій вскипѣлъ бѣшенствомъ и далъ объясненіе, которое его погубило. Угадывая, что за его бывшимъ подчиненнымъ скрывались другіе двигатели, онъ главнѣйше на нихъ и обратилъ свою жолчь. Жалуясь, что его злоумышленно обносятъ предъ императрицей, онъ писалъ: „приводить государей въ сомнѣніе, чтобы никому вѣрить не изволили, а всѣ бы подозрѣніемъ огорчены были; дѣла, которыя за самую бездѣлицу почитать можно, однакожь оныя какъ наибольше расширять и всякія изъ того приключенія толковать, а ничего прямо не изъяснять и персону свою печальными или ужасными минами показывать, дабы государю тѣмъ больше безпокойства и сомнѣнія придать, а потомъ самого себя только къ правленію или успокоенію того дѣла рекомендовать и что уже будто бы въ томъ иному никому повѣрить не возможно, или по крайней мѣрѣ, такія мудрости и затрудненія въ томъ дѣлѣ показать, что иной никто того сдѣлать, и исправить не можетъ, или просто сказать обманщикомъ въ томъ состоять, чтобы тѣмъ у государя своего въ кредитъ себя наибольше привести,“—такими поступками, писалъ Волынскій, конечно, можно сдѣлать, что государь станетъ думать: „да кому жь мнѣ повѣрить стало, когда ни въ комъ другомъ вѣрности и радѣнія нѣтъ?“ Но такъ поступаютъ „безсовѣстные льстецы, нерадѣтели добра и безполезные отечеству своему тунеядцы“.

Объясненіе это Волынскій прочелъ пріятелю своему, хотя и много страдавшему отъ его насмѣшекъ, Чер-

касскому. Тотъ съ обыкновенною своею флегмою сказалъ: „остро очень написано“. Но другіе смотрѣли на это менѣе хладнокровно: друзья его совѣтовали сжечь это объясненіе и всѣ единогласно говорили, что въ немъ представленъ злой портретъ Остермана. Волынскій однакожъ подалъ свою записку государынѣ, и когда та спросила его, кого онъ въ ней изображалъ, отвѣтилъ безъ околичностей.—Остермана.

Это крайне не понравилось императрицѣ; она нашла, что Волынскій осмѣливается какъ будто подавать ей совѣты; не поправилось это еще болѣе Бирону, который чувствовалъ, что и онъ подразумѣвается за Остерманомъ; не понравилось это очень многимъ другимъ, которые привыкли держаться и дорожить не добрымъ о нихъ мнѣніемъ націи, а расположеніемъ сильныхъ фаворитовъ, словомъ, весь дворъ отвернулся отъ Волынскаго, такъ что сколько этотъ послѣдній ни былъ самонадѣянъ, какъ ни считалъ онъ себя необходимымъ, но и онъ смутился, тѣмъ болѣе, что, какъ его предупреждали, за нимъ и за его обыкновенными посѣтителями стали присматривать и подслушивать.

Однакожъ дѣло это прошло безъ особенныхъ послѣдствій, а въ теченіе наступившей зимы ему дано было порученіе, которое, казалось, вполнѣ возстановляло его придворный кредитъ. Порученіе это состояло въ обязанности устроить, надѣлавшую въ свое время много шума, такъ-называемую „дурацкую свадьбу“.

Хотя, какъ выше сказано, дворъ Анны Іоанновны отличался отъ предшествующихъ нѣкоторою чинностію, тѣмъ не менѣе въ немъ еще обнаруживались грубыя замашки, достойныя временъ Петра I, и возмутительное презрѣніе къ личности человѣка. Было уже замѣчено, что одинъ изъ князей Голицыныхъ, за при-

нятіе имъ католической религіи, сдѣланъ былъ придворнымъ шутомъ: этотъ-то Голицынъ, по прозванію *Квасникъ*, и былъ героемъ „дурацкой свадьбы“. Этого пятидесятилѣтняго шута женили на придворной калмычкѣ, по фамиліи Буженіновой; свадьба ихъ должна была праздноваться въ „Ледяномъ домѣ“ и сопровождаться весьма оригинальнымъ маскарадомъ.

Для этого маскарада выписаны были изъ всѣхъ концовъ Россіи по мужскому и женскому экземпляру всѣхъ племенъ и народовъ; что же касается до Ледянаго дома, то онъ былъ построенъ между дворцомъ и адмиралтействомъ изъ большихъ, правильно отесанныхъ кусковъ льда, съ ледяною же крышей, поломъ, окнами и дверьми. Вся мебель внутри дома, колонны у подъѣзда, дельфины и пушки поставленныя у воротъ, самыя ворота и баня, и наконецъ, огромный слонъ поставленный возлѣ дома, все было сдѣлано изо льда.

Всею этою оригинальною затѣей управлялъ расторопный, смѣтливый Волынскій. Ему хотѣлось, чтобы на предстоящемъ праздникѣ были произнесены, по тогдашнему обычаю, приличные стихи, и вотъ онъ вспомнилъ, что существуетъ на бѣломъ свѣтѣ нѣкій пінта, Тредьяковскій... Есть извѣстіе, что Петръ, будучи въ Архангельскѣ, посѣтилъ школу, въ которой учился бущій пінта и потребовалъ, чтобъ ему показали лучшаго ученика: ему показали Тредьяковскаго. Государь быстро взглянулъ ему въ глаза и сказалъ: „Вѣчный труженикъ, а мастеромъ никогда не будетъ.“ Такъ и случилось. Этотъ трудолюбивѣйшій человѣкъ всю жизнь свою учился, всю жизнь свою писалъ и не составилъ себѣ репутаціи ученаго, литературными же своими трудами доказалъ только то, по замѣчанію Карамзина, „что не имѣлъ спо-

собности писать". По всѣмъ этимъ причинамъ онъ былъ бы забытъ, какъ милліоны обыкновенныхъ людей, не оставляющихъ въ мірѣ слѣда; но съ нимъ случилось хуже: онъ оставилъ память бездарнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, завистливаго писаки, низкопоклонника, льстеца, неудачнаго пройдохи и въ то же время ядовитаго клеветника и доносчика, унизившаго, въ свое время, званіе писателя въ Россіи.

Въ шутовской свадьбѣ ему пришлось, впрочемъ, играть болѣе жалкую, чѣмъ презрѣнную роль. Волынскій потребовалъ его къ себѣ, какъ человѣка всегда расположеннаго прославлять, что̀ будетъ приказано. Тредьяковскій явился; но случилось, что горячій кабинетъ-министръ былъ не въ духѣ и отхлопалъ несчастнаго пінту по щекамъ; тотъ на другой день отправился жаловаться герцогу Курляндскому; но на бѣду, здѣсь его встрѣтилъ Волынскій и, не допустивъ до Бирона, выпроводилъ его толчками и оплеухами (а Бирон жилъ во дворцѣ) и отправилъ подъ караулъ, гдѣ съ нимъ расправились крайне немилостивымъ образомъ. „Помня однакожь свою должность," Тредьяковскій лежа въ караульнѣ, избитый „твердилъ на изусть стихи, хотя уже и не до стиховъ мнѣ было", писалъ онъ въ поданной имъ по этому случаю челобитной.

Какъ бы то ни было, и стихи, и ледяная постройка были готовы, и маскарадъ совершенно устроенъ. Въ назначенный день самый оригинальный, какой можно вообразить, поѣздъ тянулся по петербургскимъ улицамъ. Впереди всѣхъ ѣхали на слонѣ въ особо устроенной клѣткѣ, молодые; за ними, попарно, шествовалъ маскарадъ, то-есть экземпляры всѣхъ обитающихъ въ Россіи племенъ: Великороссы, Украинцы, Татары, Армяне, Остяки, Самоѣды, Якуты, Камчадалы и т. п.,—всѣ

въ своихъ національныхъ костюмахъ, кто на лошадяхъ, кто на быкахъ, кто на оленяхъ, кто на собакахъ, козлахъ и даже свиньяхъ. Объѣхавши городъ при безчисленномъ стеченіи народа, маскарадъ остановился у двора герцога Курляндскаго, гдѣ, въ манежѣ, былъ приготовленъ обѣдъ. Тутъ же была императрица и весь дворъ; тутъ же избитый, но вѣрный своему вдохновенію, Тредьяковскій произнесъ вирши, которыя начинались слѣдующимъ образомъ:

Здравствуйте, женившись, дуракъ и дура
Еще... тота и фигура!
Теперь то прямое время вамъ повеселиться,
Теперь то всячески поѣзжанамъ должно бѣситься.
Квасникъ дуракъ и Буженинова
Сошлись любовно...

Вирши Тредьяковскаго довольно длинны и также плохи въ концѣ какъ и въ началѣ... Но обѣдъ кончился и весь поѣздъ отправился къ дому новобрачныхъ, къ Ледяному дому. Онъ представлялъ въ высшей степени оригинальное и красивое зрѣлище. Ледяныя пушки, поставленныя у воротъ, палили, дельфины извергали горящую нефть, слонъ пускалъ хоботомъ фонтанъ; домъ горѣлъ изнутри множествомъ льдяныхъ, намазанныхъ нефтью, свѣчей.

Новобрачные были оставлены въ этомъ странномъ жилищѣ на сутки.

Императрица была очень довольна этимъ праздникомъ, а слѣдовательно и его главнымъ распорядителемъ, который нѣсколько дней спустя, по случаю празднованія мира съ Турціей, получилъ 20.000 рублей. Но въ это же время случилось обстоятельство, окончательно его погубившее. Въ кабинетѣ обсуждалось требованіе польскаго правительства о вознагражденіи

за убытки, причиненные польскимъ помѣщикамъ движеніемъ Миниховой арміи при слѣдованіи ея къ Днѣстру и обратно. Волынскій находилъ эти требованія неумѣренными и сказалъ, что онъ на нихъ не имѣетъ причины согласиться, „не будучи ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ этой республики.“ Слова эти Бирономъ принялъ на свой счетъ *, и въ тотъ же день подалъ императрицѣ записку, въ которой упоминалъ о дракѣ, затѣянной Волынскимъ во дворцѣ, о дерзости, съ какою онъ осмѣливался давать государынѣ совѣты и унижать преданныхъ ей людей; въ заключеніе онъ просилъ, чтобы было потребовано объясненіе, кто это люди, о которыхъ Волынскій такъ рѣзко отзывался въ своей запискѣ, и чтобы „собственныя его дѣла и порученные ему департаменты разсмотрѣны были и экзаменованы,“ такъ какъ на нихъ тратятся большія суммы, а пользы большой не видать. Подавая государынѣ эту записку, Бирономъ сказалъ: „либо ему быть, либо мнѣ.“ Колебанія, разумѣется, въ выборѣ не могло быть, тѣмъ болѣе что противъ Волынскаго сильно, хотя тайно, дѣйствовалъ Остерманъ. Надъ Волынскимъ назначено было слѣдствіе.

Что же открыло это слѣдствіе? Оно открыло, что Волынскій дозволялъ себѣ незаконные источники доходовъ,— но эта мелочь, о которой въ состоявшемся надъ преступникомъ приговорѣ вовсе и не упомянуто. Затѣмъ не открыто ничего, стóящаго вниманія по нашимъ понятіямъ, а по тогдашнимъ—довольно, чтобъ осудить Волынскаго на смерть. Слѣдствіе открыло, что онъ былъ самонадѣянъ; что считалъ себя умнѣе и способнѣе всѣхъ

---

* Въ качествѣ Курляндскаго герцога, онъ былъ вассаломъ Польши;

министровъ и совѣтниковъ государыни, которыхъ вообще презиралъ; что онъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ происхожденіи, считая одного изъ своихъ предковъ въ родствѣ съ Дмитріемъ Донскимъ; что онъ читалъ иностранныя книги, нѣкоторыя мѣста которыхъ можно, произвольно толкуя, примѣнить къ тогдашнему русскому правительству. Открыто было также, что президентъ коммерцъ-коллегіи Мусинъ-Пушкинъ, совѣтникъ Хрущевъ, генералъ кригсъ-коммиссаръ Соймоновъ, кабинетъ-секретарь Эйхлеръ, архитекторъ (бауинтендантъ) и очень образованный человѣкъ Еропкинъ, и секретарь Суда часто бывали у Волынскаго, разсуждали съ нимъ о дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ, читали сочиненія, касавшіяся этихъ предметовъ, и въ бесѣдахъ своихъ неосторожно говорили о современныхъ дѣлахъ: вотъ и все... Волынскій, самонадѣянный по природѣ, сначала принялъ это слѣдствіе почти за шутку, подтрунивалъ надъ своими слѣдователями и тѣмъ раздражалъ ихъ; потомъ, увидѣвъ, что дѣло, изподтишка направляемое Остерманомъ, принимаетъ очень серіозный оборотъ, вдругъ упалъ духомъ, плакалъ, молилъ, унижался: ничто не помогало. Пытанный, съ вывихнутою рукою, недавній кабинетъ-министръ былъ возведенъ на эшафотъ, сначала ему была отсѣчена правая рука, потомъ голова. Послѣ Волынскаго обезглавлены Хрущовъ и Еропкинъ; Соймоновъ и Эйхлеръ биты кнутомъ, Суда — плетьми, а Мусину-Пушкину урѣзанъ языкъ и всѣ отправлены въ ссылку.

Эта казнь совершилась 27-го іюня 1740 года: печальное празднованіе Полтавской годовщины!...

Мы не станемъ разбирать процесса Волынскаго ни съ юридической точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія нравственности, но приведемъ слѣдующія безсмертныя сло-

ва Екатерины II, которыя она написала, разсмотрѣвъ это дѣло.

„Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру, Артемію Волынскому, приказывала сочинить проектъ о понравленіи внутреннихъ дѣлъ, который онъ сочинилъ и ей подалъ; осталось ей полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ, его злодѣи, кому его проектъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосъ, такъ сказать, и взвели на Волынскаго измѣнническій умыселъ, будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ того дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныхъ рѣчей, ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные (свидѣтели и соучастники Волынскаго) утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно какъ роду человѣческому пришло на умъ, лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровью! Всякій пытанной—въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. И такъ, отдаю на разсужденіе всякому, имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброй совѣсти полагаться? Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ понравленіямъ своего отечества. Итакъ, смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ. И хотя бы онъ и заподлинно произносилъ тѣ слова въ пареканіе особѣ императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, то бы она, бывъ государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у ней не отнимали ни на вершокъ величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякій государь имѣетъ неисчисленные кроткіе способы къ удержанію почтенья своихъ подданныхъ. Еслибъ Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ; я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истинный, а еслибъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я бъ ему сказала, или дала разумѣть, не огорчая его: будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ. Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ. А если изъ васъ кто,

мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ съ уничтоженіемъ, такъ ему болѣе въ свѣтѣ и особливо въ Россійскомъ, счастія желать, нежели пророчествовать можно.“

Казнь Волынскаго и его друзей была послѣднимъ ударомъ нанесеннымъ русской партіи при императрицѣ Аннѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ послѣднихъ актовъ ея царствованія; она скончалась менѣе чѣмъ черезъ четыре мѣсяца послѣ этого кроваваго происшествія, преслѣдуемая, если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, тяжкими мыслями о судьбѣ Волынскаго и,—что̀ несомнѣнно,—не заслуживъ любви народной.

Между тѣмъ эта государыня была достойна по своимъ личнымъ качествамъ лучшей участи. Къ сожалѣнію, не обладая, подобно Екатеринѣ II, высокими способностями, необходимыми для главы государства, особенно самодержавнаго, она имѣла несчастіе ввѣриться человѣку, который, для того чтобъ ярче выставить свою къ ней преданность и по совершенному незнанію Россіи, старался безпрестанно внушать ей недовѣріе къ подданнымъ и на каждомъ шагу противопоставлялъ интересъ государя интересамъ государства и народа.

ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА III.*

Принцъ Антонъ-Ульрихъ.—Бракосочетаніе его.—Болѣзнь императрицы.—Назначеніе наслѣдника.—Вопросъ о регентствѣ.—Назначеніе Бирона регентомъ.—Смерть императрицы (1740).—Заговоръ графъ Головкина.—Отношенія къ Бирону родителей государя.—Минихъ принимаетъ сторону послѣднихъ.—Арестованіе Бирона.—Анна Леопольдовна принимаетъ правленіе.—Положеніе, которое Минихъ хотѣлъ принять при новомъ правительствѣ.—Судъ надъ Бирономъ.—Вражда Миниха съ Остерманомъ и удаленіе отъ дѣлъ перваго изъ нихъ.—Положеніе Россіи въ дѣлахъ европейской политики.—Характеристическая черта правленія Анны Леопольдовны.

Выше было сказано о прибытіи въ Россію принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, предназначеннаго въ супруги императрицыной племянницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Принцъ этотъ былъ юноша некрасивый собою, не блестящій, скромный, даже робкій. Онъ не понравился ни императрицѣ, ни принцессѣ; но такъ какъ мы въ это время старались дѣлать всевозможныя угожденія цесарскому двору, съ которымъ принцъ Антонъ былъ въ родствѣ, то этому послѣднему дали приличное содержаніе и оставили въ Россіи до совершеннолѣтія его невѣсты.

---

* Іоаннъ Антоновичъ считается *третьимъ* въ ряду царей русскихъ, изъ коихъ первымъ былъ Іоаннъ Грозный.

Дѣла бѣднаго принца были однакожь не въ блестящемъ положеніи. Императрица и ея племянница не обращали на него большаго вниманія; содержаніе, которое онъ получалъ, было достаточно чтобы доставить ему при дворѣ положеніе приличное для частнаго, холостаго человѣка, но не для будущаго члена царскаго семейства. Вокругъ него толпились люди, которые совершенно затмѣвали его и личными своими свойствами, и своимъ положеніемъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ саксонскій посланникъ графъ Линаръ, молодой, блестящій прекрасный собою дипломатъ, воспитанный въ преданіяхъ германскаго Версаля—Дрездена;—и сердце принцессы, вопреки политическимъ соображеніямъ, очевидно склонялось на сторону красиваго Саксонца.

Съ своей стороны, Бирон, считая себя не въ шутку Курляндскимъ герцогомъ, соображалъ что его сынъ, наслѣдный герцогъ, ничѣмъ не хуже партія для Анны Леопольдовны, чѣмъ принцъ Брауншвейгскій, и замѣчая что она очень равнодушна къ своему жениху, старался обратить ея вниманіе на своего сына.

Судьба однакожь еще улыбалась принцу Антону, или, справедливѣе, она играла съ нимъ. Свадьба его состоялась лѣтомъ 1739 года, и черезъ годъ съ небольшимъ у него родился сынъ который былъ названъ Іоанномъ. Болѣе счастливаго ничего, казалось, не могъ бы придумать для себя самъ принцъ. Корона русская не могла, по всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ, миновать его супруги или его сына,—а быть отцомъ императора или супругомъ императрицы—положеніе завидное для человѣка, шесть лѣтъ содержавшагося пенсіей посторонняго двора.

Съ начала 1740 года здоровье императрицы Анны начало сильно разстраиваться. Не взирая на ея муже-

ственный, даже слишкомъ мужественный видъ, на ея высокій станъ, широкія плечи и зычный голосъ, она издавна имѣла страданія, которыя, усиливаясь съ лѣтами, сдѣлались наконецъ опасными. Цѣлое лѣто 1740 года она провела въ Петергофѣ, постоянно принимая лѣкарства; по возвращеніи же въ Петербургъ, осенью, къ ея болѣзнямъ присоединилась безсонница, и силы ея стали видимо угасать. 5-го октября съ ней случился столь сильный припадокъ рвоты, что Бирономъ, постоянно находившійся при ней, немедленно послалъ за кабинетъ-министрами, за Минихомъ и за Левенвольдомъ. Припадокъ этотъ миновался благополучно, но императрица и сама видѣла что ей жить не долго.

Престолонаслѣдіе—эта причина столькихъ смутъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія—не было опредѣлено и теперь. Императрица приблизила къ себѣ свою племянницу, и всѣ знали что она намѣрена утвердить престолъ въ линіи царя Іоанна, отца своего, но принцессу ли Анну изберетъ она, или младенца Іоанна Антоновича, было еще не рѣшено, и никто не осмѣливался напоминать ей о необходимости рѣшить этотъ важный вопросъ. Когда же съ нею приключился припадокъ, о которомъ выше сказано, то Остерманъ, спрошенный что̀ дѣлать и какъ быть, отвѣчалъ: немедленно назначить наслѣдника, и указалъ на принца Іоанна.

Этотъ выборъ согласовался съ намѣреніями самой императрицы, которая, по рожденіи маленькаго принца, взяла его въ свои собственные покои и оказывала ему самую нѣжную заботливость, племянницу же свою не считала способною управлять государствомъ, какъ женщину крайне безпечную, лѣнивую и никогда не имѣвшую ни случая, ни желанія ознакомиться съ дѣлами правленія. Поэтому, о назначеніи наслѣдникомъ Іоанна

Антоновича, названнаго великимъ княземъ, былъ изданъ манифестъ. Но младенецъ императоръ не могъ править самъ: кому же до его совершеннолѣтія править государствомъ? Рѣшеніе этого вопроса сильно тревожило императрицу.

Это тревожило и озабочивало и не ее одну. Принцесса Анна была увѣрена, что она будетъ назначена правительницею; это казалось ей неотъемлемымъ ея правомъ, какъ матери императора и какъ его естественной опекунши. Но и Бирон, съ своей стороны, полагалъ, что всего приличнѣе быть регентомъ ему; принцесса, по своей природной безпечности, не принимала никакихъ мѣръ чтобы достигнуть осуществленія своихъ желаній; Бирон, напротивъ того, приводилъ въ дѣйствіе всевозможныя пружины и первымъ его наперсникомъ и радѣтелемъ въ этомъ дѣлу былъ новый кабинетъ-министръ, назначенный послѣ казни Волынскаго, Бестужевъ-Рюминъ, къ которому не замедлилъ присоединиться и его товарищъ по кабинету, князь Черкасскій.

Когда, какъ выше сказано, во время случившагося съ императрицею припадка, Бирон пригласилъ къ себѣ преданныхъ ему сановниковъ, Бестужевъ предупреждалъ прибывающихъ о томъ, что̀ будетъ съ нимъ говорить герцогъ и какого отвѣта онъ отъ нихъ желаетъ. Никто не рѣшался возражать, не зная, встрѣтитъ ли поддержку, и всѣ, одинъ за другимъ, безмолвно соглашались. Видя это, Бестужевъ подошелъ къ герцогу и громко сказалъ: „Кромѣ вашей свѣтлости некому быть регентомъ.“

Сановники соглашались; но согласится ли императрица?.. На слѣдующее утро опять послали за сановниками, собрали генералитетъ. Бестужевъ дѣйствовалъ

точно также какъ наканунѣ; Черкасскій усердно помогалъ ему, вслѣдствіе чего нельзя было сомнѣваться въ согласіи присутствовавшихъ. Какъ только вышелъ Бирономъ изъ покоевъ императрицы, къ нему обратились съ просьбою принять на себя „бремя правленія.“ Тутъ начала разыгрываться самая презрѣнная комедія: Бирономъ отказывался отъ званія, котораго желалъ больше всего на свѣтѣ; Минихъ, Левенвольдъ, Черкасскій и другіе присутствовавшіе убѣждали его уступить ихъ просьбамъ во вниманіе къ общему желанію и къ благу страны, сдѣлавшейся, по ихъ словамъ, его вторымъ отечествомъ. Не рѣшаясь еще сбросить маску, герцогъ вышелъ чтобы навѣстить больную императрицу, а Бестужевъ, Черкасскій, Левенвольдъ и Минихъ занялись вербованіемъ въ свою партію другихъ постепенно прибывавшихъ лицъ,—Ушакова, князей Куракина, Трубецкаго и пр. Бирономъ опять показался къ нимъ, чтобъ выслушать ихъ просьбы, и опять скрылся. Но дѣло подвигалось недостаточно скоро для Бирона, и не для него одного. Гофмаршалъ брауншвейгскаго двора, Менгденъ, выразилъ это очень наивно.

—„Если герцогъ регентомъ не будетъ,—говорилъ онъ, подбѣгая то къ тому, то къ другому изъ своихъ пріятелей,—то мы, Нѣмцы, всѣ пропадемъ!“

Тогда Бестужевъ и Минихъ придумали составить адресъ или „опредѣленіе“, которымъ какъ бы выражалось общее всей Россіи желаніе о назначеніи регентомъ Бирона, которое они положили поднести императрицѣ. Въ короткое время набралось нѣсколько десятковъ подписей.

Составленный такимъ образомъ актъ былъ прочтенъ Бирону, который безпрестанно выбѣгалъ изъ императрицыной опочивальни. Видя что во дворцѣ набралось

уже довольно значительное число лицъ, онъ доложилъ о нихъ государынѣ. Она приказала впустить къ себѣ нѣсколькихъ; въ числѣ ихъ введены были Бестужевъ и Минихъ: можно вообразить что̀, о чемъ и въ чью пользу они говорили. Дѣйствительно, фельдмаршалъ настойчиво повторялъ: „Всемилостивѣйшая государыня! мы согласились, чтобы герцогу быть нашимъ регентомъ и просимъ о томъ всеподданнѣйше.“

Императрица молча слушала эти убѣжденія, приняла адресъ, или опредѣленіе, и положила его подъ подушку, сказавъ: „хорошо, я посмотрю“.

Дни проходили, императрица не выражала никакого рѣшенія относительно вопроса о регентствѣ, а болѣзнь ея признана была смертельною и силы ея видимо угасали. Тогда было рѣшено усилить дозу всеобщаго будто бы расположенія къ Бирону, и составить новый адресъ („позитивную декларацію“) за подписью уже не нѣсколькихъ сановниковъ, а всего генералитета, Сената и Синода, что̀ въ понятіяхъ того времени было равнозначаще волѣ всей націи. И этотъ адресъ былъ представленъ больной императрицѣ. Встревоженный ея апатіей, фаворитъ рѣшился на послѣднее средство и, сдѣлавшись самъ собственнымъ своимъ адвокатомъ, началъ за себя ходатайствовать. Выслушавъ его, государыня грустно покачала головою и сказала:

—„Жаль мнѣ тебя, герцогъ; ты самъ стремишься къ своей гибели“!

Слова пророческія и оправдавшіяся весьма скоро!..

Между тѣмъ, уступая всѣмъ этимъ настояніямъ, Анна Іоанновна приказала позвать къ себѣ Остермана,—рѣшителя всѣхъ затруднительныхъ вопросовъ. Дряхлаго канцлера, страдавшаго подагрой, вкатили въ креслахъ; онъ не могъ ходить, но голова его была

свѣжа, какъ и всегда. Не присутствуя ни на одномъ совѣщаніи, не выходя изъ дома, онъ зналъ все, что говорилось и даже замышлялось, и отвѣтъ у него былъ готовъ на всякій вопросъ, на всякую случайность. Императрица спросила у него, что онъ думаетъ о регентствѣ: онъ назвалъ Бирона. Тогда она вынула изъ-подъ подушки составленное десять дней тому назадъ опредѣленіе и подписала его, едва имѣя достаточно силы, чтобы держать перо въ рукѣ.

Торжествующій Бирон вышелъ къ сановникамъ, толпившимся въ смежныхъ залахъ, и сказалъ имъ: „Господа, вы поступили какъ истинные Римляне!“

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ подписанія духовнаго завѣщанія, государыня скончалась (17-го октября 1740 года).

Тогда Бирон велѣлъ торжественно вскрыть ея духовное завѣщаніе и прочесть его собравшимся сановникамъ; они услышали лишь извѣстное уже имъ распоряженіе, но Россія не безъ удивленія, конечно, узнала что человѣкъ, которому голосъ народа приписывалъ все дурное, совершенное въ предшествующее царствованіе, сдѣлался ея правителемъ и при томъ съ правомъ, „ежели будетъ усмотрѣно о ненадежномъ наслѣдствѣ“, избрать „сукцессора“!..

И сдѣлался Бирон регентомъ Русской Имперіи!

Бирон очень хорошо зналъ, не взирая на окружавшихъ его льстецовъ, какія чувства питаетъ къ нему русская нація и потому онъ поспѣшилъ издать манифестъ, которымъ податныя сословія освобождались на четыре мѣсяца отъ платы податей. Въ то же время онъ однакожь распорядился придвинуть къ Петербургу нѣсколько армейскихъ полковъ; полки же гвардейскіе, Преображенскій и Семеновскій, состоявшіе преимущественно

изъ дворянъ (въ Измайловскомъ и Конногвардейскомъ были по большей части остзейскіе Нѣмцы), вознамѣрился преобразовать, отправивъ въ армію офицерами солдатъ, а вмѣсто нихъ набрать солдатъ изъ простолюдиновъ. Подозрительный еще болѣе чѣмъ прежде, онъ усилилъ шпіонство, и его приближенные,—Бестужевъ, Бисмаркъ, Альбрехтъ, были обязаны прислушиваться къ тому что̀ говорится въ обществѣ, наблюдать какъ смотритъ на улицѣ народъ, и доносить ему.

Недовѣрчивость его была, конечно, не безъ основанія. Онъ могъ задобрить нѣсколькихъ честолюбцевъ, застращать или обмануть нѣсколько десятковъ человѣкъ, но этого было недостаточно, чтобъ упрочить его положеніе. Признаки общественнаго неудовольствія не замедлили обнаружиться. Графъ Головкинъ, сынъ бывшаго канцлера, болѣе самостоятельный нежели его отецъ, еще при жизни императрицы не скрывалъ своего нерасположенія къ фавориту и можетъ быть одинъ во всемъ Петербургѣ не стѣсняясь выражалъ о немъ свое мнѣніе. Вѣроятно никому другому это и не сошло бы съ рукъ, но Головкинъ былъ женатъ на княжнѣ Ромодановской, которой императрица была двоюродною сестрой. Естественно, что вся презрѣнная комедія, разыгравшаяся вокругъ постели умирающей Анны Іоанновны, приличеніе Русскихъ къ Римлянамъ и пр., были толкуемы въ домѣ Головкина многочисленными его друзьями не въ одобрительномъ тонѣ, когда же сдѣлалось извѣстно о назначеніи Бирона регентомъ, то друзья Головкина большей частію, офицеры гвардіи пришли въ негодованіе и рѣшились сдѣлать демонстрацію, подобную той, которая десять лѣтъ тому назадъ была сдѣлана дворянствомъ противъ Верховнаго Тайнаго Совѣта,—а именно, отправиться въ большомъ числѣ

къ принцессѣ Аннѣ и просить ее принять правленіе государствомъ. Для успѣха этого предположенія необходимо было сочувствіе и даже дѣятельная помощь нѣсколькихъ знатныхъ людей, какими въ 1730 году были князья Трубецкой, Черкасскій и мн. др. Но Головкинъ не могъ, по болѣзни, быть непосредственно полезнымъ друзьямъ своимъ, по этому имъ посовѣтывали обратиться къ тому же Черкасскому, не зная видно, въ какихъ отношеніяхъ вице-канцлеръ находился къ Бирону. Съ этою цѣлію нѣкто подполковникъ Пустошкинъ, явясь къ князю Черкасскому, объяснилъ ему предположенія своихъ единомышленниковъ и просилъ его быть, какъ и въ 1730 году, руководителемъ замышляемаго дѣла. Но Черкасскій не расположенъ былъ теперь становиться въ рискованное положеніе и весь розговоръ свой съ Пустошкинымъ поспѣшилъ передать Бирону.

Разумѣется, Пустошкинъ былъ немедленно схваченъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Съ пытки открылъ онъ нѣсколькихъ изъ своихъ единомышленниковъ, которые тоже были взяты и, въ свою очередь, назвали нѣсколькихъ другихъ, при чемъ однакожь (черта очень замѣчательная) никто не назвалъ графа Головкина: всѣ, по безмолвному соглашенію, рѣшились спасти его отъ отвѣтственности.

Между тѣмъ открылось, что въ согласіи съ Пустошкинымъ было много офицеровъ Семеновскаго полка, котораго подполковникомъ былъ принцъ Антонъ, и между прочими, его адъютантъ; что офицеры эти собирались иногда у принца и что онъ самъ выражалъ при нихъ неудовольствіе свое противъ Бирона. Биронъ имѣлъ по этому случаю горячее объясненіе съ принцемъ и далъ ему почувствовать, что хоть онъ и отецъ императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его подданный и

наравнѣ съ прочими обязанъ подчиняться существующему порядку. Бѣдный принцъ доведенъ былъ до того, что отказался и отъ командованія полкомъ и отъ всѣхъ чиновъ и должностей въ русской арміи. Мало этого, Бирономъ послалъ ему сказать, что онъ совѣтуетъ ему не выѣзжать изъ дома въ теченіе нѣсколькихъ дней, потому будто бы, что народъ очень раздраженъ противъ него за его попытки нарушить порядокъ. Такимъ образомъ отецъ императора былъ, можно сказать, арестованъ.

Все это дѣлало положеніе принца невыносимымъ, и въ городѣ стали поговаривать объ оставленіи имъ Россіи; говорили, что Бирономъ, никогда не умѣвшій сдерживать себя, наговорилъ ему самыхъ рѣзкихъ и обидныхъ вещей и доходилъ до того, что грозилъ и сына его лишить престола, а возвести на оный принца Голштинскаго, сына цесаревны Анны Петровны.

Слова, которыя приписываютъ Бирону относительно принца Голштинскаго, не пустые слухи. Еще въ царствованіе императрицы Анны, послѣ того какъ попытка его женить своего сына на принцессѣ Аннѣ, не удалась, онъ сталъ оказывать особое вниманіе Елисаветѣ Петровнѣ. Цесаревна постоянно держалась, какъ мы уже видѣли, вдали отъ всѣхъ придворныхъ партій, не обнаруживала ни малѣйшаго честолюбія и вся была предана удовольствіямъ. Этотъ образъ жизни казался не совсѣмъ приличнымъ Аннѣ Іоанновнѣ, сдѣлавшейся съ лѣтами очень строгою въ отношеніи нравственности; за то, съ другой стороны, онъ вполнѣ успокоивалъ ее, и Бирону, конечно, нетрудно было увѣрить императрицу, что вниманіе его къ цесаревнѣ имѣетъ цѣлію собственный ея, государыни, интересъ; между

тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что втайнѣ онъ надѣялся женить на ней своего сына.

Сдѣлавшись регентомъ, Биронъ увеличилъ содержаніе цесаревны и былъ вообще въ отношеніи къ ней такъ предупредителенъ и любезенъ, что это начинало озабочивать нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые связали судьбу свою съ его судьбою. Они припомнили, какіе виды молва приписывала Бирону еще за годъ предъ тѣмъ на цесаревну, и стали опасаться, не замышляетъ ли онъ и прямь нарушить завѣщаніе покойной государыни въ пользу Елисаветы Петровны или принца Голштинскаго, находя болѣе выгоднымъ сдѣлаться родственникомъ и опорою единственныхъ потомковъ Петра Великаго, нежели поддерживать Брауншвейгскую фамилію.

Весьма сильно опасался подобнаго поворота въ политикѣ регента Минихъ, постоянно наговаривавшій покойной императрицѣ на цесаревну и окружавшій эти послѣднюю едва скрываемыми соглядатаями. Чтобъ узнать истинные виды Бирона, онъ однажды шепнулъ ему, что цесаревна часто и тайно видится съ посланникомъ французскаго двора, который былъ съ нашимъ издавна не въ дружелюбныхъ отношеніяхъ; Биронъ выслушалъ это извѣстіе довольно равнодушно, и это равнодушіе всегда подозрительнаго регента утвердило Миниха въ его подозрѣніяхъ. Тогда этотъ послѣдній рѣшился сдѣлаться для потомства царя Іоанна тѣмъ же, чѣмъ Биронъ замышлялъ повидимому сдѣлаться для Петрова потомства.

Минихъ былъ въ нѣсколько щекотливыхъ отношеніяхъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ; она могла негодовать на него за его старанія въ пользу Бироня:—онъ поспѣшилъ загладить этотъ проступокъ предъ ней усиленными ласкательствами; при томъ родной его братъ

былъ гофмаршаломъ и близкимъ человѣкомъ при Брауншвейгскомъ дворѣ, а сынъ его былъ женатъ на сестрѣ ближайшей фаворитки и искренняго друга принцессы, баронессы Юліи Менгденъ. Это были готовые, открытые пути для фельдмаршала къ Брауншвейгскому, двору, и онъ сталъ являться туда ежедневно.

Мѣсяцъ спустя послѣ горячихъ своихъ стараній въ пользу Бирона, именно 8-го ноября, Минихъ сѣдѣлъ у принцессы. Она жаловалась на регента; онъ, усиливая ея негодованіе, настойчиво доказывалъ, что ни ей, ни ея супругу не можетъ быть безопасности пока Биронъ правитъ государствомъ.

„— Но какъ же, замѣтила робкая женщина, сдѣлать, чтобъ онъ не былъ регентомъ?“

— „Скажите одно слово, воскликнулъ фельдмаршалъ, и я приведу къ вашимъ ногамъ Курляндскаго герцога арестованнымъ“.

Принцесса конечно сказала что это было бы верхомъ ея желаній и что она готова сдѣлать для этого все что отъ нея зависитъ.

— „Въ такомъ случаѣ, воскликнулъ пылкій Минихъ, я вамъ дамъ нѣсколько надежныхъ офицеровъ и солдатъ: идите съ ними и захватите регента въ его собственномъ домѣ“.

Такой рѣшительный поступокъ былъ не по силамъ принцессѣ; она смутилась, начала отказываться и предоставила дѣйствовать Миниху, согласясь только принять офицеровъ, которые будутъ выбраны для арестованія Бирона и сказать имъ нѣсколько ободрительныхъ словъ. Рѣшено было привести въ исполненіе это отважное дѣло въ наступающую же ночь.

Вышеприведенный разговоръ происходилъ утромъ. Минихъ обѣдалъ у Бирона въ этотъ день и провелъ у

него часть вечера. Говорятъ, герцогъ все время казался озабоченнымъ. Между прочимъ онъ прервалъ какой-то разсказъ Миниховъ неожиданнымъ вопросомъ:

— „Случалось ли вамъ, графъ, дѣлать ночныя экспедиціи?“

Смущенный на минуту этимъ вопросомъ, который могъ казаться намекомъ на замыселъ Миниха, этотъ послѣдній однакожь скоро оправился и, не возбудивъ никакого подозрѣнія, уѣхалъ отъ Бирона. Въ два часа ночи онъ велѣлъ разбудить своего адъютанта, Манштейна, * и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Зимній Дворецъ. Одинъ изъ входовъ этого зданія былъ нарочно оставленъ не запертымъ; Минихъ вступилъ во дворецъ, прошелъ къ комнатѣ Юліи Менгденъ и просилъ ее разбудить принцессу, а Манштейну поручилъ пригласить офицеровъ дворцоваго караула, бывшаго въ тотъ день отъ Преображенскаго полка.

Явились удивленные офицеры; вышла взволнованная принцесса и объявила имъ что фельдмаршалъ поведетъ ихъ для арестованія ненавистнаго всѣмъ Бирона, что ихъ дѣло не останется безъ награды, что благо императора и отечества отъ этого зависитъ, а въ заключеніе, она дала имъ поцѣловать свою руки и обняла Миниха.

Регентъ жилъ въ Лѣтнемъ Дворцѣ, гдѣ скончалась покойная императрица, еще не преданная землѣ. Остановивши свой отрядъ въ нѣкоторомъ разстояніи, Минихъ послалъ за офицерами караула, который охранялъ Бирона и съ первыхъ же словъ получилъ обѣщаніе, что они не станутъ препятствовать его намѣ-

---

* Оставившаго чрезвычайно любопытныя записки объ эпохѣ 1730—41 года.

реніямъ. Тогда Манштейнъ съ нѣсколькими гренадерами отправился въ покои регента; ни одинъ часовой не остановилъ ихъ, и черезъ нѣсколько минутъ Манштейнъ былъ въ спальнѣ герцога. Услышавъ шумъ, этотъ послѣдній кинулся было подъ кровать, но дюжіе гренадеры вытащили его оттуда; не давъ ему даже времени одѣться, они накинули ему на плеча тулупъ и привели къ фельдмаршалу, который, посадивъ его въ свои сани, примчалъ къ принцессѣ, а оттуда его отправили вечеромъ въ Шлиссельбургъ,

Въ ту же ночь арестованы были два брата регента, жена его, дѣти и Бестужевъ; всѣ они немедленно были отправлены въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Молніей пролетѣла по Петербургу вѣсть о низложеніи ненавистнаго временщика. Ничто не даетъ намъ лучшаго понятія о впечатлѣніи, которое произвело это происшествіе, какъ слѣдующій разсказъ одного современника, князя Шаховскаго.

„Я поздо въ оную ночь (съ 8-го на 9-е ноября) заснулъ; но еще прежде разсвѣту пріѣзжимъ ко мнѣ полицейскимъ офицеромъ былъ разбужденъ, который мнѣ объявилъ, что во дворцѣ теперь множество людей съѣзжаются, гвардіи полки туда же идутъ и что принцесса Анна мать малолѣтняго наслѣдника (Императора?) приняла правленіе государственное, а регентъ, герцогъ Бирон, съ своею фамиліею и кабинетъ-министръ графъ Бестужевъ, взяты фельдмаршаломъ Минихомъ подъ караулъ, и въ особливыхъ мѣстахъ порознь посажены.—И такъ спѣшно одѣвся и ко дворцу пріѣхавъ, увидѣлъ множество разнаго званія военныхъ и градскихъ жителей, въ безчисленныхъ толпахъ окружающихъ дворецъ, такъ что карета моя, до крыльца не возмогши проѣхать, далеко остановилась, а я, выскоча изъ оной, съ однимъ провожающимъ моей команды офицеромъ, спѣшно продирался сквозь людей на крыльцо, гдѣ былъ великій шумъ и громкіе разговоры между онымъ народомъ: но я того не внимая, бѣжалъ вверхъ по лѣстницамъ въ палаты, и какъ начала, такъ и окончанія, кто былъ въ такомъ великомъ и рѣдкомъ дѣлѣ начинателемъ, и кто производитель и испол-

нитель, не зная, не могъ себѣ въ смыслъ вообразить, куда мнѣ далѣе идти и какъ и къ кому пристать. Чего ради слѣдовалъ за другими, туда жь спѣшно меня обѣгающими. Но большею частію гвардіи офицеры съ унтеръ-офицерами и солдатами, толпами смѣшиваясь, смѣло, въ веселыхъ видахъ и не уступая никому мѣста, ходили; по чему я вообразить могъ, что сіи то были производители онаго дѣла."

Великой княгинѣ * поднесено прошеніе о принятіи регентства; духовенство отслужило благодарственный молебенъ и привело присутствующихъ къ присягѣ; за тѣмъ гвардіи офицеры и сержанты были отправлены во всѣ концы Россіи съ извѣщеніемъ о происшедшей перемѣнѣ.

Въ то же время происходила очень оригинальная сцена. Фельдмаршалъ, возвратясь домой изъ своей ночной экспедиціи, велѣлъ немедленно позвать къ себѣ своего свата, барона Менгдена, и сына, и эти три человѣка принялись рѣшать между собою: какъ и чему быть, и какъ что̀ устроить.—Надо просить, рѣшили они, чтобы великая княгиня приняла орденъ св. Андрея. Минихъ-сынъ, взявши листъ бумагъ, записалъ это. „Во уваженіе важной заслуги, оказанной фельдмаршаломъ графомъ фонъ-Минихомъ,—произнесъ, диктуя, фельдмаршалъ,—пожаловать его генералиссимусомъ"... ** Минихъ-сынъ началъ было писать, но остановился и замѣтилъ что было бы приличнѣе предоставить это почетное титло отцу императора, а фельдмаршалу удо-

---

* Титулъ этотъ ей былъ присвоенъ еще во время регентства Бирона.

** Генералиссимусомъ называютъ главнаго начальника нѣсколькихъ армій. Это званіе носилъ Суворовъ во время войны Россіи и Австріи противъ Франціи. Но какое значеніе оно могло имѣть для Миниха,—не совсѣмъ понятно, потому что онъ и безъ того былъ старшій въ Россіи военный сановникъ и имѣлъ вліяніе на всѣ войска въ качествѣ президента военной коллегіи.

вольствоваться званіемъ перваго министра, по примѣру Ришельё и Мазарина. Фельдмаршалъ поморщился, однакожь согласился, и „предоставилъ“ достоинство генералиссимуса принцу Брауншвейгскому. Но вслѣдъ за тѣмъ родился вопросъ: захочетъ ли самолюбивый Остерманъ повиноваться новому первому министру? Чтобъ его задобрить, было рѣшено предоставить ему званіе генералъ-адмирала, вакантное послѣ смерти графа Апраксина. Но въ такомъ случаѣ на кого возложить званіе великаго канцлера? Это погрузило трехъ радѣтелей о благѣ Россіи въ немаловажныя затрудненія. По всѣмъ правамъ, находили они, надо бы дать это мѣсто князю Черкасскому, какъ одному изъ богатѣйшихъ вельможъ, давно уже находящемуся на виду, хотя и не отличающемуся особенными личными достоинствами; но вельможа этотъ обнаружилъ слишкомъ много преданности Бирону... Однако рѣшено было сдѣлать канцлеромъ Черкасскаго изъ-за котораго Минихъ надѣялся управлять внѣшнею политикой Россіи; а чтобъ сдѣлать удовольствіе и принцессѣ, то званіе вицъ-канцлера предоставили Головкину, родственнику ея. Другіе были предназначены къ полученію чиновъ, орденовъ, имѣній, денежныхъ наградъ и т. п. Два Миниха и Менгденъ распоряжались всѣмъ этимъ, какъ своею собственностію!

Наградивши преданныхъ себѣ или нужныхъ людей, новое правительство занялось наказаніемъ своихъ враговъ. Для слѣдствія надъ шлиссельбургскими узниками наряжена была коммиссія, которая и раскрыла большую часть того, что было разсказано о домогательствахъ Бирона относительно регентства; кромѣ того, онъ обвинялся въ томъ, что не радѣлъ о здоровьи покойной императрицы, что расхищалъ казну, утѣснялъ „чест-

ныхъ людей русской націи", словомъ, тутъ припоминалось ему все *, и,—говорилось въ манифестѣ отъ имени младенца императора,—хотя за всѣ эти преступленія и слѣдовало бы предать его смертной казни, „однакожь мы, по природному нашему великодушію и въ разсужденіи добровольнаго его признанія", повелѣваемъ, содержать Бирона со всѣмъ его семействомъ въ вѣчномъ заключеніи въ городѣ Пелымѣ, а имѣнія его отписать въ казну. Что же касается до другихъ лицъ, способствовавшихъ Бирону достигнуть званія регента, какъ-то: Бестужева, Миниха, Черкасскаго, Головина, Ушакова, Куракина, Трубецкаго, Левенвольда и Альбрехта, то они были прощены.

Это прощеніе, дарованное людямъ дѣйствовавшимъ въ пользу побѣжденнаго врага, сопровожденное только удаленіемъ отъ дѣлъ одного Бестужева, было доказательствомъ большей мягкости новаго правительства въ сравненіи съ предшествовавшими, ибо въ прежнія времена такіе люди безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій ссылались въ Березовъ, Пелымъ или Пустозерскъ. Новое правительство сохранило характеръ относительной мягкости и во все время своего краткаго существованія, такъ что многіе, въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ, вздохнули теперь свободно.

Но положеніе этого правительства было чрезвычайно затруднительно. Малолѣтство государей обыкновенно бываетъ смутнымъ временемъ. Счастье еще, если основные законы государства укоренены въ народномъ сознаніи, если нація понимаетъ необходимость сохраненія порядка и если временная власть передана въ

---

* Его, между прочимъ, допрашивали почему онъ рѣдко бывалъ у обѣдни.

руки сильныя и искусныя. Но въ Россіи въ то время этой сильной искусной руки не было. При томъ, всѣ эти безпрерывныя перемѣны лицъ и системъ могли спутать понятія даже самаго правдиваго человѣка и привести его въ недоумѣніе: въ чемъ состоитъ его долгъ? чему и кому служить? чему и кому противиться? Когда жизнь народа и государства течетъ правильнымъ и спокойнымъ теченіемъ, то, независимо отъ закона писаннаго, слагаются твердыя понятія о гражданскомъ долгѣ; династіи дѣлаются представителями извѣстныхъ преданій и вѣковыхъ интересовъ націи; служа имъ, человѣкъ служитъ отечеству; сопротивленіе имъ дѣлается всякому понятнымъ преступленіемъ; но въ то время, о которомъ мы говоримъ, всѣ преданія были нарушены, сомнѣнія представлялись на каждомъ шагу. Бирономъ былъ сдѣланъ регентомъ волею императрицы, также какъ Іоаннъ Антоновичъ императоромъ; если низвергнутъ одинъ, и этому рукоплещутъ, то не станутъ ли рукоплескать низложенію другаго? Принцесса Анна считала себя въ правѣ принять правленіе, и это удалось ей; а если цесаревна Елисавета захочетъ тоже попробовать удачи, что можно будетъ противъ этого возразить?..

При такомъ смутномъ состояніи понятій, надъ всѣми прочими соображеніями беретъ верхъ личный разсчетъ. Такъ, одинъ и тотъ же князь Черкасскій служилъ съ одинаковою преданностію, или одинаковымъ равнодушіемъ, императрицѣ Аннѣ и Бирону, за которыхъ онъ хлопоталъ, и принцессѣ Брауншвейгской, а въ послѣдствіи и Елисаветѣ Петровнѣ, которыхъ онъ старался передъ тѣмъ отстранять отъ власти. Лучше ли дѣлалъ и Минихъ? Его поведеніе въ отношеніи Бирона очень похоже на измѣну. Сама правительница, въ пользу ко-

торой было произведено арестованіе регента, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, говорила о Минихѣ: „Я могла воспользоваться плодами измѣны, но не могу уважать измѣнника“. Манштейнъ разсказываетъ въ своихъ *Запискахъ*, что принцесса и ея супругъ не спали сряду двухъ ночей въ одной и той же комнатѣ, боясь что Минихъ также захватитъ ихъ, какъ захватилъ Бирона....

Чтобъ успокоить это всколыхавшееся море, Россію, чтобъ дать улечься страстямъ и утвердиться понятіямъ о гражданскомъ долгѣ, о добрѣ и злѣ, въ дѣлѣ внутренней политики, явно перепутавшимся въ послѣднее время, нужно было бы долгое, спокойное, мудрое, твердое царствованіе, а его нельзя было и ожидать. Всякому было ясно что грудной младенецъ императоръ и его родители скорѣе сами погибнутъ посреди этого хаоса, нежели извлекутъ изъ него стройность и порядокъ, и всякій долженъ былъ задавать себѣ тревожный вопросъ: кому потомъ перейдетъ престолъ? не будетъ ли при этомъ смутъ? не поставится ли мнѣ въ вину моя преданность нынѣшнему правительству? не поискать ли новаго свѣтила и не поклониться ли ему заблаговременно, пока еще не всѣ предъ нимъ распростерлись?

Очевидно, правленіе Анны Леопольдовны не представляло никакихъ ручательствъ прочности. Съ самыхъ первыхъ дней между людьми, составлявшими правительство, начались недоразумѣнія и пререканія. Минихъ неохотно уступилъ принцу Антону званіе генералиссимуса и безпрестанно давалъ ему чувствовать свое превосходство. Съ другой стороны, показанія Бирона и Бестужева предъ слѣдственною коммиссіей обнаружили, какъ настойчиво за нѣсколько недѣль предъ

тѣмъ хлопоталъ Минихъ объ устраненіи Брауншвейгской фамиліи отъ власти и, слѣдовательно, какъ мало вѣры можно было имѣть въ его преданность. Остерманъ, наконецъ, какъ и предвидѣть было можно, не согласился добровольно подчиниться „первому министру“. Этотъ необыкновенно вкрадчивый и ловкій человѣкъ уже успѣлъ, какъ говорится, войдти въ душу принца Брауншвейгскаго и сильно колебалъ кредитъ Миниха. Онъ не замедлилъ одолѣть его,—и вотъ по какому случаю.

Еще во время регентства Бирона было получено извѣстіе о смерти Германскаго императора Карла VI и о вступленіи на престолъ дочери его, Маріи-Терезіи. Почти въ то же время вступилъ на прусскій престолъ Фридрихъ II, государь молодой и пылкій, жадный ознаменовать свое царствованіе громкими дѣлами, и которому его скупой отецъ оставилъ въ наслѣдство отлично исправные финансы и превосходно обученную армію. Мы уже знаемъ, что смерть Карла VI должна была неминуемо послужить сигналомъ къ большимъ затрудненіямъ для его имперіи (стр. 107 и сл.) Такъ и случилось: молодой король Прусскій, безъ всякихъ положительныхъ основаній и даже безъ благовидныхъ предлоговъ, потребовалъ у новой императрицы уступки Силезіи и вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ ее своими войсками.

Вотъ въ общихъ чертахъ, въ какомъ положеніи находилась Европа,—положеніи, котораго важность для Россіи мы поймемъ, когда припомнимъ что между нашимъ и Вѣнскимъ дворомъ существовалъ старинный тѣсный союзъ, и что такой же союзъ былъ заключенъ потомъ съ Пруссіей, такъ что когда произошло занятіе Силезіи, цесарскій и прусскій посланники, съ договорами въ

рукѣ, оба стали требовать у насъ помощи. Какъ выдти изъ этого затруднительнаго положенія? При обсужденіи въ кабинетѣ этого вопроса мнѣніе Остермана и Миниха рѣзко встрѣтились и столкнулись между собою. Послѣдній изъ нихъ хотѣлъ вовсе уклониться отъ всякаго вмѣшательства въ ссору двухъ германскихъ государствъ, но приготовиться къ войнѣ со Швеціей, которая дѣйствительно дѣлала очень для насъ подозрительныя военныя приготовленія. Остерманъ склонялся на сторону союза съ Австріей, который онъ заключилъ и въ теченіи пятнадцати лѣтъ поддерживалъ.

Можно думать что въ дѣйствительности и Остерманъ не желалъ вовлечь Россію въ войну изъ-за домашняго спора Австріи съ Пруссіей, ибо долго обнадеживая австрійскаго посланника, маркиза Ботту, высылкою вспомогательной арміи, онъ потомъ сталъ прибавлять къ этому обѣщанію оговорку: „когда минетъ опасность со стороны Швеціи“, а опасность эта не только не уменьшилась, но, напротивъ, усиливалась съ каждымъ днемъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ онъ не согласился съ Минихомъ? На это были у него особенныя причины. Вопервыхъ, онъ не хотѣлъ уступить сопернику и выпустить изъ своихъ рукъ исключительное вліяніе на дипломатическія дѣла, въ которыя онъ до тѣхъ поръ не допускалъ ничьего вмѣшательства; вовторыхъ, онъ зналъ что поданное имъ мнѣніе понравится родителямъ императора:—принцу Брауншвейгскому, какъ родственнику Маріи-Терезіи, а Аннѣ Леопольдовнѣ потому, что она горячо приняла сторону Австріи, благодаря вліянію графа Линара, поддерживавшаго австрійскіе интересы.

Принцъ и принцесса Брауншвейгскіе дѣйствительно нашли, что мнѣніе Остермана несравненно дѣльнѣе,

чѣмъ мнѣніе Миниха. Минихъ въ первую минуту досады потребовалъ увольненія отъ должности, вполнѣ будучи впрочемъ увѣренъ, что его убѣдятъ остаться; къ немалому своему удивленію онъ однакожь былъ уволенъ; вѣковѣчный его соперникъ Остерманъ, разбитый параличомъ, страдающій подагрой и глазами, скромный, ласковый, улыбающійся и никогда не возвышающій голоса, выбилъ блестящаго Миниха изъ позиціи, которую онъ занялъ дерзкимъ арестованіемъ Бирона и которую надѣялся навсегда удержать за собою! Объ отставкѣ его было возвѣщено столицѣ чрезъ герольдовъ *при звукѣ трубъ*.

Отдѣлавшись отъ фельдмаршала, правительница вздохнула свободнѣе, но не потому чтобъ она предпочитала ему Остермана, а потому что черезъ это устранялась причина споровъ и преній какъ въ кабинетѣ, такъ и въ самомъ семействѣ ея: въ семействѣ,—потому что принцъ Антонъ постоянно препирался съ Минихомъ о старшинствѣ и жаловался на его неуваженіе къ себѣ; въ кабинетѣ,—потому что съ удаленіемъ Миниха, все дѣлалось по указаніямъ Остермана; правительницѣ же оставался единственный трудъ, — прикладывать свою подпись къ составленнымъ Остерманомъ рѣшеніямъ.

Трудъ, заботы, шумъ были ненавистны Аннѣ Леопольдовнѣ; ея міръ былъ внутренніе покои Зимняго Дворца, гдѣ она проводила время съ весьма немногочисленными своими друзьями,—семействомъ, Менгденомъ, графомъ Линаромъ, маркизомъ Ботта и англійскимъ посланникомъ Финчемъ. Съ ними она была весела и откровенна; играла въ карты, а иногда занималась чтеніемъ иностранныхъ авторовъ. Но какъ скоро кто-нибудь изъ нихъ начиналъ говорить о дѣлахъ, она зѣвала и ея лицо принимало утомленно-разсѣянное вы-

раженіе. Непобѣдимая ея лѣнь была такъ сильна, что эта двадцатидвухлѣтняя хорошенькая женщина не хотѣла даже заботиться о своемъ туалетѣ и проводила иногда цѣлые дни нечесанною.

Вотъ впрочемъ случай, отысканный недавно въ архивахъ, который лучше всякихъ описаній показываетъ, какъ правила государствомъ Анна Леопольдовна и что̀ вокругъ нея дѣлалось. Нѣкто, статскій совѣтникъ Темирязевъ, явясь однажды къ баронессѣ Юліи Менгденъ, сталъ ей объяснять, что великой княгинѣ нанесено оскорбленіе тѣмъ, что въ манифестѣ о принятіи ею правленія ей присвоены тѣ же самыя права, какія были прежде предоставлены Бирону. Это была интрига противъ Остермана, который писалъ манифестъ.

Правительница позвала къ себѣ Темирязева, разговорилась съ нимъ, послала его,—вовсе ей неизвѣстнаго человѣка,—посовѣтоваться съ Головкинымъ и передать ей, что онъ скажетъ. Тотъ велѣлъ сказать, что будетъ *завтра*. Тогда правительница вступила въ откровенное объясненіе съ Темирязевымъ о досадахъ, причиняемыхъ ей Остерманомъ: „Поди ты,—сказала она ему, какъ бы какому-нибудь довѣренному лицу,—*напиши такимъ манеромъ, какъ манифесты пишутъ*,—два: одинъ въ такой силѣ, что буде волею Божіею государя не станетъ, а братьевъ послѣ него наслѣдниковъ не будетъ, то быть принцессамъ (наслѣдницами) по старшинству; въ другомъ напиши, что если такимъ же образомъ государя не станетъ, то чтобъ наслѣдницею быть мнѣ“.

Случай поразительный! Актъ о престолонаслѣдіи поручается правительницею государства составить человѣку, котораго она видитъ въ первый разъ; мало того: она поручаетъ ему составить не одинъ актъ, а два,—

словомъ, написать, что взбредетъ въ голову!.. Чѣмъ же кончилось? тѣмъ что Темирязевъ, никогда не писавшій подобныхъ документовъ и не зная, какъ приняться за дѣло, побѣжалъ къ какому-то приказному и ударился ему въ ноги, чтобы тотъ его выручилъ, написалъ.

—„Не робѣй, отвѣчалъ ему приказный: много нынѣ непорядковъ происходитъ“. И сталъ писать!!

Между тѣмъ, Швеція объявила намъ войну. Это еще болѣе прибавило затрудненій правительству и ускорило катастрофу, о которой вслѣдъ за симъ будетъ разсказано.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

I.

Взглядъ назадъ: стремленіе къ новизнѣ и заимствованію и противодѣйствіе ему, замѣчаемыя еще въ XVII вѣкѣ.—Роль Петра въ этой борьбѣ новаго со старымъ.—Чрезмѣрность при Аннѣ чужеземнаго вліянія.—Реакція противъ Нѣмцевъ и симпатіи къ Елисаветѣ Петровнѣ.—Сила обстоятельствъ выдвигаетъ ее на политическую сцену.—Шетарди, Нолькенъ и Лестокъ.—Преданность гвардіи цесаревнѣ.—Лестоку угрожаетъ арестъ.—Преображенцы вызываются помогать цесаревнѣ.—Ночь 24—25 ноября 1741 г.—Впечатлѣніе произведенное вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны; сочувствіе къ ней духовенства.—Люди возвышенные послѣднимъ переворотомъ: Бестужевъ, Шуваловы, Лестокъ, Разумовскій и др.—Люди низвергнутые этимъ переворотомъ: Остерманъ, Минихъ и др.—Судъ надъ ними.—Биронъ.

Цесаревна Елисавета родилась въ 1709 году, слѣдовательно въ то время, о которомъ мы говоримъ теперь, ей было 32 года. Красавица собой и отъ природы несклонная къ серіознымъ мыслямъ, она сдѣлала цѣлію своей жизни лишь удовольствія. При частыхъ перемѣнахъ, которымъ подвергался престолъ послѣ Петра, о ней постоянно вспоминали; но чтобы достигнуть престола нужно было хлопотать, трудиться, а всякій трудъ былъ ей противенъ.

Между тѣмъ обстоятельства складывались такъ, что ей никакъ нельзя было уклониться отъ роли болѣе или менѣе политической. Тотъ кто прочелъ со вниманіемъ

все предшествующее, долженъ былъ замѣтить одно явленіе, постоянно обнаруживавшееся въ Россіи со второй половины XVII вѣка: это—стремленіе къ чему-то новому, неизвѣстному, желаніе заимствовать у сосѣдей то, что у нихъ казалось лучше нашего, а съ другой стороны—отпоръ этимъ стремленіемъ во имя старины, съ которою связывались у насъ и понятія религіозныя.

Петръ рѣшилъ эти колебанія. Онъ рѣшилъ еще и другой вопросъ: любимецъ царевны Софіи Голицынъ и большая часть образованныхъ людей Россіи того времени обращались за образцами, какъ въ литературѣ и наукѣ, такъ и въ отношеніи предметовъ государственныхъ, къ Польшѣ; Матвѣевъ, напротивъ, болѣе сближался съ Нѣмцами, Голландцами и Англичанами. Петръ, какъ извѣстно, далъ Россіи движеніе въ ту же сторону. При немъ, какъ и до него, обнаруживалось противодѣйствіе новизнѣ, и чѣмъ сильнѣе онъ тащилъ въ одну сторону, тѣмъ упорнѣе другіе тянули въ другую. Въ этой борьбѣ прошла его жизнь; онъ казнилъ своихъ противниковъ, а они называли его антихристомъ. Та же борьба продолжалась и послѣ его смерти.

При Петрѣ II партія придерживавшаяся старины какъ будто начинала брать верхъ; кредитъ двухъ главныхъ въ то время Петровыхъ послѣдователей, Остермана и Прокоповича, поколебался; они уступили мѣсто Голицынымъ, Долгоруковымъ, Θеофилакту Лопатинскому. Но со вступленіемъ Анны взяла верхъ нѣмецкая партія.

Эта партія хотя и любила выставлять имя Петра Великаго, но представители ея были далеко не тѣмъ, чѣмъ были при немъ тѣ же самые люди; это была не партія Русскихъ желающихъ научиться у западной

Европы; это была партія Нѣмцевъ, захватившихъ, можно сказать, Россію въ полонъ. При Петрѣ всѣ начальники армій (послѣ де-Кроа) и всѣ президенты коллегій, всѣ посланники при важнѣйшихъ дворахъ были постоянно Русскіе, а при Аннѣ наоборотъ: оба фельдмаршала (Минихъ и Ласси) были иностранцы: внѣшнею политикой управлялъ Нѣмецъ (Остерманъ), главный дипломатическій агентъ былъ Нѣмецъ (Левенвольдъ). Почти всѣ высшія предворныя и административныя должности были заняты Нѣмцами (Бирономъ, Левонвольды, Минихъ-сынъ, Менгденъ, Корфъ, Кейзерлингъ, Бреверномъ). Но дѣло не въ происхожденіи и не въ имени; дѣло въ томъ, что многіе изъ этихъ Нѣмцевъ не скрывали своего презрѣнія къ Россіи и Русскимъ: „это русское каналье“ (diese russische Canallie), говорилъ Биронъ о насъ, когда былъ недоволенъ, а когда хотѣлъ похвалить, то называлъ Римлянами. Петръ былъ крутъ и безпощаденъ, но не взирая на то, онъ былъ и остался однимъ изъ самыхъ популярныхъ государей Россіи; напротивъ того, вся тайна того вліянія, которое имѣли на императрицу Анну окружавшіе ее, и прежде всѣхъ Биронъ, заключалась именно въ томъ, что имъ удалось порвать связь государыни съ народомъ. Они постоянно представляли ей русскую націю скопищемъ строптивыхъ дикарей, которымъ ненавистны всякій порядокъ, всякая власть, которые дышатъ заговорами, измѣной, переворотами, и среди которыхъ государыня безопасна лишь потому, что ее окружаютъ вѣрные иностранцы, каковы Биронъ и его остзейскіе друзья. Эта возмутительная особаго рода клевета была опорой Бирона, причиною его неограниченной власти надъ умомъ запуганной имъ императрицы въ продолженіе десяти лѣтъ:

его креатуры, которыми онъ наполнилъ правительство, развили эту клевету до степени цѣлой политической системы, въ необходимости которой они успѣли увѣрить весь свѣтъ. Посланники, находившіеся въ это время при петербургскомъ дворѣ, видя Россію только ихъ глазами, дружно восхваляли своимъ правительствамъ тиранства совершавшіяся для поддержанія Бироновой партіи, какъ дѣло великой мудрости, какъ славную побѣду цивилизаціи надъ дикимъ и строптивымъ народомъ, къ которому просвѣщеніе не можетъ быть привито инымъ образомъ.

Оскорбленное всѣмъ этимъ народное чувство стало искать, куда бы пріютиться: симпатіи раскольниковъ обращались, по прежнему, къ царевичу Алексѣю, подъ именемъ котораго являлись самозванцы, а сословія болѣе образованныя обратились къ цасаревнѣ Елисаветѣ, какъ единственной отрасли Петра I, уваженіе къ памяти котораго усиливалось, какъ уже замѣчено, по мѣрѣ того, какъ его понятія дѣлались понятіями образованной части русскаго общества.

И такъ. Елисавета Петровна мало-по-малу сдѣлалась, и притомъ безъ всякихъ съ ея стороны исканій, центромъ всѣхъ тѣхъ, которые, вообще одобряя Петровы преобразованія, не хотѣли однакожь быть рабами чужестранцевъ,—центромъ партіи національной: и надо признаться, цесаревна во многихъ отношеніяхъ могла удовлетворить русскому народному идеалу. Она была, вопервыхъ, чрезвычайно набожна и строго исполняла установленные церковью обряды; въ домашнемъ кругу своемъ была окружена почти исключительно Русскими, а во время пребыванія въ загородныхъ своихъ резиденціяхъ приглашала крестьянокъ водить предъ своими окнами хороводы, прислушивалась къ ихъ пѣснямъ,

устраивала катанья съ горъ. Обо всемъ этомъ знали въ народѣ и все это льстило народнымъ понятіямъ. За то еще во время императрицы Анны, какъ только показывались на улицѣ ея сани, народъ сбѣгался и кричалъ *ура*! Есть много основаній думать, что Минихъ, отправляясь для арестованія Бирона, увѣрилъ Преображенцевъ, будто замышленное имъ отважное дѣло предпринято въ пользу Елисаветы.

И вотъ, мало-по-малу мысль народа начинаетъ постоянно обращаться къ ней, какъ къ кокой-то ожидаемой спасительницѣ. Въ мнимомъ заговорѣ Долгоруковыхъ (стр.134) общественное мнѣніе видѣло намѣреніе возвести на престолъ Елисавету. Есть извѣстіе, не важное само по себѣ, но очень выразительное: разсказываютъ что цесаревна хотѣла разъ купить какую-то вазу, но не рѣшилась, потому что находила ее слишкомъ дорогою: купецъ, узнавъ для кого эту вазу торгуютъ, отдалъ ее даромъ. Въ самый день присяги младенцу-императору, одинъ солдатъ, проходя мимо дворца цесаревны и указывая на него, говорилъ своему товарищу: „вотъ императоръ Петръ Первый въ Россійской Имперіи заслужилъ, а что отъ того осталось! Вотъ коронованнаго отца дочь, государыня цесаревна, оставлена!“ Въ народѣ ходили слухи, что покойный Петръ Алексѣевичъ встаетъ изъ гроба, тревожимый тѣмъ, что его дочь обойдена. „*Орелъ*, говорили про Петра, леталъ, соблюдая дѣтямъ своимъ, а дочь его оставлена“... Не *партія* русская, какъ пишутъ иностранцы, а вообще русская нація была за Елисавету, и баронъ Менгденъ былъ правъ говоря, что если Биронъ не будетъ регентомъ, то Нѣмцы пропадутъ.

Соображая это, становится понятнымъ, почему императрица Анна, а потомъ и правительница, такъ на-

стойчиво хлопотали чтобы выдать цесаревну замужъ за какого-нибудь иностраннаго принца; становится яснымъ и то, что Бирон, сдѣлавшись регентомъ, заискивалъ въ цесаревнѣ и угождалъ ей; онъ въ этомъ случаѣ обнаруживалъ гораздо болѣе дальновидности, нежели Минихъ, поддерживавшій принцессу Анну.

Положеніе Брауншвейгской фамиліи въ Россіи обратило на себя вниманіе и другихъ дворовъ. Австрійскій усердно поддерживалъ ее посредствомъ своего посланника, маркиза Ботты; но французскій дворъ далъ порученіе своему посланнику, маркизу Шетарди, произвести переворотъ въ пользу Елисаветы Петровны. Шведское правительство, объявляя намъ войну (стр. 175), провозгласило что оно беретъ оружіе не противъ Россіи, „а противъ чужеземцевъ, составляющихъ русское правительство“. Шетарди, въ качествѣ повѣреннаго отъ двора, тѣсно связаннаго со шведскимъ, а за нимъ и шведскій посланникъ, Нолькенъ, внушали Елисаветѣ Петровнѣ, что эта война предпринята въ ея пользу, что она можетъ и должна воспользоваться этимъ новымъ затрудненіемъ правительницы, чтобъ овладѣть престоломъ и что оба они лично готовы употребить все свое вліяніе къ ея услугамъ; они присовокупляли къ тому, что взамѣнъ своихъ услугъ надѣются на уступку со стороны Россіи части завоеваній, сдѣланныхъ у Швеціи въ послѣднюю войну.

Эти внушенія дѣлались черезъ Лестока, доктора цесаревны; онъ былъ пріетелемъ и агентомъ Шетарди, какъ природный французъ; у цесаревны же онъ имѣлъ большой вѣсъ, такъ какъ она очень дорожила своимъ здоровьемъ, румянцемъ лица и свѣжестью кожи, а это давало ему возможность каждое утро, щупая ея пульсъ, ввернуть словцо и о политикѣ. Къ чести Елисаветы

Петровны должно сказать, что, не уклоняясь отъ сладкихъ рѣчей Шетарди и Лестока, она никогда не хотѣла согласиться уступить вершка земли завоеванной ея отцомъ и войдти въ сдѣлки съ тѣми, которые теперь воевали противъ Россіи. Сила ея заключалась не въ содѣйствіи иностранныхъ дворовъ, а въ симпатіи къ ней націи, и не за чѣмъ ей было искать помощи шведской арміи и французской политики. Между гвардейскими полками нашими она была и больше популярна и больше имѣла вліянія, нежели ихъ нѣмецкіе шефы и командиры; старые Петровы воины сами напрашивались, чтобъ она оперлась на ихъ содѣйствіе: „матушка, говорили они ей нерѣдко, мы всѣ готовы за тебя головы положить и ждемъ только вашихъ приказаній“.

Сношенія Лестока съ французскимъ и шведскимъ посланниками и расположеніе къ цесаревнѣ гвардейскихъ полковъ не могли укрыться отъ бдительности какъ Остермана, управлявшаго всѣмъ при Аннѣ Леопольдовнѣ, такъ и графа Линара, который собирался всѣмъ управлять. Они, и самъ принцъ Антонъ, напрямикъ сказали правительницѣ, что необходимо посадить Елисавету Петровну въ монастырь. Но добродушная Анна Леопольдовна не согласилась на это, обѣщавшись однако переговорить съ нею. Разговоръ объ этомъ происходилъ 23-го ноября (1741) въ Зимнемъ Дворцѣ; правительница отдѣлилась отъ другихъ бывшихъ здѣсь же гостей, вмѣстѣ съ цесаревною, и сказала, что до нея доходятъ слухи о какихъ-то подозрительныхъ сношеніяхъ Лестока съ Шетарди и Нолькеномъ. „Предупредите его, заключила она, что если это не прекратится, я прикажу его арестовать“.

Возвратясь домой, сильно встревоженная, цесаревна позвала своего доктора, и сообщила объ угрожающей

ему опасности. Была уже полночь; вдругъ ей докладываютъ, что семь преображенскихъ гренадеръ желаютъ ее видѣть.

—„Мы завтра выступаемъ въ походъ“ (противъ Шведовъ), сказали они.—„Матушка! ты остаешься въ рукахъ своихъ лиходѣевъ: нельзя ждать ни минуты“.

Одно присоединилось къ другому. Смущенная и взволнованная, цесаревна не знала на что рѣшиться; наступило между тѣмъ утро, по обыкновенію, явился Лестокъ; но вмѣсто обычнаго вопроса о здоровьѣ, онъ повелъ рѣчь объ угрожающей ей и ему опасности. Онъ убѣждалъ ее принять рѣшительныя мѣры, пока еще время не ушло. Она все еще колебалась. Тогда, увидѣвъ на столѣ карты, онъ взялъ одну изъ нихъ, и карандашомъ набросалъ рисунокъ: на одной сторонѣ онъ изобразилъ цесаревну съ короною на головѣ, а на другой—ее же въ монашеской одеждѣ, окруженную висѣлицами и колесами.

—„Выбирайте, государыня, сказалъ онъ,—или быть императрицею, или видѣть преданныхъ вамъ друзей въ рукахъ палачей...“

Она рѣшилась. Положено было дѣйствовать въ слѣдующую ночь (съ 24-го на 25-е ноября).

Наступила эта достопамятная для цесаревны ночь. Явился Лестокъ и объявилъ что все готово. Тутъ она снова впала въ нерѣшительность, плакала и, наконецъ, упавъ на колѣни предъ образомъ, дала торжественное обѣщаніе, что если Богъ благословитъ ея намѣреніе, то ни одинъ человѣкъ не будетъ въ ея царствованіе наказанъ смертію.

Двое саней стояли у ея подъѣзда. Она сѣла въ однѣ съ Лестокомъ, двумя ея камеръ-юнкерами Шуваловыми и съ камергеромъ Воронцовымъ; въ другихъ помѣсти-

лось нѣсколько человѣкъ изъ числа наиболѣе ей преданныхъ и приближенныхъ. Кони быстро примчали ихъ къ преображенскимъ казармамъ. Въ одну минуту толпа гренадеръ окружила свою „матушку“. Она сказала имъ: „знаете ли чья я дочь?“ Они отвѣчали: „зеди насъ“.

Тихо, по пустыннымъ въ то время улицамъ и пустырямъ остававшимся еще среди Петербурга, приближался маленькій отрядъ къ Зимнему Дворцу и, — точно также какъ за годъ передъ тѣмъ Биронъ, — были арестованы Анна Леопольдовна, принцъ Антонъ и младенецъ Іоаннъ Антоновичъ. Между тѣмъ явились гонцы съ донесеніями, что по распоряженію расторопнаго Лестока захвачены Минихъ, Остерманъ, Левенвольдъ, Менгденъ, неудачный составитель государственныхъ актовъ Темирязевъ, и Головкинъ, только-что проводившій гостей, веселившихся на именинахъ его жены.

25-го ноября Петербургъ проснулся и узналъ, что у него новый государь. Тотъ же самый Шаховской, бывшій теперь сенаторомъ, который описалъ намъ заутріе арестованія Бирона, описываетъ слѣдующимъ образомъ только-что разсказанное происшествіе. Онъ провелъ вечеръ на именинахъ графини Головкиной.

„Я только-что уснулъ, какъ необыкновенный стукъ въ ставень моей спальни и громкій голосъ сенаторскаго экзекутора, Дурново, меня разбудилъ. Онъ громко кричалъ, чтобъ я, какъ наискорѣе, ѣхалъ въ цесаревинскій дворецъ: ибо-де она изволила принять престолъ россійскаго правленія, и я-де съ тѣмъ объявленіемъ теперь бѣгу къ прочимъ сенаторамъ. Я, вскоча съ постели, подбѣжалъ къ окну, чтобъ его нѣсколько о томъ для свѣдѣнія моего просить, но онъ уже удалился. — Нимало о такихъ предпріятіяхъ не только свѣдѣнія, но ниже видовъ къ примѣчаніямъ не имѣя, я сперва подумалъ, не сошелъ ли господинъ экзекуторъ съ ума, что такъ меня встревожилъ и вмигъ удалился; но вскорѣ потомъ увидѣлъ многихъ по улицѣ мимо оконъ моихъ бѣгущихъ людей необыкновенными толпами въ ту сторону, гдѣ дворецъ былъ, ку-

да и я немедленно поѣхалъ, чтобъ вскорѣ узнать точность такого чрезвычайнаго происхожденія. Не было мнѣ надобности размышлять, въ которой дворецъ ѣхать. Ибо хотя ночь была тогда темная и морозъ великой, но улицы были наполнены людьми, идущими къ цесаревнинскому дворцу; гвардіи полки съ ружьемъ шеренгами стояли уже вокругъ онаго въ ближнихъ улицахъ, и для облегченія отъ стужи во многихъ мѣстахъ раскладывали огни; а другіе, поднося другъ другу, пили вино, чтобъ отъ стужи согрѣваться. При чемъ шумъ разговоровъ и громкое восклицаніе многихъ голосовъ: здравствуй наша матушка, императрица Елизавета Петровна! воздухъ наполняли.“

Ни малѣйшаго сопротивленія воцаренію Елисаветы не было и быть не могло: она дѣйствительно была возведена на престолъ голосомъ, волею народа, который любилъ въ ней единственную вѣтвь царствующаго дома, и надѣялся увидѣть при ней конецъ господству Нѣмцевъ.

Впечатлѣніе произведенное ея вступленіемъ на престолъ очень вѣрно изображаютъ намъ современныя проповѣди. Духовенство вообще было оченъ не расположено къ правительствамъ Анны Іоанновны и Анны Леопольдовны, и тѣмъ болѣе радовалось происшедшей перемѣнѣ. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ въ декабрѣ 1741 года новгородскій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ:

„О наше неблагополучіе! За наши грѣхи и беззаконія послалъ Богъ недобросовѣтныхъ человѣковъ, которые для своей богоненавистной корысти сдѣлали препятствіе къ законному воспріятію престола тебѣ, всемилостивѣйшая государыня!“... „А какими врагами были всѣ тѣ, которые подъ видомъ вѣрности наше отечество разворяли! И, смотрите, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость: во-первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу поступили подъ претекстомъ, будто непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ; и какое многое множество подъ этимъ предлогомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили!.. Разговора другаго у нихъ не было, какъ только о ученыхъ людяхъ: „о Боже, какъ несчастна Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ, и ученія завесть не можетъ!“ А между тѣмъ былъ ли кто изъ Рус-

скихъ искусный художникъ, инженеръ, архитекторъ, солдатъ старый, наипаче жъ, если онъ былъ ученикъ Петра,—тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить и тѣмъ либо голову ему отсѣчь, либо послать въ такое мѣсто, гдѣ нельзя не умереть съ голоду"...

Амвросій говорилъ въ присутствіи государыни, а потому къ похваламъ ей примѣшивалъ похвалы и Петру; но другіе проповѣдники были откровеннѣе и не щадили его памяти за призывъ иностранцевъ. Одинъ изъ московскихъ духовныхъ уподоблялъ Россію полю евангельской притчи, Петра—сѣятелю, доброе сѣмя—Елисаветѣ, а плевелы суть „подъ видомъ только сыновъ отечества, вещію же порожденія ехиднина, изгрызающіе утробу матери своея, Россіи, — говорилъ онъ, — чужестранцы пришлецы, Петромъ насѣянные въ Россіи, расхитители, правовѣрія ругатели", между которыми проповѣдникъ называлъ безъ всякихъ обиняковъ Остермана и Миниха. „Воскресни, Златоусте, восклицалъ онъ, возгреми на пролившаго многую кровь русскую Остермана, загради Миниху челюсти!.."—„Остерманъ, говорилъ другой проповѣдникъ, хромъ душою, хромъ совѣстью, хромъ и ногами—сова смрадная, въ сокола или орла претворившаяся!"

Разумѣется, за избавленіе отъ такихъ ненавистныхъ людей возсылались Елисаветѣ благодаренія и благословенія: „Пріидѣ, о Россіе," восклицалъ Амвросій при торжествѣ коронаціи, „твердое, непоколебимое основаніе твоего благополучія!"... „Православную вѣру и благочестіе поддержала и возстановила ты, государыня; лишь вступила на престолъ, немедля объявила синоду свое намѣреніе: надобно намъ начинать съ Богомъ и отъ Бога." „Такимъ же образомъ, книгу *Камень вѣры*, въ тьмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла, а эта книга, какъ всякому ис-

кусному мастеру инструментъ, такъ и намъ она потребна.“—Упомянувъ о нѣкоторыхъ другихъ распоряженіяхъ новой императрицы, обнаруживавшихъ ея набожность и привязанность къ русскому, проповѣдникъ заключалъ: „Нынѣ радуется Христосъ, возрадовались ангели, небеса восторжествовали, всѣ святые радостную пѣснь поютъ. Россіяне восклицаютъ: нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога и область Христа, яко низложенъ бысть сатана и всѣ аггелы его съ нимъ. Самъ Христосъ ударилъ въ нихъ *камнемъ вѣры*, и яко дымъ вѣтромъ разсѣялъ.“

Разумѣется, во всѣхъ этихъ похвалахъ императрицѣ, расточаемыхъ въ ея присутствіи, есть ласкательство и преувеличеніе, но въ нихъ видно и искреннее увлеченіе, и глубокая радость объ избавленіи отъ чужеземнаго преобладанія; голосъ духовенства въ это время былъ дѣйствительно голосомъ народа.

Нѣмецкая партія, сильно пораженная паденіемъ Бирона, была окончательно уничтожена паденіемъ Остермана и Миниха. Послѣ этихъ двухъ людей, въ ней не оставалось ни одного, который бы силою своихъ способностей и заслугъ былъ въ состояніи поднять кредитъ нѣмецкой партіи. Напротивъ того, между чистыми Русскими явились люди способные занять важныя правительственныя должности; явились и меценаты, явились поэты и ученые изъ природныхъ Русскихъ. Предсказаніе иностранцевъ, что Россія немедленно возвратится къ варварству, какъ только ее перестанутъ погонять кровавою плетью, не оправдалось.

Съ самаго перваго дня царствованія Елисаветы дворъ принялъ новый видъ; его наполнили совершенно новыя лица, отчасти связанныя родствомъ съ новою императрицею, Нарышкины (потомки Натальи Кирилловны),

Воронцовы, Ефимовскіе, Гендриковы (женатые на Скавронскихъ, племянницахъ Екатерины I), или бывшія въ болѣе или менѣе близкихъ съ цесаревною отношеніяхъ до вступленія ея на престолъ,—Шуваловы, Апраксины, Чернышевы и особенно Разумовскій, о которомъ подробнѣе скажемъ далѣе. Вызванъ былъ изъ своего заточенія и старый фельдмаршалъ В. В. Долгоруковъ, пережившій истребленіе почти всей его родни; онъ съ ласкою былъ принятъ императрицею, его крестницей, и сдѣланъ президентомъ военной коллегіи. Не забыты были Лестокъ и Преображенская рота, введшая Елисавету въ Зимній Дворецъ. Преображенцамъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, розданы были, хотя и не вдругъ, помѣстья съ населеніемъ до 14.000 крестьянъ. Лестокъ былъ сдѣланъ лейбъ-медикомъ, директоромъ всей медицинской части въ Россіи, получилъ множество подарковъ и пріобрѣлъ огромное значеніе. Одинъ иностранный посланникъ пишетъ, что счастливымъ себя почиталъ тотъ, кому удавалось на придворномъ балѣ протанцовать съ его женою; министры, посланники, искали его дружбы. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ пользовался даже большимъ вліяніемъ на государственныя дѣла. Но гораздо болѣе прочнымъ образомъ занялъ мѣсто у кормила правленія человѣкъ дѣйствительно очень способный и опытный въ дѣлахъ — Бестужевъ.

Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ сдѣланъ былъ, какъ мы видѣли, послѣ смерти Волынскаго кабинетъ-министромъ. Онъ долго находился при разныхъ русскихъ заграничныхъ миссіяхъ, и отлично зналъ состояніе европейской политики; Биронъ вызвалъ его въ Россію и далъ ему мѣсто въ кабинетѣ, надѣясь воспользоваться его свѣдѣніями и способностями и поддержать съ его по-

мощію свое вліяніе на дѣла. И Бестужевъ дѣйствительно ему былъ полезенъ, не шелъ противъ него, какъ Волынскій... пока онъ былъ въ силѣ. Но во время слѣдствія надъ нимъ, понимая, что дѣло его и его партіи проиграно, Бестужевъ началъ давать показанія противъ него. Такой образъ дѣйствій даетъ намъ право разумѣть Бестужева, какъ человѣка шаткаго въ отношеніи нравственныхъ началъ, и это не единственная въ немъ черта подобнаго рода. Еще будучи молодымъ человѣкомъ и находясь при Ганноверскомъ курфирстѣ, онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ царевичемъ Алексѣемъ и писалъ ему въ Вѣну, предлагая себя „будущему царю и государю въ услуженіе“. Надо замѣтить при этомъ, что Бестужевъ вовсе не былъ противникомъ Петровой реформы, напротивъ, сдѣлавшись министромъ Елисаветы, онъ убѣдилъ ее возстановить учрежденія этого государя, измѣненныя первыми его преемниками; заискивалъ же онъ въ царевичѣ очевидно изъ личнаго разсчета,чтобы подняться въ случаѣ его успѣха. Совершенно тѣ же побужденія руководили имъ, когда онъ усердствовалъ Бирону... Но какимъ же образомъ такой ненадежный человѣкъ могъ возвыситься и, какъ увидимъ, пользоваться огромнымъ значеніемъ при новомъ правительствѣ? Онъ былъ *необходимъ*. Двѣ такія первоклассныя головы, какъ Остерманова и Минихова, оставляли слишкомъ обширную пустоту, которую не легко было наполнить; на это казался способнымъ одинъ только Бестужевъ; это признавали самые враги его, Лестокъ и князь Трубецкой, указавшіе на него Елисаветѣ. Онъ получилъ завѣдываніе иностранными дѣлами и,—такъ исполнена противорѣчій природа человѣка!—въ теченіе многихъ лѣтъ направлялъ политикой нашего двора съ честію и достоинствомъ.

Но такое положеніе онъ пріобрѣлъ не вдругъ. Въ первое время у него оспаривали вліяніе Лестокъ и Шетарди. Выше сказано, что французскій посланникъ болѣе всѣхъ побуждалъ Елисавету захватить верховную власть; депеши его, собранныя и изданныя академикомъ Пекарскимъ, не оставляютъ въ томъ сомнѣнія; но сказано было и то, что дѣло сдѣлалось помимо его, такъ что онъ лишь утромъ 25-го ноября узналъ о перемѣнѣ правительства. Это обстоятельство лишило его возможности быть, какъ онъ надѣялся, явнымъ руководителемъ новой императрицы, тѣмъ болѣе что управленіе иностранными дѣлами попало въ искусныя руки; но находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Лестокомъ, онъ еще не терялъ надежды возстановить свой кредитъ, долго боролся съ Бестужевымъ и былъ во главѣ партіи нѣкоторое время весьма сильной.

Вотъ люди, которыхъ колесо фортуны подняло наверхъ; посмотримъ теперь на людей, которые были имъ опрокинуты.

Надъ лицами арестованными въ ночь 24—25-го ноября, было наряжено слѣдствіе.—„Въ чемъ же обвинялись они?“ спрашиваетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій часто упоминаемый нами князь Щербатовъ. Въ томъ ли, отвѣчаетъ онъ, „что они къ царствующимъ тогда государямъ были привязаны и что, не почитая ее (Елисавету) наслѣдницею престола, но опасаясь имени ея родителя и рожденія ея, давали согласные съ пользою тѣхъ государей и предосудительные ей совѣты? Но одни ли они усердны къ нимъ были и вѣрно имъ служили? Вся Россія 14 лѣтъ въ томъ преступленіи была.“—Дѣйствительно, слѣдствіе открыло, что Минихъ совѣтовалъ Бирону, а Остерманъ Аннѣ Леопольдовнѣ заключить Елисавету въ монастырь; но можно ли это вмѣнять въ

преступленіе совѣтникамъ Бирона и правительницы? Много также открыто было происковъ, интригъ, своекорыстія, вообще безнравственности со стороны какъ этихъ двухъ, такъ и другихъ лицъ; между прочимъ Остерманъ былъ уличенъ въ томъ, что онъ направлялъ весь процессъ Волынскаго посредствомъ имъ же назначенныхъ судей. Когда у него спросили, признаетъ ли онъ это обвиненіе справедливымъ: „Виновенъ и согрѣшилъ", отвѣчалъ онъ опустя голову. Минихъ былъ, между прочимъ, обвиняемъ въ томъ, что потерялъ множество народа подъ Очаковымъ. Выслушавъ это обвиненіе, старый фельдмаршалъ обратился къ одному изъ своихъ судей, князю Трубецкому, завѣдывавшему у него въ то время разными снабженіями, и сказалъ: „Въ одномъ только виноватъ я и долженъ упрекать себя, именно въ томъ, что не повѣсилъ тебя, когда, въ бытность твою кригсъ-коммиссаромъ, ты былъ уличенъ въ плутовствѣ".

Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ, Головкинъ, Менгденъ и Темирязевъ были осуждены на смерть; 12 другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ лицъ приговорены къ наказанію кнутомъ, или плетьми и ссылкѣ. 18го января 1742 года ихъ всѣхъ, подъ военнымъ конвоемъ, вывели изъ крѣпостныхъ казематовъ. Остермана посадили на дровни, потому что подагра давно не позволяла ему ходить; на немъ былъ красноватый мѣховой халатъ, въ которомъ онъ вѣроятно былъ захваченъ; этотъ странный нарядъ и сѣдая борода, отросшая во время заключенія, дѣлали его почти неузнаваемымъ. Также какъ и онъ, пораженный подагрою, больной и дряхлый, тащился Головкинъ. Красавецъ и любезникъ двора Екатерины I и Анны, Левенвольдъ,— разбитый первымъ приключившимся въ его жизни не-

счастіемъ, былъ полумертвъ отъ страха: въ нѣсколько недѣль онъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, глаза и щеки его ввалились. Одинъ только Минихъ сохранялъ свой „соколиный“ видъ; и теперь также, какъ подъ Очаковымъ и Ставучанами, онъ смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти.

Посреди густой толпы недружелюбно расположеннаго народа имъ было прочтено рѣшеніе суда; Остермана взнесли на эшафотъ; онъ опустилъ голову на плаху, но казнь не совершилась: ему сказана вѣчная ссылка въ Березовъ, Миниху—въ Пелымь; остальныхъ велѣно было разослать въ другія отдаленныя и глухія мѣста изгнанія. Кромѣ ихъ, сослано было еще нѣсколько менѣе извѣстныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и Минихъ-сынъ (скоро возвращенный), оставившій довольно любопытныя *Записки* о своемъ времени.

Замѣчательно, что Остерманъ, нѣсколько лѣтъ не владѣвшій ногами, выздоровѣлъ въ Березовѣ; но о жизни его тамъ почти ничего неизвѣстно; знаемъ только, что онъ прожилъ еще шесть лѣтъ. Что касается до Миниха, то восьмидесятилѣтнимъ, но еще бодрымъ и даже честолюбивымъ старцемъ онъ явился ко двору Петра III и умеръ въ 1766 году. Въ Пелыми, не находя занятія, но мучимый потребностію дѣятельности, онъ занимался воздѣлываніемъ своего огорода, училъ грамотѣ дѣтей пелымскихъ жителей и тайкомъ доставая бумагу и чернила, писалъ трактаты о военномъ искусствѣ, проекты объ изгнаніи Турокъ, и т. п.

Чтобы не возвращаться болѣе къ членамъ бывшей нѣмецкой партіи, скажемъ два слова о Биронѣ. Его замыслы, которыхъ онъ надѣялся достигнуть посредствомъ сближенія съ Елисаветой Петровною, послужи-

ли ему теперь въ пользу. Новая императрица велѣла перевести его изъ Пелыми въ Ярославль, гдѣ онъ и жилъ во все время ея царствованія, пользуясь почти полною свободой, но не пользуясь никакимъ значеніемъ ни при дворѣ, ни въ своемъ герцогствѣ.

II.

Манифестъ Елисаветы.—Ея старанія предать забвенію предшествующее царствованіе.—Принцъ Петръ Голштинскій.—Война со Шведами.—Взятіе Фридрихсгама.—Отступленіе Левенгаупта.—Онъ кладетъ оружіе.—Абоскій трактатъ (1743).—Судьба Брауншвейгской фамиліи.—Бестужевъ усиливается.—Прописки маркиза Ботты и процессъ Лопухиныхъ.—Избраніе невѣсты великому князю.—Бестужевъ одолѣваетъ Шетарди.—Торжество такъ-называемой русской партіи.—Алексѣй Разумовскій.—Малороссія.—Стѣсненіе ея правъ и причины тому.—Избраніе гетмана.—Къ чему привело это избраніе?

Въ утро, послѣдовавшее за вступленіемъ Елисаветы Петровны на престолъ, т.-е. 25-го ноября (1741 г.), обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ возвѣщалось народу о совершившемся переворотѣ. Императрица кратко объявляла, что вѣрные подданные и особенно гвардія, страшась безпорядковъ неразлучныхъ съ малолѣтствомъ государей, умоляли ее чтобъ она, „яко по крови ближняя“, приняла отеческій престолъ. Черезъ три дня были подробнѣе объяснены причины восшествія государыни на тронъ. Въ этомъ новомъ манифестѣ говорилось о духовномъ завѣщаніи Екатерины I, нарушенномъ избраніемъ Анны Іоанновны и которое будто бы сокрыто было въ то время Остерманомъ. Вліянію Остермана же приписывалось и назначеніе на-

слѣдникомъ Іоанна Антоновича; наконецъ,—сказано въ манифестѣ,—Остерманъ, Минихъ и Головкинъ и эту данную имъ младенцу-императору присягу нарушили. „и правительство нашей имперіи въ свои руки, подъ именемъ меклембургской принцессы, насильствомъ взяли", замышляли о возведеніи на престолъ этой принцессы, о совершенномъ отрѣшеніи отъ престола законной по крови наслѣдницы и о стѣсненіи ея свободы.

Итакъ, назначеніе Іоанна Антоновича признавалось совершенно незаконнымъ, а слѣдовательно и регентство какъ его матери, такъ и Бирона. Новое правительство какъ будто хотѣло вычеркнуть изъ исторіи его царствованіе, признать его вовсе не бывшимъ; всѣ сдѣланныя въ это время повышенія объявлены несостоявшимися (что, впрочемъ, скоро было отмѣнено), всѣ неисполненныя еще рѣшенія тогдашняго правительства велѣно не приводить въ исполненіе; монету съ чеканомъ Іоанна Антоновича приказано представлять для переплавки; указы съ его титуломъ, богослужебныя книги, въ которыя внесена Брауншвейгская фамилія, наконецъ вообще всѣ книги, въ которыхъ упоминаются „бывшія въ два правленія извѣстныя персоны", предписано было высылать въ Петербургъ для уничтоженія. Слѣдствіемъ этого было то, что Іоаннъ Антоновичъ сдѣлался и отчасти доселѣ остался у насъ какимъ-то таинственнымъ лицомъ, о которомъ долго не смѣли не только писать, но и говорить рѣшались не иначе какъ шепотомъ.

Къ царствованію Анны Іоанновны манифестъ 28-го ноября хотя и не относился такъ уничтожительно, однако онъ признавалъ и его нарушившимъ прямой порядокъ престолонаслѣдія. Елисавета Петровна связывала себя непосредственно съ отцомъ своимъ и матерью, а

потому и пожелала возстановить по возможности въ управленіи тѣ формы, которыя существовали при Петрѣ, отмѣнивъ всѣ сдѣланныя послѣ него нововведенія. Кабинетъ съ особыми кабинетъ-министрами былъ уничтоженъ, и Сенату возвращено его правительственное значеніе; нѣкоторыя коллегіи, послѣ Петра слитыя въ одну, были теперь снова раздѣлены, управленія же, послѣ него созданныя, уничтожены. Впрочемъ, всѣ эти перемѣны не имѣли въ себѣ ничего существеннаго. Если не было кабинета, то учреждена была подобная ему или Верховному Совѣту *конференція*. Сенату было запрещено вмѣшиваться въ расходы по придворному вѣдомству, да если ему случалось дѣлать распоряженія непріятныя императрицѣ и по другимъ предметамъ, то она ихъ отмѣняла не стѣсняясь; такъ, когда прибыли въ Москву депутаты Малороссіи, очень въ то время ласкаемой, имъ было назначено Сенатомъ на содержаніе по 10 р. въ мѣсяцъ, по прежнимъ примѣрамъ: но императрица велѣла назначить по 100 р. Вообще возвращеніе къ Петровскимъ порядкамъ доказывали не столько сознаніе преимущества этихъ порядковъ предъ послѣдующими, сколько желаніе новаго правительства уронить въ общественномъ мнѣніи эпоху,—дѣйствительно впрочемъ непривлекательную,—съ 1727 по 1742 годъ.

Изъ болѣе чистаго источника вытекала другая мѣра, не менѣе сильно, хоть и косвенно служившая порицаніемъ предшествовавшимъ правительствамъ. Сохранилось преданіе, что Елисавета Петровна возвратила до 20.000 человѣкъ сосланныхъ въ Сибирь и другія мѣста во время бироновщины. Многихъ находили случайно въ другихъ сибирскихъ деревенькахъ, другихъ вовсе не могли отыскать: они были привезены, брошены и забыты.

Однимъ изъ первыхъ попеченій Елисаветы было вызвать въ Россію своего племянника, сына Анны Петровны. Императрица не хотѣла выходить замужъ, а потому всѣ были увѣрены, что молодой принцъ Голштинскій будетъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Онъ прибылъ въ началѣ 1742 года; ему было тогда около 14 лѣтъ. Лишившись въ дѣтствѣ своей матери, самой умной и дѣльной изъ всѣхъ дѣтей великаго императора, молодой принцъ не зналъ той нѣжной и разумной заботливости, которая развиваетъ и сердце и умъ человѣка; поэтому онъ пріѣхалъ въ Россію мало подготовленный для того чтобы привлечь къ себѣ симпатіи и возбудить надежды своего новаго отечества; напротивъ, онъ съ самаго пріѣзда обнаружилъ нерасположеніе ко всему, что̀ льстило народному чувству и исключительное пристрастіе ко всему нѣмецкому, особенно голштинскому и прусскому. Впрочемъ, къ нему были приставлены учители, наставники, законоучитель; осенью 1742 года онъ принялъ православіе и признанъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ Русскаго престола. Мы возвратимся къ нему и поговоримъ подробнѣе о немъ и о его окружающихъ, а теперь разскажемъ о первыхъ годахъ послѣдовавшихъ за воцареніемъ Елисаветы.

Елисавета наслѣдовала отъ предшествовавшаго правленія войну со Швеціей. Не трудно понять, что не рыцарское желаніе „освободить Россію отъ чужеземцевъ“ было истиннымъ побужденіемъ нашихъ сосѣдей. Они не могли забыть Ништадтскаго мира и имъ казалось что малолѣтство императора, недовольствіе Русскихъ противъ тогдашняго правительства и слабость этого послѣдняго представляютъ всѣ вѣроятности, чтобы возвратить потерянное ими 25 лѣтъ тому назадъ.

Война открылась въ Финляндіи въ 1741-мъ году. Нашимъ главнокомандующимъ былъ старикъ Ласси, а подъ нимъ генералъ Кейтъ. Къ удивленію, нація въ теченіе многихъ лѣтъ жаждавшая войны, не перестававшая о ней твердить, оказалась менѣе къ ней приготовленною, нежели та, которая ея не ждала и не желала и домашнія дѣла которой казались и дѣйствительно были очень запутаны. Небольшая наша армія вступила въ Финляндію прежде, нежели шведскій главнокомандующій Левенгауптъ (старый боевой товарищъ Карла XII) успѣлъ прибыть со шведскими войсками для защиты этой области. Пользуясь этимъ, Ласси быстро подступилъ къ Вильманстранду, на голову разбилъ небольшой шведскій отрядъ и занялъ эту крѣпостцу. Когда же Левенгауптъ высадился на финляндскій берегъ, то наступившая осень не дозволила ему дѣйствовать, и обѣ арміи, по тогдашнему обычаю, расположились на зимнихъ квартирахъ.

Независимо собственнаго непріязненнаго чувства шведской націи къ Россіи послѣ послѣдней войны, оно было возбуждаемо Франціей, которая, преслѣдуя вѣковѣчную свою вражду противъ Австріи, старалась, какъ мы уже знаемъ, низвергнуть правительницу и ея министровъ расположенныхъ къ австрійскому союзу (стр. 181). Помогая Елисаветѣ и даже побуждая ее овладѣть престоломъ, Шетарди имѣлъ въ виду ту же политику, противную Австріи, и обнадеживалъ Швецію, что новая императрица охотно согласится на нѣкоторыя уступки. Но надежды эти оказались химерами: ни Елисавета, ни Бестужевъ не хотѣли и слышать объ уступкѣ даже малѣйшей части Петровыхъ завоеваній. Одно, на что они соглашались, было нѣкоторое денежное вознагражденіе Швеціи. Это казалось недостаточ-

нымъ шведскому правительству и его покровителямъ, и война съ наступленіемъ весны возобновилась.

Ласси повелъ свою армію впередъ. Страна, которую онъ долженъ былъ проходить, изрѣзана горами и покрыта лѣсами; на каждомъ шагу встрѣчались позиціи, которыя могли остановить наше наступленіе, еслибы Шведы приняли мѣры къ ихъ оборонѣ. Но Левенгауптъ стоялъ въ Фридрихсгамѣ и не только не озаботился преградить намъ пути, но даже не укрѣпилъ города, въ которомъ находились всѣ его запасы. Когда Ласси приблизился, шведскій генералъ принужденъ былъ взорвать свои пороховые погреба, сжечь хлѣбные магазины и покинуть городъ со множествомъ пушекъ и другихъ предметовъ, которые истребить было нельзя скоро, и началъ поспѣшно отступать. Нейшлотъ, Тавастгусъ и Кексгольмъ, поочередно оставляемые имъ, были занимаемы Русскими. Левенгауптъ отступилъ и далѣе, къ Гельсингфорсу, и неизвѣстно чѣмъ и гдѣ могло бы кончиться это ничѣмъ необъяснимое отступленіе, еслибы Ласси не сдѣлалъ его болѣе невозможнымъ: онъ обошелъ шведскую армію и поставилъ ее въ необходимость или пробиваться силой, или положить оружіе (1742).

Какъ ни велика была деморализація шведской арміи, благодаря долгому, постоянному ея отступленію, но она была готова на самыя отчаянныя усилія, чтобъ избѣгнуть рѣдкаго въ военной исторіи безчестія. Однако главнокомандующій разсудилъ иначе и подписалъ капитуляцію тѣмъ болѣе постыдную, что армія наша не превышала шведской.

Въ силу заключенной капитуляціи вся шведская пѣхота должна была сѣсть на корабли и возвратиться въ Швецію, кавалерія направиться туда же черезъ Торнео,

а полкамъ, выставленнымъ Финляндцами, было предоставлено разойдтись по домамъ, чѣмъ они и поспѣшили воспользоваться, будучи недовольны господствомъ надъ ними шведскаго правительства. Но несчастія Шведовъ этимъ не кончились; буря потопила часть кораблей, перевозившихъ возвращавшуюся шведскую пѣхоту, а дальній путь, болѣзни и вскорѣ наступившая осень истребили кавалерію, слѣдовавшую сухимъ путемъ. Ласси же, напротивъ, готовился сѣсть на корабли, чтобы внести войну въ самое сердце Швеціи.

Національное чувство Шведовъ было всѣмъ этимъ глубоко оскорблено; вся нація требовала суда надъ Левенгауптомъ, который и былъ преданъ суду и казненъ смертію,—а между тѣмъ шведское правительство принуждено было вступить съ нами въ переговоры. Они продолжались долго, но, наконецъ, лѣтомъ 1743 года былъ подписанъ съ нашей стороны Румянцевымъ (отцомъ Задунайскаго) въ Або трактатъ, которымъ граница наша была подвинута къ сѣверу до Нейшлота со включеніемъ этого города, а къ западу, по берегу Финскаго залива до р. Кюмени и Фридрихсгама включительно.

Это завоеваніе отдаляло границу Швеціи отъ Петербурга на 300 слишкомъ верстъ, слѣдовательно обезопасивало нашу столицу и присоединяло къ русскимъ владѣніямъ часть морскаго берега, безъ обладанія которымъ плаваніе по Финскому заливу не могло быть вполнѣ для насъ безопаснымъ. Выгоды эти были, слѣдовательно, довольно существенны. Но такъ какъ еще ранѣе окончательнаго заключенія мира, именно когда неудачи слѣдовали въ шведской арміи за неудачами, русское вліяніе усилилось въ Швеціи, то преданная союзу съ Россіей партія взяла верхъ на сеймѣ, и по

ея настоянію наслѣдство шведскаго престола было формально предложено молодому принцу Голштинскому. Вызванный въ Россію, для наслѣдованія послѣ Елисаветы Петровны, онъ, разумѣется, не пожелалъ ѣхать въ Швецію, но однимъ изъ условій Абоскаго договора было назначеніе шведскимъ кронпринцемъ роднаго дяди молодаго великаго князя, тоже Голштинскаго принца, который, какъ слѣдовало надѣяться, будетъ намъ добрымъ сосѣдомъ и союзникомъ.

Всѣ эти успѣхи, не маловажные сами по себѣ и льстившіе народному самолюбію, были особенно важны тѣмъ, что они упрочивали положеніе правительства, а послѣ всѣхъ предшествующихъ переворотовъ спокойствіе было тѣмъ болѣе необходимо, что, не взирая на единодушное сочувствіе, которымъ было встрѣчено воцареніе Елисаветы, существовало много обрывковъ старыхъ партій, которыя глухо волновались, было много личныхъ интересовъ и интригъ, которые при неблагопріятныхъ условіяхъ могли нарушить едва утвердившееся спокойствіе.

Первою подобнаго рода опасностію казалась брауншвейгская фамилія. Въ первыя минуты своего торжества Елисавета хотѣла отпустить Анну Леопольдовну съ мужемъ и дѣтьми въ Германію, и уже отправила ихъ къ границѣ черезъ Нарву и Ригу. По несчастію, которое было только началомъ цѣлаго для нихъ ряда бѣдствій, одна изъ маленькихъ принцессъ заболѣла дорогой, что̀ пріостановило путешествіе Брауншвейгской фамиліи; когда же она прибыла наконецъ въ Ригу, ее тамъ задержали и заключили въ Дюнамиидскую крѣпость.

Что̀ могло быть причиною такой перемѣны? Понять не трудно. Императрицѣ было представлено, что Іо-

аннъ Антоновичъ, хотя короткое время, но былъ государемъ, что онъ младенецъ, правда, но будетъ и юношей, и что можетъ когда-нибудь явиться претендентомъ на русскій престолъ. Если не самъ, не по собственному побужденію, то въ рукахъ политическихъ противниковъ Россіи, въ случаѣ какой-нибудь войны, онъ можетъ, представляли императрицѣ, — сдѣлаться опаснымъ орудіемъ. Эти соображенія были очень важны, и вотъ почему Брауншвейгская фамилія была задержана въ Ригѣ.

Лестокъ сильнѣе всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобъ она не была выпущена за границу: онъ представлялъ необходимость заключить ее и при томъ такъ, чтобъ и слѣда ея не было, чтобъ и память о ней исчезла. Это дѣйствительно казалось безопаснѣе; это же совѣтовали Елисаветѣ Петровнѣ и король Прусскій Фридрихъ, составившій уже себѣ большую репутацію политической мудрости. Повинуясь этимъ внушеніямъ, несчастныхъ узниковъ тайно, подъ конвоемъ, препроводили въ Раненбургъ, а черезъ годъ (1744) тайно же, въ закрытыхъ экипажахъ,—на другой конецъ Россіи, въ Холмогоры, гдѣ они были помѣщены въ отдѣльномъ домѣ, огороженномъ высокою стѣной. Здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ приставленныхъ къ нимъ служителей да военной команды, никто не могъ къ нимъ проникнуть. Всякое сношеніе съ живымъ міромъ было прекращено; самая прислуга и солдаты оставались безъ перемѣны и не должны были никуда отлучаться, такъ что только развѣ смерть могла развязать эти страшныя узы. Наконецъ принцъ Іоаннъ былъ разлученъ съ родителями и заключенъ въ Шлюссельбургъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ спустя онъ погибъ трагическою смертію. (См. вып. V.)

Тяжкое заключеніе Брауншвейгской фамиліи было политическою необходимостью, хотя нѣтъ сомнѣнія, что это заключеніе могло бы быть гораздо менѣе сурово. Къ несчастію, оно не положило конца смутамъ.

Всякое новое, особенно неожиданно возникшее правительство имѣетъ противниковъ и всякое старое—приверженцевъ. Были и у Анны Леопольдовны преданные люди. Въ 1742 году Преображенскаго полка прапорщикъ Ивашкинъ и сержантъ Сновидовъ да камеръ-лакей Турчениновъ задумали лишить жизни императрицу и великаго князя, правительницу же возвратить и возстановить на престолѣ Іоанна. Были и между людьми выше поставленными, особенно между придворными, люди преданные Брауншвейгской фамиліи, или привязанные къ ней своими интересами и руководимые иностранными интригами. Мы видѣли, что австрійское правительство имѣло усердныхъ союзниковъ въ Брауншвейгской фамиліи, которую въ свою очередь старался поддерживать австрійскій посланникъ, маркизъ Ботта; непріятный новому двору онъ перебрался въ Берлинъ, но, уѣзжая, рѣшился оставить въ Россіи слѣды своего пребыванія и положить основаніе партіи преданной падшей династіи. Это не замедлило открыться, и вотъ по какому случаю. Нѣкто поручикъ Бергеръ долженъ былъ отправиться въ Сибирь для содержанія караула при бывшемъ гофмаршалѣ Левенвольдѣ; жена кригсъ-коммиссара Лопухина, уволеннаго отъ должности со вступленіемъ Елисаветы, сердечно привязанная къ Левенвольду, пригласила къ себѣ Бергера и поручила ему сказать Левенвольду, что она его помнитъ и совѣтуетъ ему переносить терпѣливо свое несчастіе, „надѣясь на перемѣну къ лучшему“.

Бергеру не было охоты раздѣлять заключеніе быв-

шаго оберъ-гофмаршала, и онъ придумалъ передать слова Лопухиной Лестоку, надѣясь что изъ этого начнется дѣло, въ продолженіе котораго ему можно будетъ оставаться въ Петербургѣ. Лестокъ дѣйствительно не пропустилъ мимо ушей показанія Бергера, которое давало ему случай обнаружить свою преданность императрицѣ и сверхъ того запутать въ это дѣло непріятнаго ему канцлера, потому что Лопухина, на которую послѣдовалъ доносъ, была весьма коротка съ женою канцлерова брата. Онѣ составляли одинъ кружокъ, который послѣ паденія правительницы сдвинулся еще тѣснѣе прежняго: Лопухина пріѣзжала къ Бестужевой сѣтовать объ удаленіи Левенвольда, а Бестужева,—о ссылкѣ своего брата, Головкина.

Лестокъ поручилъ Бергеру заставить проговориться при свидѣтеляхъ кого-нибудь изъ лицъ, близкихъ къ Лопухиной; это было не трудно; у нея былъ сынъ, пустой человѣкъ и гуляка. Бергеръ зазвалъ его въ трактиръ, подпоилъ и заставилъ провраться. Пьяный Лопухинъ говорилъ, что нынѣ времена дурныя, что императрица не имѣетъ правъ на престолъ и что весьма легко можетъ произойдти перемѣна, которая опять возстановитъ Брауншвейгскую фамилію.—„Ботта говорилъ матери моей, — продолжалъ распространяться Лопухинъ,—что онъ не успокоится, пока принцессѣ Аннѣ не поможетъ“.

Эти слова послужили поводомъ къ большому слѣдствію, которое открыло, между прочимъ, что то же самое говорилъ австрійскій дипломатъ Бестужевой и нѣкоторымъ другимъ дамамъ, связаннымъ съ Брауншвейгскою фамиліей. Этихъ несчастныхъ женщинъ, принадлежавшихъ нѣкогда ко двору, а также Лопухиныхъ отца и сына, пытали, но болѣе ничего не вывѣдали,

кромѣ того, что Ботта заявлялъ предъ ними какія-то темныя надежды на возстановленіе правительницы, и что они выражали къ этимъ надеждамъ сочувствіе. Какъ бы то ни было, всей этой болтовнѣ придано значеніе заговора, и судъ приговорилъ: Лопухиныхъ,— мужа, жену и сына, а также Бестужеву колесовать, другимъ четверымъ, въ томъ числѣ одной женщинѣ, отсѣчь головы и еще нѣсколькихъ наказать иными наказаніями. Государыня нѣсколько смягчила этотъ страшный приговоръ: первымъ четыремъ было велѣно урѣзать языки и, бивъ кнутомъ, сослать; остальныхъ, по наказаніи кнутомъ или плетьми, тоже отправить въ ссылку; наконецъ, трехъ наименѣе виновныхъ, выключа изъ службы, послать на житье въ ихъ деревни.

Таковъ былъ еще одинъ изъ длиннаго ряда политическихъ процессовъ, наполнявшихъ нашу исторію XVIII вѣка. Не только мы, имѣющіе на своей сторонѣ цѣлое лишнее столѣтіе цивилизаціи, но и просвѣщеннѣйшіе изъ современниковъ Екатерины II, какъ напримѣръ князь Щербатовъ, горько порицаютъ эти жестокія наказанія за мнѣнія, желанія, сожалѣнія, не переходившія въ дѣло. Но сомнительно, чтобы современники, люди Елисаветинской эпохи, были такого же мнѣнія; борьба партій и интересовъ была слишкомъ сильна, и торжествующіе безъ жалости примѣняли къ побѣжденнымъ до-христіанское правило: vae victis (горе побѣжденнымъ). Правительство считало своею обязанностію прибѣгать ко всякимъ средствамъ для сохраненія спокойствія, и едва ли было тогда много людей, которые осудили бы его за это. Наказавъ Лопухиныхъ, оно потребовало наказанія и маркиза Ботты. Съ другой стороны, и Шетарди долженъ былъ оставить Петербургскій дворъ, гдѣ его присутствіе поддерживало духъ партій.

Но духъ политическихъ интригъ возбужденный всѣми предшествующими событіями было не легко истребить. Одни интриганы сходили со сцены, но вмѣсто ихъ являлись другіе. Въ свитѣ принца Голштинскаго пріѣхали Брюммеръ, бывшій при немъ оберъ-маршаломъ, и извѣстный намъ Берхгольцъ, описавшій прежнее свое пребываніе въ Россіи съ покойнымъ герцогомъ (вып. III, стр. 32 и 93). Первому изъ нихъ захотѣлось играть роль въ Россіи: онъ сблизился съ Лестокомъ и началъ ему помогать противъ Бестужева. Къ нимъ примкнулъ Шетарди, снова пріѣхавшій въ Россію, хоть и не въ качествѣ посланника, но съ тайнымъ порученіемъ и съ полною увѣренностію низвергнуть Бестужева. И вотъ, снова является кучка иностранцевъ очень расположенныхъ захватить правленіе въ свои руки и дѣлать надъ Россіею пробы различныхъ системъ управленія. Однимъ изъ важныхъ средствъ, на которыя оно разсчитывало, былъ выборъ невѣсты для молодаго великаго князя. Елисавета, русская во всѣхъ своихъ привычкахъ, хотѣла, по старинному, женить племянника какъ можно ранѣе, и дѣло это взялся вести, и велъ въ величайшемъ секретѣ, Лестокъ, при помощи Брюммера.

Оба эти человѣка были въ связахъ съ прусскимъ дворомъ и желали усиленія его вліянія въ Петербургѣ, по этому тайну, которую заботливо хранили въ Россіи, они открыли въ Берлинѣ, и выборъ невѣсты для великаго князя былъ сдѣланъ Фридрихомъ Великимъ; онъ указалъ на Софію-Августу, принцессу Ангальтъ-Цербстскую, отецъ которой былъ генераломъ прусской службы. „Великая княгиня, воспитанная и вскормленная въ Пруссіи и обязанная королю всѣмъ своимъ счастіемъ, не можетъ безъ явной неблагодарности дѣйствовать противъ него“, разсуждалъ Фридрихъ.

Выборъ Лестока очень понравился Императрицѣ; но Бестужевъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ, узнавъ что такое важное для его судьбы и судьбы Россіи дѣло устроено помимо него, его противниками. Дѣйствительно, партія Лестока, Брюммера и Шетарди, партія прусско-французская сильно поднялась послѣ этого, и самонадѣянный французскій дипломатъ явно сталъ говорить, что приближается конецъ господству Бестужева. Онъ уже приготовилъ и преемника канцлеру— Воронцова. Но въ рукахъ канцлера были большія средства опрокинуть своихъ враговъ, и онъ употребилъ одно изъ нихъ,—средство вѣрное, хотя, конечно, и не почтенное: онъ сталъ распечатывать письма, которыя Шетарди писалъ французскимъ министрамъ, причемъ не пропускалъ случая показывать государынѣ тѣ изъ нихъ, гдѣ о ней говорилось безъ уваженія, съ порицаніемъ или насмѣшкою. Это скоро разрушило кредитъ нѣкогда очень вліятельнаго Француза; кончилось тѣмъ, что онъ очень безцеремонно былъ высланъ за границу. Вмѣстѣ съ Шетарди, сильно поколебался кредитъ и двухъ его союзниковъ, Лестока и Брюммера. Бестужевъ восторжествовалъ, и хоть средства, которыя онъ для того употребилъ, кажутся теперь гнусными, но слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ на нихъ смотрѣли гораздо снисходительнѣе, и дипломаты постоянно и во всей Европѣ къ нимъ прибѣгали; во всякомъ случаѣ мы не можемъ не признать, что торжество Бестужева избавило Россію отъ новаго, угрожавшаго намъ чужеземнаго господства въ видѣ очень оригинальнаго тріумвирата: лѣкаря-Ганноверца *, французскаго маркиза и нѣмецкаго оберъ-маршала...

---

* Лестокъ, Французъ по происхожденію, былъ ганноверскимъ уроженцемъ.

Принцесса Цербстская съ матерью своею прибыла въ Россію; ей было только 14 лѣтъ. Къ ней немедленно приставили учителей русскаго языка и закона Божія по православному вѣроисповѣданію; черезъ нѣсколько времени она приняла православіе, наречена Екатериною Алексѣевной и въ 1745 году вступила въ бракъ съ великимъ княземъ наслѣдникомъ. Замѣтимъ, что вслѣдъ за бракосочетаніемъ, главный въ этомъ дѣлѣ двигатель, Брюммеръ, былъ уволенъ отъ должности оберъ-маршала великаго князя. Это было еще торжество русской партіи.

По вступленіи на престолъ Елисаветы резиденты разныхъ дворовъ писали, что Россія быстро пошла назадъ ко временамъ до-Петровскимъ. Эти господа считали себя поклонниками великаго императора, а между тѣмъ очевидно не понимали великости совершенныхъ имъ дѣлъ: то, что онъ сдѣлалъ, было не карточный домикъ, на который стоило подуть, чтобъ онъ развалился; Петръ далъ такой толчокъ Россіи, котораго онъ и самъ, еслибы хотѣлъ, не могъ бы удержать; понятія, которыми онъ руководствовался, уже проникали, какъ мы видѣли, въ кругъ образованныхъ людей и подъ вліяніемъ этихъ понятій уже поднялось цѣлое новое поколѣніе. Сама Елисавета Петровна, хоть ее и нельзя отнести къ числу особенно сильныхъ умовъ своего времени, все-таки принадлежала съ этому молодому поколѣнію, и это доказываетъ ея правленіе. Не забѣгая впередъ, къ эпохѣ, когда у престола ея явились вполнѣ просвѣщенные молодые люди, замѣтимъ теперь, что иностранцы могли бы съ удовольствіемъ найти между ея распоряженіями указы противъ бородъ и долгополыхъ кафтановъ; мы же съ неменьшимъ удовольствіемъ замѣчаемъ нѣкоторыя смягченія въ уголов-

ныхъ законахъ и рѣдкое употребленіе смертной казни; если мы видѣли и еще увидимъ и ссылки и пытки, то надо не забывать, что это было время едва наступившаго затишья послѣ долгихъ потрясеній, и происходило въ половинѣ XVIII вѣка, когда и въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ нерѣдко ссылали безъ суда и доискивались истины съ помощію орудій пытки.

Не въ стремленіи назадъ слѣдовало бы упрекнуть новое правительство, а въ томъ что, не будучи руководимо сильною и ясною мыслію, оно слишкомъ часто дѣлалось игралищемъ случайныхъ вліяній и уклонялось отъ цѣлей, указываемыхъ общею государственной пользой, благодаря интригѣ или фаворитизму. Въ числѣ лицъ возвысившихся вслѣдствіе переворота 1741 года, названъ Разумовскій (стр. 188). Онъ былъ сынъ бѣднаго казака нынѣшней Черниговской губерніи; будучи ребенкомъ онъ пасъ стада, но имѣя прекрасную наружность и пріятный голосъ, былъ взятъ въ пѣвчіе къ Елисаветѣ Петровнѣ, попалъ къ ней въ милость, получилъ придворный чинъ, сначала небольшой, потомъ при воцареніи ея сдѣланъ камергеромъ, а вскорѣ за тѣмъ Германской имперіи графомъ, владѣльцемъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, словомъ, открытымъ фаворитомъ, — все это съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду. Разумовскій, будучи человѣкомъ безъ образованія, и, по счастію безъ честолюбія, держался вдали отъ государственныхъ дѣлъ и помогалъ сколько могъ кредиту Бестужева, не потому чтобы находилъ австрійскій союзъ выгоднѣе французскаго, а потому что у Разумовскаго не лежала душа къ Лестоку и вообще къ иностранцамъ. Поэтому, будучи безвреденъ и, въ то же время доступенъ, ласковъ и гостепріименъ, онъ былъ вообще любимъ при дворѣ; опасались его только пьянаго (что

бывало нерѣдко); императрица Екатерина въ послѣдствіи разсказывала, что графиня Шувалова дрожала и служила молебны за своего мужа, когда онъ попадалъ на попойки къ Разумовскому.

Но были однакожь предметы государственнаго свойства, въ которые Разумовскій позволялъ себѣ вмѣшиваться. Это были дѣла духовныя и дѣла касавшіяся Малороссіи. О томъ, какое значеніе имѣло духовенство при Елисаветѣ, мы поговоримъ въ послѣдствіи, а теперь займемся Малороссіей. Мы видѣли что она была сильно обременена во время послѣдней Турецкой войны; но не объ этомъ болѣе всего горевали Малороссы: это были бѣдствія временныя, преходящія: они горевали о томъ, что со времени Мазепы ихъ старинныя права и порядки были все болѣе и болѣе стѣсняемы. Преемникъ Мазепы Скоропадскій былъ гетманомъ скорѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; получивъ это званіе, онъ представилъ по обыкновенію *статьи*, на основаніи которыхъ Богданъ Хмельницкій присягнулъ царю Алексѣю. Петръ утвердилъ ихъ, но въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Царь обѣщаетъ ненарушимо содержать ихъ *по милости своей*“. Это можно было понимать такъ, что царь можетъ, когда признаетъ нужнымъ, и нарушить эти права. И точно они были нарушены. Послѣ смерти Скоропадскаго не было новаго избранія, и все управленіе Малороссіей было сосредоточено въ рукахъ малороссійской коллегіи, т. е. присутственнаго мѣста, въ коемъ членами были и Малоруссы, и Великоруссы на половину, подъ предсѣдательствомъ одного изъ первенствующихъ генераловъ русской арміи. При Петрѣ II опять было дозволено избрать гетмана, но когда, въ 1734 году, умеръ избранный въ это званіе Даніилъ Апостолъ, то новое избраніе снова не было

разрѣшено, и высшее правленіе Малороссіей было снова ввѣрено коллегіи, которая поставлена была въ зависимость отъ главнаго, незначавшагося дворомъ, начальника. Начальники эти были притомъ по большей части Нѣмцы,—Вейсбахъ, Кейтъ, потомъ Минихъ. Наконецъ въ Малороссіи была своя тайная канцелярія, не менѣе ненавистная чѣмъ петербургская. „Преданіе общее и достовѣрное (!) повѣствуетъ о томъ мѣстѣ, гдѣ была министерская канцелярія.—писалъ полвѣка спустя епископъ Георгій Конисскій,—что ежели бы перстомъ руки Божеской изрыть частицу земли на мѣстѣ оном, то ударила бъ изъ нея фонтаномъ кровь человѣческая!“

Извѣстіе Конисскаго очевидно преувеличено. Нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ была тайная канцелярія, тамъ не безъ крови было, и что турецкая война легла на страну тяжелымъ бременемъ; но все это, конечно, было несравненно легче, нежели страшная война, которую Малороссія вела противъ Польши при Хмельницкомъ, и страданія ея сноснѣе тѣхъ, которыя вызвали ее къ этой войнѣ. Религія, которой были такъ преданы Малороссы, не подвергалась поруганію какъ прежде, храмы не отдавались въ аренду Евреямъ, какъ при Полякахъ, правленіе было жестокое, но все же оно было лучше, нежели совершенное безправіе прежнихъ временъ. Напротивъ, со времени Петра правительство начало ограничивать самоуправство полковниковъ, которые предъ тѣмъ управляли своими полками также, какъ польскіе паны своими помѣстьями. Но именно этимъ-то и были недовольны полковники и вся казачья старшина; они дѣйствительно много потеряли; еще болѣе потерялъ гетманъ, который прежде былъ почти самодержавный государь, зависѣвшій только отъ Русскаго государя или Польскаго короля. Вотъ эти-то чиновные, болѣе или

менѣе родовитые люди жаловались на настоящее, сожалѣли о прошедшемъ и твердили о правахъ своихъ, которыя сохранять въ ненарушимости обязался царь Алексѣй.

Отчего же права эти были нарушены? Оттого что никакія установленія не могутъ и не должны быть неизмѣнными. Малороссія, по смыслу договора, подписаннаго при Хмельницкомъ, была совершенно особымъ, почти независимымъ государствомъ, и притомъ государствомъ чисто военнымъ, организованнымъ въ виду исключительныхъ обстоятельствъ: неужели же ему было вѣкъ оставаться въ такомъ видѣ? Неужели войску казачьему вѣчно было оставаться ордою храбрыхъ, положимъ, но безпорядочныхъ всадниковъ посреди всеобщаго совершенствованія военнаго искусства? Неужели было возможно, когда уже начали понимать, что гражданское управленіе требуетъ отъ управляющихъ особыхъ знаній и нѣкотораго приготовленія,—неужели возможно было оставлять, чтобы полковники, то-есть болѣе другихъ хорошіе воины, были въ то же время и гражданскими правителями и судьями? Неужели было бы справедливо, какъ желало малороссійское шляхетство, чтобы великорусскіе помѣщики не имѣли права владѣть имѣніями въ Малороссіи, также какъ и малороссійскіе въ великорусскихъ губерніяхъ? Малороссійское шляхетство было во многихъ отношеніяхъ проникнуто польскими понятіями, а до чего эти понятія довели Польшу—мы видѣли и увидимъ далѣе.

Но прежнее полупольское шляхетское управленіе имѣло, какъ сказано, въ Малороссіи своихъ приверженцевъ. Возвышеніе Разумовскаго открывало недовольнымъ средство дѣйствовать при дворѣ. Депутаты, присланные изъ Малороссіи съ поздравленіемъ по поводу вступленія государыни на престолъ, поспѣшили

поклониться Разумовскому. „Были,—пишетъ извѣстный уже намъ Марковичъ, въ своемъ *Дневникѣ*,—у Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, камергера, нашего Малороссіянина“.—„Бокаловъ по 10 венгерскаго выпили, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—и *подпіяхомъ*“. Разумовскій былъ человѣкъ негордый, и не старался заставить забыть свое происхожденіе; онъ отъ всей души ласкалъ своихъ земляковъ и фраза „*попіяхомъ* у Алексѣя Григорьевича“ очень часто встрѣчается въ *Дневникѣ* Марковича. Попивая и калякая, малороссійскіе депутаты обдѣлывали свое дѣло, такъ что наконецъ получили дозволеніе на возстановленіе гетманскаго достоинства. Дозволеніе это произвело восторгъ между Малороссами, между казаками и особенно между старшиною. Что касается до *поспольства* (крестьянства), то оно не имѣло причинъ радоваться. Да и вообще мы увидимъ сейчасъ, что гетманщиной воспользовались одни Разумовскіе.

У фаворита, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, былъ меньшой братъ, Кириллъ. Еще ребенкомъ онъ былъ выписанъ въ Петербургъ, окруженъ учителями и гувернерами и отправленъ за границу, чтобы довершить свое образованіе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвратился въ Россію двадцатилѣтнимъ юношею, довольно образованнымъ, весьма остроумнымъ и получившимъ въ особенности тотъ лоскъ и то изящество манеръ, которые въ прошедшемъ столѣтіи составляли первое условіе для успѣховъ при дворѣ и въ обществѣ. Это возвращеніе послѣдовало въ то самое время, когда чрезъ его брата шли переговоры о возстановленіи гетманства; когда же эти переговоры пришли къ желаемому для старшины концу, ей былъ предложенъ и совершенно готовый уже гетманъ,—Кириллъ Разумовскій.

Въ 1749 году было формально объявлено соизволеніе государыни на возстановленіе гетманскаго достоинства и на избраніе гетмана по стародавнимъ обычаямъ „вольными голосами“. Всѣ знали однакожь, что гетманъ уже назначенъ, а чтобъ отнять всякое сомнѣніе, то за нѣсколько времени до открытія *рады* (сходки), въ Глуховъ, гдѣ должно было происходить избраніе, пріѣхалъ молодой Разумовскій съ величайшею пышностію, со множествомъ экипажей, верховыхъ лошадей, съ поварами и музыкантами, съ гайдуками и скороходами, и открылъ двери для званыхъ и незваныхъ. Поэтому, когда въ слѣдующемъ году собралась рада и у нея было спрошено, кому быть гетманомъ, не было ни шума, ни споровъ, ни одушевленія, казаки или молчали, или произносили фамилію Разумовскаго. Иначе не могло и быть; вооруженные казаки охраняли площадь, на которой производилось избраніе и впускали только старшину, то-есть людей расположенныхъ голосовать за брата императрицына фаворита.

И сталъ гетманомъ 22-хъ-лѣтній юноша, графъ Разумовскій. Императрица прислала ему вмѣсто поздравленія андреевскую ленту, велѣла отдать весь гетманскій доходъ накопившійся со времени смерти Апостола, значительно увеличила противъ прежняго „ранговыя“ гетманскія имѣнія, пожизненно принадлежавшія гетману, и наконецъ подарила ихъ ему въ собственность, такъ что вмѣсто перваго сановника Малороссіи, Разумовскій сталъ первымъ, богатѣйшимъ ея помѣщикомъ.

Вотъ что̀ выиграли Разумовскіе отъ возстановленія гетманства; а что̀ выиграла Малороссія? Русскія войска, сильно обременявшія страну квартирною повинностію, были оттуда выведены; нѣкоторыя улучшенія были сдѣланы во внутреннемъ управленіи: Малороссія была

раздѣлена на повѣты и въ каждомъ изъ нихъ были учреждены настоящіе, болѣе или менѣе правильные суды; не только управленіе военныхъ начальниковъ, но и названіе ихъ было уничтожено: судьи и писаря назывались не полковыми, а городскими. Все это было, безъ сомнѣнія, улучшенія, но улучшенія не въ томъ смыслѣ, какъ желали люди, добивавшіеся возстановленія гетманскаго достоинства. Эти улучшенія клонились къ уничтоженію старинныхъ особенностей Малороссіи. Украинскіе поэты любятъ выражать сожалѣніе объ утратѣ этихъ особенностей, но казачество отжило свое время: чѣмъ же могла замѣнить его Россія? Разумѣется только тѣмъ устройствомъ, какое сама имѣла. Ничего лучшаго она дать была не въ состояніи: можетъ быть, это было не весьма много, но сомнительно чтобы Польша или Турція,—единственныя страны, къ которымъ Малороссія могла присоединиться при Хмельницкомъ,—дали ей что-нибудь лучшее. Будемъ слѣдовательно читать украинскихъ поэтовъ и ихъ воздыханія о гетманщинѣ, о казачьей славѣ, о казачьей волѣ; но будемъ смотрѣть на это только какъ на поэзію, какъ на сѣтованія о золотомъ вѣкѣ, о вѣкѣ Сатурна.

III.

Сторонники австрійскаго и прусско-французскаго союза.—Паденіе Лестока и судъ надъ нимъ.—Положеніе Европы предъ Семилѣтнею войной.—Фридрихъ II.—Личная непріязнь къ нему императрицы.—Онъ вторгается въ Саксонію безъ объявленія войны. — Различныя вліянія, дѣйствовавшія при нашемъ дворѣ.—Воронцовъ и Шуваловы.—Великая княгиня и малый дворъ.—Версальскій договоръ.—Апраксинъ.—Походъ 1757 года; сраженіе при Гроссъ-Егерсдорфѣ.—Отступленіе Апраксина.—Судъ надъ нимъ.—Судъ надъ Бестужевымъ.—Щекотливое положеніе великой княгини.—Снисходительный приговоръ надъ Бестужевымъ.—Походы Фермора, Солтыкова и Бутурлина: сраженіе при Цорндорфѣ и Кунерсдорфѣ; занятіе Кенигсберга и Берлина.

Со времени Петра I Россія вступила въ кругъ европейскихъ державъ, и ей уже невозможно сдѣлалось не принимать участія въ томъ, что̀ занимало или тревожило европейскую политику, что̀ заставляло государства заключать между собою союзы или начинать войны. Задача нашей дипломатіи должна была состоять только въ томъ, чтобы во всемъ этомъ принимать участіе именно на столько и такъ, чтобъ это было выгодно для Россіи. Къ сожалѣнію, задача эта не всегда строго выполнялась; желаніе играть роль увлекало насъ при Аннѣ Іоанновнѣ, фамильныя привязанности—при Екатеринѣ; мы гонялись за тѣмъ, чтобы за Россіей признанъ былъ титулъ имперіи, какъ будто Россія могла сдѣлаться счастливѣе, а государь ея могущественнѣе отъ того что Испанія или Швеція будетъ титуловать насъ такъ или иначе. Мы увидимъ, что и правительство Елисаветы весьма не чуждо было увлеченій въ дѣлахъ иностранной политики.

Со вступленіемъ на прусскій престолъ Фридриха II, въ Европѣ образовались, какъ сказано было, двѣ коа-

лиціи, или два союза: съ одной стороны Пруссія, Франція и часть Германіи, съ другой Австрія, Англія и другая часть Германіи; независимо этихъ главныхъ дѣйствующихъ актеровъ такъ-называемой войны *За Австрійское Наслѣдство*, другія государства также имѣли свои роли; такъ прусская коалиція, зная тѣсную связь русскаго правительства съ австрійскимъ и желая не допустить нашу армію придти на помощь австрійской, подняла противъ насъ Швецію (1741 г.), возбуждала Польшу и Турцію. Въ то же время какъ Пруссія и Франція, такъ и Австрія съ Англіей щедро сыпали золото, по обыкновенію тогдашней дипломатіи, людямъ, имѣвшимъ при дворѣ нашемъ вліяніе. Лестокъ получалъ пенсіи отъ той и другой стороны.

Это не помѣшало однакожь Россіи довольно благополучно провести свои дѣла сквозь вихорь и бурю тогдашней политики. Очевидно, было бы слишкомъ неблагоразумно, имѣя на рукахъ войну со Швеціей, дать увлечь себя въ новую войну, въ такую войну при томъ, причина и цѣль которой мало касались Россіи. По заключеніи Абоскаго мира настоянія нашихъ союзниковъ усилились, но осторожный Бестужевъ успѣлъ отклонить эти настоянія. Мы дѣлали военныя приготовленія, но не принимали непосредственнаго участія въ войнѣ, а между тѣмъ союза нашего искали обѣ стороны: это было положеніе подобное тому, какое мы видѣли при царевнѣ Софіи, когда и Польша съ Германскимъ императоромъ и Турція старалась привлечь насъ и сулили намъ выгоды. (Вып. I, гл. III.) Но теперь намъ удалось, не потерявъ ни одного солдата, протянуть время до тѣхъ поръ, пока кончилась война „За Австрійское Наслѣдство“; когда же въ Ахенѣ заключенъ былъ миръ между воюющими сторонами (1748), то Россія

была приглашена принять участіе въ мирномъ договорѣ, доказательство большаго значенія той державы, которой такой почетъ предлагается.

Итакъ соперничество Лестока и Бестужева принесло въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть, пользу; не будь этого соперничества, вѣроятно Россія была бы вовлечена въ войну, и врядъ ли отъ этого она что-нибудь выиграла бы. Но какъ два медвѣдя не могутъ ужиться въ одной берлогѣ, такъ и два честолюбца желающіе играть первую роль; Бестужеву, какъ сказано, удалось наконецъ поколебать довѣріе императрицы къ своему врачу (стр. 206): еслибы Лестокъ могъ,—сказала она однажды,—отравить всѣхъ моихъ Русскихъ одною ложкою яда, онъ вѣрно сдѣлалъ бы это.“ За Лестокомъ и за близкими къ нему людьми начали тайно, но неотступно слѣдить. Онъ это замѣтилъ, имѣлъ съ государыней объясненіе, по видимому успокоившее его, но вскорѣ за тѣмъ онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость (1748). Наряжена была надъ нимъ слѣдственная коммиссія, членами которой были, по обыкновенію, его враги. Слѣдствіе тянулось два года и открыло то, что̀ уже извѣстно изъ вышеизложеннаго, то есть, что Лестокъ вмѣшивался во всѣ придворныя и политическія интриги, торговалъ довѣріемъ къ себѣ императрицы и съ вѣтренностью, можетъ быть превосходившею его корыстолюбіе, игралъ судьбою страны, сдѣлавшейся его отечествомъ. Вслѣдствіе всего этого Лестокъ,—блестящій и еще недавно столь могущественный,—пытанный и битый кнутомъ, былъ сосланъ въ Устюгъ, гдѣ и пробылъ до вступленія на престолъ Петра III.

Паденіе Лестока совпадало съ заключеніемъ Ахенскаго мира. Миръ этотъ не надолго успокоилъ Европу, или

правильнѣе, онъ ее не успокоилъ вовсе, и люди даже не самые проницательные, политики не очень дальновидные могли предсказать въ непродолжительномъ времени новую войну между Фридрихомъ и императрицей Германскою Маріей-Терезіей. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было этого не замѣтить. Еще въ второй половинѣ XVII вѣка маленькое герцогство Бранденбургское обнаружило большое честолюбіе и большія претензіи; оно получило титулъ королевства, и хотя при современникѣ Петра I, королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, оно уклонялось отъ всякихъ войнъ, но старый король, скупой и осторожный, какъ будто приготовлялъ своему честолюбивому и предпріимчивому сыну средства дать новое, сильнѣйшее развитіе наслѣдственному честолюбію Бранденбургскаго дома. Прежніе короли прусскіе признавали надъ собою первенство Германскаго императора; они видѣли въ немъ главу имперіи, которой были членами,— Фридрихъ II словомъ и дѣломъ показывалъ, что онъ себя считаетъ вполнѣ независимымъ государемъ, такимъ же какъ самъ императоръ. Въ Австріи смотрѣли на только-что оконченную войну почти какъ на возмущеніе Пруссіи; Фридрихъ держался того мнѣнія, что онъ точно также въ правѣ воевать или мириться съ императоромъ, какъ король Французскій или Англійскій. Поэтому австрійское правительство искало случая вновь наложить свое господство на Пруссію, прусское,—новыми успѣхами, новыми ударами Австріи, уничтожить навсегда подобныя претензіи.

Поэтому какъ съ той, такъ и съ другой стороны спѣшили воспользоваться миромъ, чтобы приготовиться къ новой войнѣ,—устроить свои финансы, увеличить свою армію, обставить себя новыми союзниками. Дѣятельный, проницательный Фридрихъ очень хорошо по-

внималъ свое положеніе, и какъ казна его, такъ и войско были въ отличномъ состояніи; онъ нетолько не боялся войны, но какъ будто вызывалъ своихъ противниковъ.

Рѣдко бываютъ люди такъ щедро одаренные природою, какъ Фридрихъ; дальновидный политикъ, геніальный полководецъ, отличный администраторъ, онъ былъ въ то же время однимъ изъ остроумнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени; писалъ стихи, занимался музыкой и первенствовалъ какъ въ средѣ своихъ министровъ и дипломатовъ, такъ и въ кругу литераторовъ и художниковъ, которыми любилъ себя окружать. Его эпиграммы облетали всю Европу, возбуждая зависть Вольтера и повторяясь тысячами устъ; но за то онѣ же дѣлали ему и множество враговъ. Фридрихъ не всегда могъ обуздать свое остроуміе, и ѣдкость его остротъ, болѣе нежели задирчивость его политики, возбудила лично противъ него непріязнь при русскомъ и францускомъ дворахъ. Тогдашніе дипломаты очень много занимались мелочами и наполняли депеши свои столько же политическими извѣстіями, сколько придворными анекдотами и сплетнями, платя за сообщеніе ихъ большія деньги. Такимъ образомъ шутки и насмѣшки Прусскаго короля надъ извѣстною маркизою Помпадуръ, имѣвшею огромное вліяніе при Людовикѣ XV, были ей передаваемы и сдѣлали ее смертельнымъ врагомъ Прусскаго короля; точно также всякія сплетни доходили до Маріи-Терезіи и до Елисаветы Петровны. Эту послѣднюю возмущалъ кромѣ того недостатокъ въ Фридрихѣ религіознаго чувства. „Онъ въ Бога не вѣруетъ, говаривала набожная государыня; въ церковь никогда не ходитъ; для него нѣтъ ничего святаго“.

Бестужевъ поддерживалъ такое расположеніе нашей государыни, а Лестока усерднаго ходатая за прусско-

французскій союзъ, уже не было; отношенія между Россіей и Пруссіей становятся все холоднѣе и непріязненнѣе; кончилось тѣмъ, что въ 1750 году посланникъ нашъ при берлинскомъ дворѣ былъ отозванъ и дипломатическія сношенія съ Пруссіей были прекращены. Франція, съ своей стороны, не только отстала отъ союза съ Пруссіей, но совершила вещь *чудовищную*, по словамъ французскихъ историкокъ: вступила въ тѣсную дружбу съ Австріей и постановила имѣть съ нею общихъ друзей и враговъ.

Такимъ образомъ, Европа снова раздѣлилась на два лагерь, хотя и въ совершенно новомъ порядкѣ: съ одной стороны были Австрія, Франція и Швеція, увлеченная въ новую войну надеждою возвратить Померанію (потерянную при Карлѣ XII); съ другой—Пруссія и Англія; Германія, какъ и прежде, раздѣлилась, и часть ея пристала къ одной, а часть къ другой сторонѣ. Что̀ касается Россіи, то склоняясь явно на сторону Австріи, она еще колебалась, принять ли участіе въ приготовлявшейся войнѣ, или выжидать дальнѣйшихъ событій.

Впрочемъ, и безъ участія Россіи, сторона, державшаяся Австріи, была очевидно сильнѣе противной. Единственная союзница Пруссіи,—Англія, имѣя весьма небольшую сухопутную армію, не могла оказать ей сильной помощи. Поэтому Фридрихъ рѣшился предупредить соединеніе всѣхъ непріятельскихъ армій противъ себя и кинуться на ту изъ нихъ, которая была ближе всѣхъ, хотя война еще не была формальнымъ образомъ объявлена. Неожиданно вторгнулся онъ въ 1756 году въ Саксонію, вступившую въ союзъ съ Австріей, и овладѣлъ Лейпцигомъ и Дрезденомъ. Курфирстъ Саксонскій (онъ же и король Польскій), отсту-

пилъ въ Богемію, но былъ тамъ окруженъ и вынужденъ положить оружіе.

Такимъ образомъ, Фридрихъ обезоружилъ одного изъ своихъ враговъ; но за то онъ усилилъ противъ себя негодованіе тѣхъ изъ нихъ, которые еще не испытали пораженій. Франція и Австрія ускорили свои военные сборы и удвоили настоянія при нашемъ дворѣ. Старанія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но чтобы понять, почему мы легче дали вовлечь себя въ войну теперь, чѣмъ 10—15 лѣтъ предъ тѣмъ, надо обратить вниманіе на вліянія, которымъ въ это время подчинялась императрица.

Съ самаго начала ея царствованія, какъ уже было сказано, замѣчается вокругъ нея кружокъ людей, преданныхъ союзу съ Франціей Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководители этого кружка,—Шетарди и Лестокъ,—были низвергнуты; но оставался еще графъ Воронцовъ, издавна близкій человѣкъ императрицѣ, содѣйствовавшій ея вступленію на престолъ. Онъ былъ сдѣланъ вице-канцлеромъ и въ этомъ званіи являлся постояннымъ противникомъ политики Бестужева. Такая постоянная оппозиція сильному канцлеру едва ли прошла бы даромъ всякому другому, но Воронцовъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ императрицы (племянницѣ Екатерины I), графинѣ Скавронской, пользовался лично большою ея довѣренностію и, наконецъ, опирался на весьма сильную фамилію Шуваловыхъ.

Шуваловыхъ было два брата, Александръ и Петръ Ивановичи; оба они, подобно Воронцову, издавна состояли при дворѣ Елисаветы Петровны. Старшій, Александръ Шуваловъ, отличался безусловною преданностію государынѣ и цѣнимый ею за это,былъ преемникомъ Ушакова въ управленіи тайною канцеляріей. Другой

братъ, Петръ, имѣлъ замѣчательный государственный умъ и пользовался при дворѣ большимъ значеніемъ, въ чемъ ему много помогала жена его, искренняя пріятельница императрицы.

У этихъ Шуваловыхъ былъ еще двоюродный братъ, извѣстный Иванъ Ивановичъ, въ послѣдствіи покровитель Ломоносова и учредитель Московскаго университета, а въ началѣ своей карьеры,—подобно Кириллу Разумовскому,—одинъ изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей, образчикъ при нашемъ дворѣ версальской молодежи. Опредѣленный въ пажи графинею Шуваловой, онъ своею пріятною наружностію и особенно изяществомъ манеръ, обратилъ вниманіе двора. былъ отличенъ императрицею (1749) и въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣлъ такое значеніе, что, въ свою очередь, сталъ покровительствовать своимъ двоюроднымъ братьямъ. Не управляя никакою особенною частію, не имѣя никакого особенно виднаго положенія въ управленіи, но пользуясь довѣренностію императрицы и втайнѣ руководимый своимъ двоюроднымъ братомъ Петромъ, онъ оказывалъ однакожь вліяніе на все управленіе страной. „Всѣ дѣла большія и малыя проходятъ чрезъ руки фаворита“, писалъ въ 1755 году англійскій посланникъ, жалуясь на то, что французское вліяніе начинаетъ брать верхъ въ Петербургѣ надъ прочими. Самъ старый канцлеръ сказалъ однажды съ досадою: „Бѣда наша въ томъ, что у насъ есть молодой фаворитъ, который говоритъ по-французски, любитъ французскій языкъ и французскія моды и желаетъ, чтобы къ намъ присланъ былъ французскій посланникъ“.

Какъ желалъ Шуваловъ, такъ и случилось; большое торжественное посольство было прислано отъ французскаго двора въ Петербургъ.

Но рядомъ съ новымъ и сильнымъ вліяніемъ Шуваловыхъ поднималось другое, не столько явное, но болѣе глубокое по своимъ послѣдствіямъ, вліяніе великой княгини. Екатерина Алексѣевна, прибывъ въ Россію, приняла православіе и начала учиться русскому языку: то и другое было необходимо, чтобы сдѣлаться супругою наслѣдника Русскаго престола. Но сдѣлавшись русскою великой княгинею она пожелала быть Русскою и во всѣхъ отношеніяхъ: исполняла обряды и постановленія нашей церкви съ величайшею точностію, не щадя трудовъ, изучала русскій языкъ и охотно говорила по-русски, очаровывая своихъ приближенныхъ столько же привѣтливостью, остроуміемъ и образованностью, сколько желаніемъ усвоить все то, что особенно дорого русскому національному чувству.

Это уваженіе, оказываемое иностранкою по происхожденію, русскому языку и русскимъ обычаямъ, издавна уже подвергавшимся пренебреженію, дѣлалось еще разительнѣе чрезъ сравненіе съ полнымъ отчужденіемъ ея супруга отъ всего русскаго. Великій князь создалъ себѣ посреди Петербурга особый, маленькій міръ изъ прибывшихъ съ нимъ и пріѣхавшихъ въ послѣдствіи голштинскихъ и прусскихъ офицеровъ. Принимая всѣ ихъ обычаи, онъ утромъ экзерцировалъ нѣсколько сотъ солдатъ, данныхъ въ полное его распоряженіе, а вечеромъ курилъ съ ними табакъ и слушалъ ихъ тяжеловѣсные *вицы* (остроты).

Совершенно иначе держала себя великая княгиня. Получивъ въ родительскомъ домѣ весьма несовершенное образованіе, она, войдя въ сознаніе, съ жаромъ принялась читать и учиться. Не только современныя знаменитости французской литературы, Вольтеръ, Руссо и др., были ею прочтены и изучены, но изучены были

и писатели болѣе серьезные, какъ напримѣръ Монтескьё и знаменитый въ то время юристъ, Беккаріа. Великая княгиня знала и писателей классической древности, весьма немногимъ близко знакомыхъ у насъ въ то время между самыми образованными мущинами. Все это создало великой княгинѣ совершенно исключительное положеніе. Подчиненная строгому этикету и пользуясь не весьма благосклоннымъ расположеніемъ императрицы, мало цѣнившей познанія, особенно въ женщинѣ, держась, повидимому въ сторонѣ отъ дѣлъ и политики, великая княгиня умѣла однако такъ поставить себя, что всѣ понимали, что въ ея молодой изящной головѣ заключается болѣе ума, находчивости, рѣшимости и даже политическаго смысла, чѣмъ въ большей части старыхъ головъ, украшенныхъ напудренными париками. „Великую княгиню любятъ и уже боятся“, писалъ англійскій посланникъ еще въ 1755 году.

Что̀ касается до внѣшней политики, то симпатіи Екатерины Алексѣевны были на сторонѣ Англіи: слишкомъ большаго сближенія какъ съ Австріей, такъ и съ Франціей она не одобряла, но не осмѣливалась громко высказывать этого, потому что шуваловская партія постоянно возбуждала противъ нея подозрѣніе императрицы, которая часто повторяла про нее: „она слишкомъ умна; она воображаетъ, что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ“.

За то Бестужевъ, хотя и тайно и осторожно, начиналъ заискивать у молодаго двора и засылалъ вѣрныхъ людей къ великой княгинѣ, увѣрялъ ее въ своей полной къ ней преданности, а великому князю подъ секретомъ сообщалъ, что онъ душевно желалъ бы не доводить дѣлъ до разрыва съ Пруссіей... Много австрійскаго, прусскаго, англійскаго и французскаго золота было въ

это время разсыпано въ Петербургѣ! Воронцовъ, какъ свидѣтельствуютъ современники, выстроилъ свой великолѣпный домъ (нынѣ пажескій корпусъ) на гинеи, полученныя отъ Англіи, сближенію съ которой однакожь онъ тайно противодѣйствовалъ... Вотъ почему война между Пруссіей и Австро-Франціей уже началась, а у насъ еще не было рѣшено окончательно, какой политикѣ слѣдовать. Только въ самый послѣдній день 1756 года былъ подписанъ „актъ о присоединеніи къ заключенному въ Версаліи оборонительному трактату“. Воронцовъ и Шуваловы восторжествовали надъ „молодымъ дворомъ“ и надъ Бестужевымъ. Россія приняла участіе въ войнѣ извѣстной подъ именемъ *Семилѣтней*.

Въ Лифляндіи было собрано до 80.000 войска, которое только ожидало приказанія выступить. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Апраксинъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей Бестужева, впрочемъ, человѣкъ безъ военныхъ способностей и познаній, „одинъ изъ самыхъ толстыхъ и неуклюжихъ людей въ мірѣ“, великій богачъ и смѣшной любезникъ въ женскомъ обществѣ. Пока полки стягивались къ Ригѣ, онъ ослѣплялъ Нѣмокъ своимъ тяжелымъ великолѣпіемъ; когда же эти передвиженія кончились и армія выступила въ походъ, онъ изумилъ и ее: „ужасная свита военныхъ людей всякаго рода окружала его,—пишетъ въ своихъ чрезвычайно любопытныхъ *Запискахъ* одинъ изъ бывшихъ въ арміи офицеровъ, Болотовъ: зрѣлище сіе представлялось намъ тогда еще впервые и было для насъ поразительно, ибо пышность сего шествія такъ была велика, что иной государь не выѣзжаетъ на войну съ таковою“ —„Всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, пишетъ князь Щербатовъ, съ самою роскошью, при зву-

кѣ оружій и безпокойствѣ маршей, ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли; обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ".

Впрочемъ, начало кампаніи Апраксина было удачно (1757). Этому много помогли обстоятельства. Непріятели со всѣхъ сторонъ вступали въ Пруссію: Французы со стороны Ганновера, германскіе союзники императрицы Маріи-Терезіи со стороны Саксоніи, австрійская армія изъ Моравіи, Русскіе изъ Польши и, наконецъ, Шведы готовились сдѣлать дессантъ въ Померанію. Что дѣлать было въ такомъ положеніи Фридриху съ его небольшими силами? Кинуться на ту армію, которая была ближе, потомъ на другую и, если возможно, разбить ихъ по одиночкѣ. Такъ велитъ военное искусство; такъ Фридрихъ и сдѣлалъ. Онъ быстро налетѣлъ на Австрійцевъ, но потерпѣлъ жестокое пораженіе. А между тѣмъ непріятели наступали со всѣхъ сторонъ. Французы заставили положить оружіе почти 50-ти тысячную армію Фридриховыхъ союзниковъ и грабили и разоряли союзныя Пруссіи германскія земли. Австрійцы, послѣ своей побѣды, смѣло двинулись впередъ и проникли до Берлина, который былъ принужденъ заплатить имъ контрибуцію (окупъ); Шведы сдѣлали высадку въ Померанію и въ то же время Апраксинъ вступилъ съ востока въ прусскія владѣнія.

Онъ взялъ безъ сопротивленія Мемель и съ огнемъ и мечомъ подвигался къ Кралевцу (Кенигсбергу). Фридрихъ не могъ отдѣлить противъ него больше 30-ти тысячъ войска, которому было велѣно сколь возможно задерживать Русскихъ, но не вступать въ рѣшительное сраженіе. Защищаясь и отступая, Пруссаки приблизились къ Кенигсбергу: здѣсь они рѣшились испытать счастія въ сраженіи. Близъ деревни Гроссъ-Егерсдорфъ прои-

зошло кровопролитное сраженіе; Пруссаки были жестоко разбиты и Кралевецъ былъ имъ открытъ. Минута была отчаянная! Въ виду обѣихъ столицъ королевства стояли непріятели; четыре арміи, съ четырехъ, сторонъ, топтали прусскую землю; въ распоряженіи короля оставалось не болѣе 20.000 человѣкъ. Все казалось потеряннымъ; Фридрихъ готовился къ смерти въ сраженіи, или посредствомъ самоубійства... и вдругъ онъ получилъ извѣстіе, что русская армія начинаетъ поспѣшно отступать по той же дорогѣ, по которой пришла.

Извѣстіе это было справедливо. Апраксинъ покинулъ Пруссію и черезъ польскія владѣнія возвращался усиленными маршами къ русской границѣ. Никто не могъ понять этого; французскій и австрійскій дворы, черезъ своихъ посланниковъ, сдѣлали о томъ сильныя представленія императрицѣ. Она и сама нѣкоторое время ничего не знала объ этомъ, потому что была опасна больна; когда же оправилась, то сдѣлала распоряженіе о назначеніи другаго главнокомандующаго, а надъ Апраксинымъ наряжено было слѣдствіе; но онъ умеръ послѣ перваго допроса.

Такимъ образомъ, причины, побудившія его къ поспѣшному возвращенію въ Россію, остались нераскрытыми и не вполнѣ разъяснены еще до настоящаго времени. Ретираду Русскихъ объясняютъ двумя предположеніями. Одни полагаютъ, что Бестужевъ, видя болѣзнь императрицы и опасаясь ея смерти, хотѣлъ угодить наслѣднику престола, великому князю, прекращеніемъ военныхъ дѣйствій противъ его героя, короля Прусскаго. Другіе думаютъ, что Бестужевъ замышлялъ устранить отъ престола великаго князя и возвести на оный младенца его сына, подъ опекою великой княгини, или сдѣлать ее соправительницею ея мужа, либо самой ей

доставить корону. Которое изъ этихъ извѣстій ближе къ правдѣ,—еще нѣтъ данныхъ чтобъ рѣшить; но мы можемъ замѣтить здѣсь, что Бестужевъ подвергшійся опалѣ при Елисаветѣ (о чемъ будетъ сейчасъ разсказано), и остававшійся въ немилости при Петрѣ III, былъ возвращенъ ко двору тотчасъ по вступленіи на престолъ Екатерины; это даетъ поводъ думать, что Бестужевъ имѣлъ въ виду такъ или иначе приблизить къ правленію великую княгиню.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но всеобщій голосъ возлагалъ на Бестужева отвѣтственность за внезапное отступленіе нашей арміи, начальникъ которой былъ, какъ всѣ знали, однимъ изъ преданнѣйшихъ его друзей. Шуваловы, французскій и австрійскій посланники громко обвиняли его въ преступныхъ замыслахъ. Они достигли того, что Бестужевъ сдѣлался подозрителенъ императрицѣ, и она дала приказаніе арестовать его, и назначить слѣдствіе. Вмѣстѣ съ нимъ было арестовано нѣсколько другихъ лицъ, причемъ не осталось незамѣченнымъ, что нѣкоторые изъ нихъ были въ сношеніяхъ съ великою княгинею: въ числѣ арестованныхъ были ея брилліантщикъ и ея учитель русскаго языка; секретарь великаго князя по голштинскимъ дѣламъ, преданный Екатеринѣ Алексѣевнѣ, былъ высланъ за границу. Говорили также,—и это совершенно справедливо,—что Бестужеву удалось, во время самаго слѣдствія, уничтожить какія-то важныя бумаги. Все это подало при дворѣ поводъ къ самымъ злорѣчивымъ слухамъ. Чтобы прекратить ихъ великая княгиня формально просила императрицу отпустить ее въ Германію, потому что всѣ эти сплетни, говорила она, истощаютъ ея терпѣніе и дѣлаютъ ея положеніе невыносимымъ. Императрица не согласилась на это, и при-

дворные толки замолкли. Что̀ касается Бестужева, то онъ былъ удаленъ отъ занимаемыхъ имъ должностей, лишенъ знаковъ отличій, названъ въ изданномъ по этому случаю манифестѣ *бездѣльникомъ* и *измѣнникомъ* и сосланъ въ одно изъ своихъ имѣній.

Это рѣшеніе и вообще процессъ Бестужева должны остановить наше вниманіе. Канцлеръ, какъ сказано, въ виду опасной болѣзни императрицы, замышлялъ повидимому сдѣлать въ пользу великой княгини какое-то измѣненіе въ порядкѣ престолонаслѣдія. Мы видѣли, какая судьба постигла за подобные же замыслы Девіера съ товарищами, Долгоруковыхъ и нѣк. др. Приговоръ надъ Бестужевымъ сравнительно съ ними весьма снисходителенъ: этого нельзя не замѣтить. Еще болѣе замѣчательно то, что во время слѣдствія и суда Бестужевъ не только не былъ пытанъ, но даже содержался арестованнымъ въ собственномъ домѣ: это обстоятельство также заслуживаетъ особаго вниманія; наконецъ, необыкновенно замѣчательны слѣдующія слова манифеста, объясняющія характеръ наряженной надъ Бестужевымъ слѣдственной коммиссіи: коммиссія эта должна была „выслушивать больше добровольныя его показанія и признанія, нежели обыкновенною строгостію, которой съ нимъ ни мало употреблено не было, вынудить оныя.“ Еслибъ это были только *слова*, то это были бы *золотыя слова*; но они оправдывались и самымъ дѣломъ; нельзя было бы и въ настоящее время производить слѣдствія болѣе гуманнымъ, болѣе человѣколюбивымъ образомъ. Что̀ же касается самаго приговора надъ Бестужевымъ, то его снисходительность поразительна, ибо хотя выраженій: „*измѣнникъ*, *состарѣвшійся въ злодѣяніяхъ*,“ отнесенныхъ въ этомъ приговорѣ къ Бестужеву, и нельзя принять въ буквальномъ

значеніи, не возможно, съ другой стороны, не назвать преступнымъ замыслъ измѣнить самовольно порядокъ престолонаслѣдія.

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Петербургѣ, у двора, война продолжалась. Отступленіе Русскихъ дало отдыхъ Фридриху; онъ кинулся на Французовъ и на голову разбилъ ихъ въ знаменитомъ сраженіи при Розбахѣ; потомъ точно также разбилъ онъ Австрійцевъ. Это дало ему возможность приготовиться къ кампаніи слѣдующаго года. Генералъ Ферморъ, назначенный нашимъ главнокомандующимъ, вступилъ въ 1758 году въ восточную Пруссію, занялъ Кралевецъ, но былъ разбитъ при Цорндорфѣ. Сраженіе было страшно упорное. Пишутъ, что Фридрихъ, замѣтивъ огромный уронъ, происшедшій въ его арміи отъ этого сраженія, сказалъ, что легче перебить, чѣмъ побѣдить Русскихъ... Какъ бы то ни было, наше правительство было недовольно Фермором и поручило на слѣдующій годъ командованіе графу Петру Семеновичу Солтыкову, который сильно способствовалъ въ 1730 году возстановленію самодержавія. Солтыковъ, получивъ повелѣніе дѣйствовать въ связи съ Австрійцами, перешелъ за Одеръ и угрожалъ Бреславлю. Король Прусскій, стѣсняемый Шведами, Французами и германскими арміями, собралъ до 50.000 солдатъ и кинулся на встрѣчу Русскимъ, которыхъ было 70.000. Разница въ числѣ была не очень велика и Пруссаки были увѣрены въ побѣдѣ, но всѣ ихъ усилія сломились о стойкость русской арміи. Они дѣлали чудеса храбрости; король самъ бросался въ огонь съ своими баталіонами; подъ нимъ убито двѣ лошади: ничто не помогло. Поражаемые нашею артиллеріей, отбиваемые штыками, гонимые конницею, Пруссаки не отступили, а побѣжали, оставивъ въ ру-

кахъ нашихъ всю свою артиллерію. „Неужели ни одно ядро не поразитъ меня!“ воскликнулъ въ отчаяніи Фридрихъ.

Битва эта, происходившая близъ деревни Кунерсдорфъ, была самая жестокая во всю войну. Солтыковъ писалъ о ней: „Если я еще выиграю такую побѣду, то реляцію о ней долженъ буду привести въ Петербургъ самъ“. Но побѣда была все-таки на нашей сторонѣ; къ сожалѣнію, мы не воспользовались своимъ успѣхомъ и не преслѣдовали Фридриха; между нашимъ и австрійскимъ главнокомандующими начались пререканія, которыя избавили Фридриха отъ окончательной погибели.

Въ кампанію 1760 года русскія войска проникли до Берлина; но удержать его не могли, да и вообще дѣйствовали безъ плана и цѣли; на слѣдующій годъ Солтыковъ былъ замѣщенъ Бутурлинымъ, нѣкогда любимымъ гофъ-юнкеромъ Елисаветы, въ бытность ея цесаревной,—человѣкомъ добрымъ, но никогда не заявлявшимъ военныхъ способностей. Генералъ этотъ пространствовалъ все лѣто 1761 г. по восточной Пруссіи и Силезіи, спорилъ и ссорился съ австрійскими генералами и ровно ничѣмъ не ознаменовалъ своего похода, который, по счастію, былъ послѣднимъ. Смерть императрицы, послѣдовавшая въ концѣ года, разорвала союзъ нашъ съ Австріей и Франціей, а вступленіе на престолъ Екатерины II и вовсе прекратило участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ.

IV.

Полезна ли была Россіи война съ Пруссіей?—Что она намъ стоила?—Число жителей въ Россіи по 2-й ревизіи.—Бродяжничество, разбои.—Раскольники. — Обращеніе иновѣрцевъ. — Изданіе библіи.—Духовенство.—Жизнь въ провинціи небогатыхъ дворянъ.—Пробужденіе охоты къ ученію въ дворянскомъ сословіи. — Первоначальное воспитаніе юношества.

Приступая къ союзу противъ Пруссіи, наше правительство не имѣло, повидимому ясно опредѣленной цѣли; по крайней мѣрѣ не ранѣе какъ въ 1758 году, уже занявъ восточную Пруссію, было съ нашей стороны заявлено о желаніи получить вознагражденіе; мы выразили желаніе удержать за собою завоеванныя у Пруссіи земли, въ случаѣ успѣшнаго окончанія войны. Подобныя же требованія были заявлены, но гораздо ранѣе, и другими союзниками. Они замышляли вычеркнуть Пруссію изъ числа европейскихъ державъ и раздѣлить ее между собою. Но это былъ планъ химерическій вообще, а мысль о присоединеніи къ Россіи части Пруссіи, отдѣленной польскими владѣніями, поражаетъ безсвязностію. Подобное завоеваніе (предполагая, что его можно было бы удержать) имѣло бы серіозное значеніе лишь въ томъ случаѣ, еслибъ его предполагалось отдать Польшѣ за уступку намъ Западной Руси; но какъ ни хотѣлось бы допустить подобныя соображенія со стороны нашей политики, подтвержденія имъ мы не находимъ. Къ сожалѣнію, вѣрнѣе кажется, что мы просто дали увлечь себя совѣтами иностранныхъ дипломатовъ. Замѣчательно, что немедленно послѣ смерти Елисаветы, Петръ III обратилъ русское оружіе за Пруссію и противъ

Австріи: доказательство, что либо въ томъ, либо въ другомъ случаѣ, или даже въ обоихъ, интересы Россіи не были приняты во вниманіе. А между тѣмъ вмѣшательство въ распрю между Пруссіей и Австріей стоило намъ до 300.000 человѣкъ и до 30 милл. рублей, которые могли бы принести много пользы дома, сдѣлать много добра внутри государства.

Мы уже знаемъ, что при Петрѣ Великомъ въ первый разъ произведена была народная перепись (В. III, гл. XXIV); при этомъ оказалось, что въ Россіи состояло около $5^1/_2$ милл. человѣкъ мужскаго пола, обложенныхъ подушною податью. Въ 1743 году произведена была вторая ревизія, по которой оказалось $6^1/_2$ милл. податныхъ мужскаго пола душъ. Правда, обѣ эти цифры нельзя признать точными, потому что какъ при Петрѣ, такъ и при Елисаветѣ народъ питалъ какой-то суевѣрный ужасъ къ переписи и старался отъ нея уклониться; но все-таки эти цифры даютъприблизительное понятіе о числѣ жителей въ обѣ означенныя эпохи и объ увеличеніи народонаселенія въ 20-лѣтній періодъ времени. Обыкновенно полагаютъ что общее число жителей въ Россіи въ эпоху первой ревизіи, въ 1723 году, простиралось до 15—16 милл. лицъ обоихъ половъ, то-есть, превосходило приблизительно втрое число лицъ обложенныхъ подушною податью. Основываясь на этомъ, мы можемъ вывести заключеніе и объ общемъ числѣ жителей въ описываемую эпоху: полагая, что и въ 1743 году осталось прежнее отношеніе между податнымъ и неподатнымъ, мы найдемъ, что Россія при Елисаветѣ имѣла 19—20 милл. общаго населенія.

Такое приращеніе не мало, но это обстоятельство заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что условія, въ

коихъ находилось наше отечество въ 20-ти-лѣтній промежутокъ между помянутыми ревизіями, не могутъ почитаться эпохою благоденствія, особенно для народной массы. Если и были въ то время нѣкоторыя улучшенія, то они коснулись исключительно высшихъ классовъ, а положеніе крестьянъ сдѣлалось хуже прежняго съ установленіемъ регулярныхъ армій, съ усиленіемъ крѣпостной зависимости и увеличеніемъ роскоши между помѣщиками. Имѣются акты офиціальные и несомнѣнные, рисующіе ужасающую картину положенія страны въ промежутокъ между первую и вторую ревизіями. Припомнимъ факты, разсказанные на стран. 122 — 129 этого выпуска. Припомнимъ, что помимо истребленія народа войнами, суровою и въ мирное время военною службою и болѣзнями, противъ которыхъ еще не принимали тогда никакихъ мѣръ, до 400 т. человѣкъ ушло за границу. Припомнимъ, что цѣлыя селенія уходили неизвѣстно куда, что многіе изъ людей, покинувшихъ свою осѣдлость, натыкались на раскольничьи скиты и оставались въ нихъ, находя не только пріютъ и безопасность, но одобреніе и похвалу, ибо жизнь внѣ гражданскихъ обязанностей составляла по понятію иныхъ, заслугу; другіе принуждены были промышлять воровствомъ и разбоемъ. Законодательство первой (а отчасти и второй) половины XVIII вѣка наполнено указами, имѣющими цѣлію поимку разбойничьихъ шаекъ; военныя команды безпрестанно отправляемы бывали для ихъ преслѣдованія; правительство назначало награды тѣмъ, которые изловятъ и представятъ разбойниковъ или ихъ укрывателей. Но все это мало помогало, и на Волгѣ въ половинѣ XVIII вѣка, какъ во время Олеарія, разгуливали удалыя лодки, налетали на купеческія и даже казенныя барки, грабили или потопляли ихъ; цѣлыя селенія открыто занимались

укрывательствомъ бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, получая за это часть награбленной добычи и дѣлясь ею съ тѣми, которымъ поручалось истребленіе воровства и разбоя.

Это укрывательство бѣглыхъ было дѣломъ разсчета со стороны однихъ, равнодушія и невѣдѣнія законовъ со стороны другихъ; но были и такіе, которые, какъ выше замѣчено, покровительствовали бѣглымъ сознательно. Это были раскольники, нѣкоторыя секты коихъ считаютъ бродяжничество какъ бы догматомъ. Подчиняться ревизіямъ и паспортамъ есть великій грѣхъ по ихъ мнѣнію; и теперь, также какъ при Петрѣ (Вып. III, Гл. XXIV), они продолжали трепетать „антихристовой печати", и нерѣдки были случаи самосожигательства. Вообще должно замѣтить, что царствованіе Елисаветы, которое, какъ мы видѣли, было гораздо мягче предшествующихъ, почитается раскольниками однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Почему же такъ? Потому что Елисавета была очень набожна, очень радѣла о православіи, а радѣніе о православіи было въ ея понятіи, какъ и въ понятіи духовенства, да едва ли и не всѣхъ набожныхъ людей того времени,—нераздѣльно съ преслѣдованіемъ религіознаго разномыслія. Такъ, императрица однимъ изъ своихъ указовъ повелѣла выслать за границу всѣхъ Евреевъ. Евреи проживали въ Малороссіи еще во время польскаго владычества и вмѣстѣ съ нею поступили подъ русскую державу; они жили также, хоть и не въ большомъ количествѣ, въ нѣкоторыхъ прибалтійскихъ городахъ, и если сельское населеніе вообще тяготилось ими, то они оживляли торговлю городовъ. Поэтому, Нѣжинъ и Рига ходатайствовали о дозволеніи Евреямъ оставаться попрежнему, представляя ихъ людьми полезными для Россіи:

„никакого интереса не желаю отъ враговъ вѣры Христовой", отвѣчала на это государыня, вполнѣ увѣренная, что совершаетъ великій христіанскій и государственный подвигъ. Къ чему же, однако, привела эта мѣра? Евреи, подъ разными предлогами и различными тайными средствами, умѣли найти возможность остаться въ Малороссіи; указъ о ихъ высылкѣ за границу послужилъ только къ незаконному обогащенію тѣхъ, которымъ было поручено его исполненіе.

Точно также, не взирая на строгія мѣры противъ раскола, расколъ усиливался и умножался. Разоренныя селенія раскольниковъ снова выстраивались, срытыя ихъ молельни немедленно по удаленіи воинскихъ командъ воздвигались наново; а между тѣмъ къ прежнимъ раскольничьимъ сектамъ прибавились новыя и, между прочимъ, весьма замѣчательная секта *духоборцевъ*, имѣющая сходство съ нѣкоторыми лютеранскими сектами. Секта эта не признаетъ священства, сохраняетъ весьма строгую нравственность, гнушается войною, всякимъ пролитіемъ крови и вообще всякимъ насиліемъ, и богослуженіе ея состоитъ главнѣйше въ проповѣдяхъ.

Религіозная ревность государыни имѣла обширный кругъ дѣйствія въ отношеніи многочисленныхъ иновѣрцевъ, населяющихъ Россію. Въ Свіяжскѣ, въ центрѣ бывшаго татарскаго царства, была учреждена особая коммиссія, имѣвшая цѣлію распространить христіанство въ заволжьи; къ Калмыкамъ, Вогуламъ, Остякамъ, Бурятамъ, Тунгузамъ, въ отдаленную Камчатку были посылаемы миссіонеры; къ нѣкоторымъ кавказскимъ народамъ—тоже. Тамъ, гдѣ миссіи искусно и настойчиво вели дѣло проповѣди, гдѣ мѣстное духовенство принимало въ немъ искреннее участіе, дѣло шло успѣшно;

но очень часто успѣхъ былъ только видимый; между Татарами Казанской губерніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ крестилось 360.000 человѣкъ, и главный двигатель свіяжской коммиссіи, архимандритъ Дмитрій Сѣченовъ, не безъ основанія повидимому могъ себя считать апостоломъ заволжья. Но большею частію Татары крестились, потому что новокрещенцы получали нѣкоторыя льготы; окрестившись же, они попрежнему продолжали ходить въ мечети, такъ что въ послѣдствіи велѣно было разрушать мечети въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ вмѣстѣ съ мусульманами жили новообращенные христіане. Многія тысячи между Калмыками приняли крещеніе (между прочимъ, предки нынѣшнихъ князей Дондуковыхъ); но нѣсколько лѣтъ спустя, будучи недовольны своими приставами, уложили свои кибитки и откочевали въ степи Средней Азіи. Точно также было и между Осетинами, кавказскимъ племенемъ нѣкогда исповѣдывавшимъ христіанство и потомъ мало-по-малу обратившимся въ язычество; да и не удивительно: въ царствованіе Елисаветы три миссіонера проникли въ осетинскія горы, но послѣ нихъ тридцать лѣтъ никто не продолжалъ начатаго дѣла; тѣ изъ Осетинъ, которые приняли крещеніе, никѣмъ не поддерживаемые и не руководимые, скоро стали такими же язычниками, какими были предъ тѣмъ.

Не станемъ, впрочемъ, удивляться, что христіанская пропаганда не вездѣ производилась съ желаемымъ искусствомъ, что она прибѣгала къ средствамъ прельщенія, или къ угрозѣ, и рѣдко дѣйствовала съ необходимымъ терпѣніемъ и настойчивостію; пропаганда можетъ производиться съ успѣхомъ только тогда, когда она является въ видѣ избытка внутреннихъ силъ, которыя неудержимо рвутся внаружу. Духовенство же наше было, не взирая на свою многочисленность, слабо

если не понедостатку ревности къ православію, то потому что было мало развито. Довольно сказать, что въ концѣ царствованія Елисаветы считалось не болѣе 26 духовныхъ училищъ. Поэтому, если гдѣ христіанская проповѣдь шла успѣшно, то это должно отнести къ искусству и усердію отдѣльныхъ лицъ. Въ Камчаткѣ, напримѣръ, проповѣдь производилась съ успѣхомъ и соединялась съ распространеніемъ грамотности: въ иркутскомъ краѣ, между Бурятами и Тунгузами—тоже самое; въ Астрахани была учреждена семинарія для приготовленія проповѣдниковъ между Калмыками. Для единовѣрцевъ нашихъ, Грузинъ, напечатаны были евангеліе и другія священныя книги, наконецъ,—и это большая заслуга описываемаго времени,—издана была и пущена въ продажу по весьма дешевой цѣнѣ библія. Странное дѣло: Русскій народъ не безъ основанія считается набожнымъ; лучшимъ, а для многихъ грамотныхъ людей прежняго времени и единственнымъ чтеніемъ были священныя книги: между тѣмъ съ 1663 по 1750 годъ не было ни одного изданія библіи!

Среди людей глубоко религіозныхъ, какими были наши предки, духовенство имѣло большое значеніе; но это значеніе умалилось въ сравненіи съ предшествующими временами. Еще въ XVII вѣкѣ свѣтскіе люди хорошихъ фамилій поступали въ священники, въ XVIII это случалось только въ Малороссіи. Произошло это отъ многихъ причинъ. Петръ I открылъ дворянству, и даже отчасти простолюдству, широкую дорогу къ чинамъ и богатству посредствомъ государственной службы; поэтому положеніе священника сдѣлалось уже менѣе привлекательнымъ. Притомъ, съ учрежденіемъ свѣтскихъ школъ, люди, поступивши въ нихъ съ самаго дѣтства, выходили на дорогу, которая есте-

ственно не могла ихъ привести къ рясѣ; съ другой стороны, духовенство заводило исподоволь школы, которыя тоже начинали принимать исключительный характеръ; такимъ сбразомъ, мало-по-малу изъ духовенства образовалось совершенно отдѣльное сословіе, которое не принимало въ свою среду постороннихъ людей и немногихъ выпускало изъ себя для государственной службы или иной свѣтской дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе однакожь въ описываемое время сельскій священникъ былъ лицомъ близкимъ и крестьянину, и помѣщику, особенно небогатсму; въ рѣдкой дворянской усадебкѣ мы не встрѣтили бы приходскаго священника частымъ и почетнымъ гостемъ. „Весьма важную особу, пишетъ извѣстный уже намъ Болотовъ, составлялъ въ нашемъ домѣ нашъ приходскій попъ“. Онъ былъ ежедневнымъ гостемъ матери нашего автора, ея совѣтникомъ и наставникомъ не только въ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ, но давалъ ей совѣты по поводу случавшихся тяжбъ и споровъ съ сосѣдями. Какъ въ семействѣ Болотовыхъ, такъ было и въ большей части провинціальныхъ дворянскихъ семействъ. Священники же и церковники бывали обыкновенно первыми учителями дѣтей небогатыхъ дворянъ. Тотъ же Болотовъ пишетъ между прочимъ слѣдующее; „Первую радость родителямъ моимъ доставилъ я выученіемъ почти наизусть одного апостола изъ посланія къ Коринѳянамъ, начинающагося сими словами: „облецытеся убо яко избранніи Божіи“. Кто же научилъ этому ребенка? безъ сомнѣнія кто-нибудь изъ духовныхъ лицъ. Другой современникъ, Даниловъ, разсказываетъ съ большою подробностію обученіе свое и еще нѣсколькихъ мальчиковъ у дьячка. Вообще можно сказать, что сто лѣтъ назадъ каждый небогатый дворянинъ начи-

налъ свое образованіе по букварю Ѳеофана Прокоповича и подъ руководствомъ какого-нибудь церковнослужителя.

Названные два современника, Болотовъ и Даниловъ, знакомятъ насъ съ образомъ жизни тогдашняго провинціальнаго дворянства. Припомнимъ вопервыхъ, что дворянство по стародавнимъ понятіямъ, было *служилымъ* сословіемъ и въ этомъ качествѣ обязано было отправлять военную и гражданскую службу. При царяхъ, когда не было постоянной арміи, дворяне должны были покидать свои помѣстья только въ случаѣ призыва на войну; но со времени Петра и по случаю частыхъ войнъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, почти все дворянство находилось постоянно въ походахъ; даже и тѣ изъ дворянъ, которые за ранами или по другимъ причинамъ увольняемы были изъ военной службы, и тѣ рѣдко могли возвратиться въ свои дома, потому что число гражданскихъ должностей увеличилось и дворянство же должно было ихъ замѣщать, такъ что кто не могъ по увѣчью продолжать военной службы, тотъ назначаемъ былъ въ гражданскія должности.

При Екатеринѣ I уже было обращено вниманіе на разстройство хозяйства и на дурное управленіе крестьянами, происходящія отъ постоянныхъ отлучекъ помѣщиковъ изъ ихъ имѣній; чтобы помочь этому, старались уменьшать число гражданскихъ должностей, давали продолжительные отпуски военнымъ офицерамъ, а эти послѣдніе разными увертками успѣвали длить свое пребываніе въ деревняхъ многіе мѣсяцы и даже годы. Тѣмъ не менѣе однакожь мы видѣли какъ пусты и разорены были помѣщичьи усадьбы въ царствованіе Анны Іоанновны (стр. 126). Почти то же было и при Елисаветѣ; по словамъ Болотова, въ деревняхъ жива-

ли одни только старики, не могущіе больше нести службу за болѣзнію и дряхлостію, или жены и вообще семейства военно-служащихъ офицеровъ.

Словоохотливый Болотовъ, описывая мельчайшія обстоятельства своей жизни, знакомитъ насъ со всѣми подобностями быта средней руки помѣщика въ царствованіе Елисаветы; слѣдующія черты изъ его *Записокъ* могъ бы присвоить каждый изъ его современниковъ, принадлежавшихъ къ среднему дворянству.

Домъ родителей Болотова былъ деревянный, безъ фундамента, съ огромною тесовою крышей. Объ изяществѣ архитектуры нечего и говорить; даже условія простаго удобства не были соблюдены; такъ изъ семи покоевъ заключавшихся въ этомъ домѣ, только три были обитаемы, другіе были кладовыя, чуланы и отдѣлены были отъ главныхъ комнатъ холодными сѣнями. Какъ снаружи, такъ и изнутри стѣны были просто бревенчатыя, голыя; полы и потолки голые же, деревянные, некрашенные; вся мебель состояла изъ лавокъ, по старинному придвинутыхъ къ стѣнамъ, изъ длиннаго дубоваго стола въ переднемъ углу, подъ образами, да еще изъ небольшаго количества стульевъ или креселъ выражавшихъ собою уже нѣкоторую претензію на удобство. Забившись, особенно зимою, въ одинъ или два маленькіе тепленькіе покойца, дворянское семейство тамъ и спало, тамъ и обѣдало, тамъ и гостей принимало. Иногда, особенно въ день храмоваго праздника, именинъ и проч. къ матери Болотова наѣзжали и гости, сосѣдніе помѣщики. „*Первую особу*“ между ними составлялъ, пишетъ Болотовъ, одинъ высокорослый старичокъ, „человѣкъ недальней бойкости“ и безграмотный, а жена его „была самая шлюшечка“.

По этимъ двумъ образцамъ *первой особы* и его жены можно составить себѣ понятіе и объ остальныхъ. И неудивительно. Старики того времени могли помнить первые указы противъ бородъ и длинныхъ одеждъ; они прикасались къ тому поколѣнію, которое возмущалось противъ этихъ распоряженій. Дворяне уже, правда, не носили въ описываемое время бородъ, но ходили въ длиннополыхъ одеждахъ, какія теперь носятъ мелкіе купцы и церковники; жены ихъ большею частію носили тѣлогрѣи и платочки на головѣ, и вотъ какъ проводили время эти достопочтенные люди. „По утрамъ бывали у насъ обыкновенно праздничные завтраки, тамъ обѣды, а за ними почиванье; тамъ закуска и заѣдка; послѣ того чай, а тамъ ужинали. Спали всѣ на землѣ, повалкою, а по утру, проснувшись, принимались опять за ѣду...“

Такъ описываетъ Болотовъ образъ жизни мелкаго дворянства; подобно этому описываетъ и Даниловъ свою родню, бѣдныхъ дворянъ, до того бѣдныхъ, что жена одного изъ нихъ сама ходила въ поле жать. Бѣдностью своею, одиночествомъ, а также большими разстояніями и худыми, не безопасными отъ разбойниковъ дорогами, люди эти вообще бывали принуждены къ одинокой, почти затворнической жизни, дичали, загрубѣвали и черствѣли.

Можетъ-быть, люди болѣе зажиточные вели совершенно иной образъ жизни? Тотъ же Болотовъ даетъ намъ и на это отвѣтъ. Вотъ какъ описываетъ онъ общество людей той же эпохи (1750), принадлежавшихъ къ другому, нѣсколько болѣе достаточному кругу въ окрестностяхъ Пскова. Болотовъ вводитъ насъ въ домъ своей сестры, гдѣ праздновались ея именины. Гостей съѣхалось множество, обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. „Псковскіе

дворяне любили тогда быть веселы и заставлять въ компаніяхъ нерѣдко разносить рюмки. *Понабравшись* немного за столомъ, захотѣлось имъ послѣ онаго повеселиться еще долѣе. У г. Суморокаго была своя музыка, зять мой постарался, чтобъ онъ привезъ ее съ собою. Музыки не были тогда такія огромныя, какъ нынѣ. Ежели скрипочки двѣ-три умѣли играть польскіе, менуэтъ и контрдансы, такъ и довольно. Немногіе сіи иструменты можно было возить съ собою въ колясках, а музыкантамъ отправлять должность лакеевъ". Потребовали лакеевъ-музыкантовъ;молодежь стала танцовать, старушки играли въ карты; старички распивали наливки; „а какъ подгуляли, то начали и они танцами веселиться. Музыка должна была играть то, что̀ имъ было угодно, и по большей части русскія плясовыя пѣсни, дабы подъ нихъ плясать было можно. Не успѣли сего начать, какъ принуждены были и боярыни покинуть свои карты, и дѣлать имъ свою компанію. Къ музыкѣ присовокуплены были потомъ и дѣвки съ своими пѣснями, а на смѣну имъ наконецъ созваны умѣвшіе пѣсни пѣть лакеи, и такъ поперемѣнно, то тѣ, то другіе утѣшали подгулявшихъ господъ до самаго ужина".

Таковы были наши предки *на людяхъ*; одни, дома они были похуже, и этому много способствовала, кромѣ недостатка просвѣщенія, уединенность усадьбъ и отсутствіе въ нихъ всякаго сторонняго взора, всякой критики, всякаго контроля. Вполнѣ увѣренный, что все что̀ ни дѣлается въ усадьбѣ, *шито и крыто*, привыкшій посреди своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и холопей ничѣмъ не стѣснять своего произвола, помѣщикъ того времени доходилъ до такой степени самодурства, что нынче это понять трудно. Былъ, напримѣръ, на свѣтѣ нѣкто Головинъ,—не бѣдный помѣщикъ, посы-

ланный Петромъ за границу. Возвратясь въ Россію и отпущенъ будучи на житье въ деревню, онъ зачудилъ въ одиночествѣ и дошелъ до совершеннаго юродства. Всякій день къ нему должны были являться всѣ сановники его сельскаго управленія,—староста, прикащикъ, дворецкій, ключникъ и пр., всякій день назначенная для того женщина должна была, пропуская ихъ въ комнату барина, произносить имъ слѣдующее наставленіе, всегда одно и то же: „Входите—смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, къ государю; кланяйтесь низко его боярской милости и помните жь—смотрите, на-крѣпко.“—Тогда начинались донесенія бородатыхъ сановниковъ—каждаго по своей части, всегда однимъ и тѣмъ же порядкомъ, одними и тѣми же словами; выборный, напримѣръ, докладывалъ: „Во всю ночь, государь нашъ, вокругъ всего вашего боярскаго дома ходили, въ колотушки стучали, въ трещетки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли; въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громко говорили. Нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замаски не клевали; на крыши не садились и на чердакѣ не возились.“ Староста такъ оканчивалъ свой рапортъ: „Во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: дома ваши, господскіе, богатѣютъ, скотина ихъ, лошади, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся; на землѣ трясенія не слыхали и небеснаго явленія не видали. Котъ Ванька и баба Зажигалка въ Ртищевѣ проживаютъ и по приказу вашему боярскому невѣйку (невѣянную рожь) ежемѣсячно получаютъ; о преступленіи

своемъ ежедневно воздыхаютъ и васъ, государь нашъ, слезно умоляютъ, чтобы вы гнѣвъ боярскій на милость положили и ихъ бы, виновныхъ рабовъ своихъ, простили.“ Преступленія же кота и бабы заключались въ томъ, что первый поѣлъ господскую рыбу, а вторая по неосторожности подпалила село.

Такъ юродствовалъ очутившись въ глуши, безъ сношенія съ людьми, человѣкъ, повидимому, прежде не глупый, потому что онъ былъ замѣченъ Петромъ I. Но чудачество Головина было довольно безвредно; одиночество, отсутствіе всякаго контроля и почти неограниченный произволъ помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми бывали причинами дѣлъ, возмущающихъ душу. Даниловъ разсказываетъ слѣдующее про одну вдову-помѣщицу, великую, впрочемъ, богомолку, ежедневно заставлявшую читать себѣ акаѳисты, пѣть молебны и т. п., „Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною, только признаюсь, сколько времени у ней я не жилъ, не помню того чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки. Какъ скоро она примется свои щи любимыя кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать: это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе“.

Такъ жило современное дворянство; картина не привлекательная! Замѣтимъ однакожь: это — картина уже отживавшихъ тогда обычаевъ. Потребность просвѣщенія начинала чувствоваться владѣльцами самыхъ глухихъ и отдаленныхъ усадьбъ. Люди стараго времени не хотѣли сами измѣнять своихъ обычаевъ, но старались дѣтей своихъ воспитать инымъ образомъ. И къ

этому понуждали не только царскіе указы; сила вещей къ тому приводила. Возьмемся опять за Болотова. Отецъ его всю жизнь свою странствовалъ съ полкомъ изъ Украйны въ Швецію, изъ Петербурга на Дунай, и странствія эти, какъ всякія странствія, доставляя случай видѣть, сличать и сравнивать, не могли не способствовать его развитію и, между прочимъ, не дать ему почувствовать пользу просвѣщенія. Онъ покупалъ книги, занимался музыкою и завелъ въ полку своемъ оркестръ. Съ самаго ранняго возраста своего сына онъ уже началъ думать, какъ бы его образовать. Первое книжное значеніе ребенка доставило, по словамъ Болотова, великую радость его родителямъ: этого мы не замѣчаемъ въ прежнее время, по крайней мѣрѣ между среднимъ дворянствомъ; дворяне Петрова времени сокрушались, а дворянки слезно плакали, отпуская по приказу государеву дѣтей своихъ „въ науку“. Напротивъ того, Болотовъ-отецъ пользуется каждымъ случаемъ чтобъ научить сына чему-нибудь; оказывается въ полку солдатъ изъ Нѣмцевъ,—онъ беретъ его къ сыну въ учителя; располагается полкъ по квартирамъ въ Курляндіи,—маленькаго Болотова отдаютъ въ домъ къ какому-то дворянину, у котораго для сына выписанъ хорошій учитель изъ Нѣмцевъ; наконецъ отецъ и мать рѣшаются разстаться съ сыномъ, чтобъ помѣстить его въ петербургскій пансіонъ,и эти добрые люди радуются мысли, что ихъ дѣтище будетъ образованнѣе, умнѣе ихъ. „Родитель мой, пишетъ Болотовъ, не преминулъ меня проекзаменовать во всѣхъ моихъ занятіяхъ. Онъ доволенъ былъ, что я по-французски сколько-нибудь научился, любовался моими рисунками“.

Болотовъ-отецъ радовался не даромъ: молодое поко-

лѣніе пошло далѣе стараго. Сынъ Болотовъ употреблялъ послѣднія свои копѣйки на покупку книгъ, не разставался съ ними ни въ крестьянскихъ избахъ, во время стоянки съ полкомъ на квартирахъ, ни въ походѣ и, собираясь на войну, набивалъ ими свои вьюки. Пребываніе съ полкомъ въ прибалтійскихъ провинціяхъ, гдѣ небогатые дворяне охотно принимали „геръ-поручика", хорошо говорящаго по нѣмецки, время проведеннос съ полкомъ въ Пруссіи, въ продолженіе Семилѣтней войны,—все это осталось не безъ вліянія на развитіе молодаго человѣка, который, наконецъ, возвратился въ свое наслѣдственное имѣніе далеко уже не тѣмъ, чѣмъ были его сосѣди - ровесники. И такихъ людей какъ Болотовъ, были сотни если не тысячи. Если служба и разстраивала ихъ имѣнія, то она способствовала ихъ образованію; въ свою очередь, они дѣлались орудіями, посредствомъ которыхъ образованіе проникало внутрь Россіи.

Вообще польза грамотности и образованія была скоро понята русскимъ дворянствомъ. Современникъ Болотова, изъ *Записокъ* котораго мы кое-что уже извлекли, Даниловъ, пишетъ что его отецъ, крайне бѣдный дворянинъ, самъ обучалъ грамотѣ своихъ многочисленныхъ дѣтей; неподалеку отъ его усадьбишки случился грамотный дьячокъ,—мальчишекъ стали посылать къ нему для *усовершенствованія* въ чтеніи и письмѣ; наконецъ, нашлись родственники, болѣе или менѣе достаточные люди, которые, имѣя учителей при дѣтяхъ своихъ приняли къ себѣ въ домъ бѣдныхъ ребятишекъ. Другіе помѣщики, если имѣли возможность, опредѣляли дѣтей въ кадетскій корпусъ или въ какую-нибудь изъ военныхъ школъ, учрежденныхъ правительствомъ,—и вотъ цѣлый рой дѣтей, родившихся въ нищетѣ и грубости,

мало-по-малу вступалъ въ число людей болѣе или менѣе образованныхъ, какъ напримѣръ, Даниловъ, о которомъ мы говоримъ, какъ Державинъ, Фонъ-Визинъ, Потемкинъ и тысячи другихъ.

Надо признаться, тяжело доставалось нашимъ дѣдамъ ихъ незавидное образованіе! Розги, какъ мы уже знаемъ, считались первымъ условіемъ воспитанія. „Памятно мнѣ, восклицаетъ Даниловъ, мое ученіе у Брудастаго (пономаря) и поднесъ, и по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою; я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ тогда была лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока ввечеру, и половины прочитать не могъ; за то послѣдняя резолюцію: меня, какъ непонятнаго, *сѣчь*“.

Чему и какъ учили единственные деревенскіе педагоги того времени,—церковники,—мы уже видѣли; не лучше ихъ были и другіе воспитатели тогдашняго юношества. Нѣмецъ-солдатъ, приставленный къ Болотову, сѣкъ его немилосердо; Даниловъ разсказываетъ, что въ артиллерійской школѣ, куда былъ записанъ его братъ, одинъ учитель „тогда содержался въ смертномъ убійствѣ въ третій разъ подъ арестомъ“; о подобномъ же учителѣ разсказываетъ и Державинъ. Но эти несовершенства тогдашняго воспитанія не помѣшали молодому поколѣнію, родившемуся послѣ Петра, быть не-

сравненно болѣе образованнымъ, а главное, несравненно болѣе расположеннымъ къ просвѣщенію, чѣмъ поколѣніе предшествующее. Но все это относится исключительно къ служилому сословію, начинавшему выдѣляться изъ общей массы народа и образовываться въ особую корпорацію, высшую, „благородную“.

Вообще въ это время Русская нація начинаетъ группироваться въ отдѣльныя корпораціи съ особыми правами, занятіями и даже съ исключительными чертами быта и нравовъ. Дворянство, сильно возбужденное приманками служебныхъ отличій, войнами, въ которыхъ оно участвовало, новыми странами и людьми, на которыя оно насмотрѣлось, начало быстро вступать въ круга европейскихъ понятій. Совершенно иной характеръ выработывался въ сословіи духовныхъ, еще съ половины предшествующаго вѣка объявившаго себя за преданія и противъ нововведеній. Чѣмъ сильнѣе съ одной стороны дѣйствовалъ въ Россіи духъ нововведенія, тѣмъ сильнѣе спротивлялось ему духовенство, не рѣдко отталкивая и доброе вмѣстѣ съ новизнами пустыми и безполезными.

Мы уже знаемъ, что Петръ думалъ первоначально употребить духовенство для распространенія въ народѣ образованія. Въ школы, которыя были учреждены въ Петрово время при архіерейскихъ домахъ, должны были поступать люди всякаго званія, но школы эти, за исключеніемъ новгородской, о которой заботился умный епископъ Іона, шли изъ рукъ вонъ плохо и такъ мало успѣли привлечь къ себѣ, что нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не имѣли учениковъ; въ 1744 году въ этихъ школахъ, по всей Имперіи, было только 222 ученика. Не стоило содержать ихъ, и онѣ были закрыты. Купцы рѣшительно не хотѣли посылать въ нихъ дѣтей своихъ, находя что это отнимаетъ у нихъ время, которое

они могли бы провести съ пользою въ домѣ родителей и помогать имъ въ торговлѣ; тѣ же, которые желали обучить своихъ сыновей счету и грамотѣ, нанимали дьячковъ и подъячихъ,—да и такихъ было мало. А про крестьянъ и говорить нечего: ни они сами, ни помѣщики не видѣли никакой надобности учить ихъ чему бы то ни было, кромѣ управленія сохою.

V.

Понятіе о шляхетствѣ или дворянствѣ въ XVIII вѣкѣ.—Графъ П. И. Шуваловъ.—Межеваніе, начертаніе Уложенія, банки, таможни.—Откупа.—Жадность, надменность и расточительность Шувалова.—Роскошь Елисаветинскихъ вельможъ.—Обычаи Голштинскаго двора.—Общество великой княгини.—Развитіе вкуса въ обществѣ.—Постройки и спектакли.—Сумароковъ.—Волковъ.—Начало русской труппы (1756).—Ломоносовъ какъ поэтъ и ученый.—И. И. Шуваловъ.—Московскій университетъ (1755).—Смерть Елисаветы Петровны (1761).

Въ предшествующей главѣ было замѣчено, что около половины XVIII вѣка начинаетъ складываться новое у насъ понятіе—о дворянствѣ, или, какъ тогда часто говорили, о шляхетствѣ. Слово *дворянинъ* употреблялось изстари, но оно не имѣло вполнѣ опредѣленнаго значенія и вообще означало *служилаго человѣка*, то-есть человѣка, обязаннаго служить отечеству, и за то пользующагося правомъ владѣть деревнями. Со времени же сближенія нашего съ Европой оно получаетъ тотъ смыслъ, какой оно тамъ имѣло, то есть начинаетъ означать *благороженнаго* человѣка, передающаго свое благородство и дѣтямъ, имѣющаго исключительное право

на владѣніе населеннымъ имѣніемъ и которому преимущественно открыты всѣ пути государственной службы.

Такъ понималъ дворянство и Петръ I. Немного было въ тогдашней Россіи людей способныхъ и готовыхъ служить общему дѣлу. Петръ вездѣ ихъ отыскивалъ, отвсюду ихъ бралъ и, ставя въ обязанность каждому изъ нихъ воспитывать дѣтей своихъ приличнымъ образомъ, дѣлалъ дѣтей этихъ наслѣдниками правъ и преимуществъ ихъ отцовъ.

Князь Дмитрій Голицынъ (цар. Анны гл. II) обнаруживаетъ желаніе образовать нѣчто еще высшее, нежели дворянство,—аристократію съ политическимъ значеніемъ. Мысль Голицына не была поддержана: дворянство оскорбилось тѣмъ, что его хотятъ отодвинуть на второй планъ, и выразило желаніе устроиться особымъ сословіемъ, съ преимуществами и правами *исключительными*, ему одному только принадлежащими. Въ запискѣ поданной въ 1730 году Верховному Совѣту, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, желаніе, чтобъ „шляхетство въ матросы и ремесла не писать“; далѣе сказано: „чтобъ подлинное шляхетство извѣстно было, того ради всему, во всемъ государствѣ сдѣлать роспись, не включая тѣхъ, которые изъ солдатъ, рейтаръ, гусаръ, однодворцевъ и подъячихъ, хотя бъ и многія деревни имѣли, развѣ на шляхетство или пожалованныя деревни грамоты жалованныя имѣютъ; однакожь и тѣхъ всѣхъ, хотя бы изъ какого чина ни были, и деревни уже имѣютъ, написать въ особую книгу“.

Здѣсь уже обнаруживается совсѣмъ не та мысль, которою руководствовался Петръ; уже не служба отечеству и даже не владѣніе деревнями, а одно рожденіе выставляется правомъ на шляхетство, по крайней мѣрѣ

на чистое, *столбовое* шляхетство. Это уже понятіе въ Россіи вполнѣ новое, пришедшее къ намъ съ Запада. Иностранцы и остзейскіе дворяне усилили оное въ царствованіе Анны Іоанновны; сухопутный корпусъ открытъ былъ при ней для одного шляхетства, при той же императрицѣ снята съ одного дворянства обязанность служить до смерти или до изнеможенія, въ царствованіе Елисаветы открыты были въ Москвѣ двѣ гимназіи,—изъ коихъ одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ, такъ что и здѣсь шляхетство становилось отдѣльно отъ прочихъ сословій. Наконецъ, въ слѣдующія за тѣмъ два царствованія права и преимущества дворянъ получили окончательное развитіе и опредѣлены формальнымъ закономъ, что̀ образовало изъ него особое, первенствующее, привилегированное сословіе. Но объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь мы обратимся къ изученію внутренняго положенія Россіи въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы.

Во второй половинѣ этого царствованія на дѣла внутренняго управленія имѣлъ большое вліяніе графъ Петръ Шуваловъ,—„человѣкъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный“. Эта характеристика Шувалова, сдѣланная княземъ Щербатовымъ, очень вѣрна въ отношеніи какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ Шувалова. Это былъ весьма способный государственный человѣкъ. Мысли его не всегда можетъ быть вѣрны и согласны съ дѣйствительными выгодами народа, но всегда широки и замѣчательны. Онъ сдѣлалъ предположеніе о всеобщемъ въ Россіи размежеваніи земель и началъ приводить его въ исполненіе, что чрезвычайно важно для едва учреждавшагося у насъ гражданскаго порядка; при неимѣніи правильно

опредѣленныхъ границъ, землевладѣльцы не знали хорошенько, что̀ принадлежитъ имъ и что̀ не принадлежитъ, а отъ этого бывали безпрестанные захваты и возникало множество тяжебъ. По предположенію Шувалова же приступлено было къ большимъ законодательнымъ работамъ имѣвшимъ цѣлію собрать всѣ указы изданные Петромъ I и его преемниками, и пополнить ими Уложеніе, составленное при царѣ Алексѣѣ Оба эти важныя предположенія не получили въ царствованіе Елисаветы полнаго своего развитія, но они послужили указаніемъ Екатеринѣ II, которая, какъ увидимъ, вполнѣ ими воспользовалась къ великой славѣ своей и ко благу страны.

Болѣе сдѣлано было Шуваловымъ по финансовой части. По его плану учреждены были для дворянства и купечества заемные банки, которые снабжали подъ залоги деньгами за 4 процента, на 8 мѣсяцевъ, и по 6% въ годъ, тогда какъ въ частныхъ рукахъ надо было давать до 20%. Съ этою цѣлію правительство пустило въ оборотъ 2.000.000 р. и допустило уплату ссудъ нетолько въ тѣхъ конторахъ, гдѣ оныя были сдѣланы, но и вездѣ, гдѣ открыты были банки. Такимъ образомъ впервые явились въ Россіи кредитныя учрежденія и переводы суммъ по векселямъ. Для удобствъ торговли Шуваловъ уничтожилъ многія внутреннія таможни и усилилъ пошлины на таможняхъ заграничныхъ, съ цѣлію оградить внутреннее производство отъ иностраннаго соперничества. Вопросъ о покровительствѣ отечественной промышленности посредствомъ пошлинъ на иностранныя произведенія есть вопросъ очень сложный и подвергающійся спору еще въ настоящее время. Чрезмѣрное пониженіе пошлинъ можетъ привлечь такое изобиліе товаровъ изъ странъ болѣе развитыхъ

въ промышленномъ отношеніи, что отечественное производство не въ состояніи будетъ выдержать соперничество и погибнетъ; но съ другой стороны, излишнее ограниченіе ввоза можетъ чрезъ мѣру ослабить соперничество, усыпить рачительность производителей и установить произвольныя цѣны, обременительныя для покупателей. Задача законодателя состоитъ въ томъ, чтобы соразмѣрить всѣ вышеприведенныя условія и не допустить чрезмѣрнаго перевѣса ни въ пользу производителей, ни въ пользу покупателей или потребителей. Что касается Шувалова, то мы должны сказать, что, покровительствуя русской промышленности, онъ имѣлъ въ виду и свои личныя выгоды; пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ, онъ выхлопоталъ себѣ откупъ сальнаго промысла у Колы и Архангельска, таковой же откупъ тюленьяго промысла на Каспійскомъ морѣ и табака по всей Имперіи. Вообще всякіе откупа вредны для промышленности и отяготительны для народа (потому что откупщикъ налагаетъ на свои произведенія такія цѣны, какія хочетъ); когда же, притомъ, человѣкъ съ такимъ вліяніемъ, какъ Шуваловъ, вступаетъ въ промышленныя предпріятія, мудрено, чтобъ онъ не злоупотреблялъ этимъ вліяніемъ и чтобы не уничтожилъ всякаго, кто вступилъ бы съ нимъ въ состязаніе. Шуваловъ это и дѣлалъ; онъ дѣлалъ еще хуже, а именно: „испросилъ себѣ, — пишетъ князь Щербатовъ, — знатные заводы, и между прочими, лучшій въ государствѣ, Гороблагодатскій, и сіе съ такою безсовѣстностію, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія сты тысячъ рублей, былъ оцѣненъ въ 90.000, то онъ не устыдился о дорогой оцѣнкѣ приносить жалобу Сенату, и получилъ сго по новой переоцѣнкѣ не съ большимъ за 40.000 руб.,—заводъ, при

которомъ было приписныхъ до 20.000 душъ, заводъ, приносившій ему послѣ до 200.000 руб. и который послѣ взятъ былъ обратно за его долги за 750.000 р.“

Кромѣ ненасытнаго корыстолюбія, Шуваловъ былъ одинъ изъ самыхъ гордыхъ, надменныхъ и неприступныхъ вельможъ своего времени. О томъ, какъ онъ держалъ себя въ отношеніи тѣхъ, кто въ немъ нуждался, можетъ дать понятіе слѣдующій разсказъ. У извѣстнаго намъ Болотова было дѣло, которое зависѣло отъ гр. Шувалова; не смѣя обратиться къ самому вельможѣ, онъ пошелъ къ его адъютанту и фавориту, Яковлеву. „Вошедъ въ залъ, говоритъ Болотовъ, нашелъ я его весь набитый народомъ; я видѣлъ тутъ множество всякаго рода людей. Были тутъ и знатныя особы и низкаго состоянія люди, всѣ съ нѣкоторымъ родомъ подобострастія ожидавшіе входа въ залъ любимца графскаго“.— „Наконецъ, распахнулися двери и графскій фаворитъ вышелъ въ залъ въ препровожденіи многихъ знаменитыхъ людей, и по большей части такихъ, коп чинами своими были гораздо выше его. Не успѣлъ онъ показаться, какъ сдѣлали ему поклонъ не съ меньшимъ подобострастіемъ, какъ бы то и предъ самимъ графомъ учинили“.—„Я подступилъ съ трепещущими ногами“...

Если адъютантъ Шувалова производилъ трепетъ и вызывалъ такое подобострастіе, какое же впечатлѣніе производилъ онъ самъ?...

Шуваловъ получалъ въ годъ до 400.000 дохода, по словамъ современниковъ, а между тѣмъ это богатство не могло покрыть его непомѣрной расточительности; у него, какъ мы видѣли, остались большіе долги. Подобно ему, страшно сорили деньгами и другіе вельможи того времени. Нынѣшній Аничкинъ дворецъ былъ частнымъ домомъ графа Разумовскаго. Сынъ фельд-

маршала Шереметева, „таскающій, а не носящій свое имя“, по словамъ Щербатова, устроилъ свой домъ на такую широкую ногу, что онъ могъ принимать императрицу со свитою, не будучи предупрежденъ о ея пріѣздѣ. О роскоши Апраксина мы уже знаемъ (стр. 225) малымъ чѣмъ развѣ уступалъ ему одинъ изъ двухъ братьевъ Чернышевыхъ. Нѣкоторые изъ этихъ вельможъ проживали на удовлетвореніе своего тщеславія огромныя наслѣдственныя состоянія, другіе, подобно Шувалову, прибѣгали къ нечестнымъ средствамъ, чтобъ имѣть деньги; о графѣ И. Чернышевѣ Щербатовъ говоритъ, что онъ черезъ разные происки купилъ въ казнѣ мѣдные заводы за 90.000 руб. и потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ обратно продалъ ихъ за 700.000.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что сама императрица поощряла эту страшную роскошь и не обращала большаго вниманія на средства, какими ея вельможи добывали деньги. Елисавета любила блескъ, любила роскошь сама. На одномъ пожарѣ, бывшемъ въ Москвѣ и отъ котораго сгорѣлъ дворецъ, сгорѣло до 4.000 ея платьевъ, а послѣ ея смерти остался гардеробъ съ 15.000 платьями.

Замѣтить однакожь надобно, что роскошь эта, какъ ни была она чрезмѣрна, какъ ни презрѣнны иногда были средства, которыми она питалась, получаетъ болѣе изящный и благородный видъ, нежели прежде; она начинаетъ уже сопровождаться вкусомъ. Страшныя попойки Пѣтровскихъ временъ уже вышли изъ обычая при дворѣ; самъ Разумовскій могъ позволять ихъ себѣ только дома или на охотѣ; пиво и трубки старинныхъ ассамблей удержались лишь въ казармахъ; тяжеловѣсныя любезности франтовъ подобныхъ Левенвольду уступили мѣсто несравненно болѣе изящнымъ

формамъ меньшаго Разумовскаго, или Ивана Шувалова; наконецъ, если великій князь какъ будто старался поддерживать нѣмецкіе нравы, возстановлялъ въ Ораніенбаумѣ обычаи короля Фридриха-Вильгельма и его Tabaks-Collegium, если онъ довольствовался крупнымъ остроуміемъ голштинскихъ экзерцирмейстеровъ, то рядомъ съ нимъ, на половинѣ его супруги, господствовали понятія и вкусы, далеко оставлявшіе за собою пышный, благовидный, но вообще мало развитый дворъ императрицы.

Весьма ограниченная въ своихъ денежныхъ средствахъ и зорко преслѣдуемая нерасположенною къ ней партіею Шуваловыхъ, Екатерина Алексѣевна не давала ни баловъ, ни праздниковъ; но изъ числа лицъ, обращавшихся при дворѣ, все что̀ было наиболѣе серьезно образованнаго или изящнаго въ отношеніи формъ (кромѣ Ивана Шувалова), собиралось и группировалось вокругъ нея. Въ ея живописномъ Ораніенбаумѣ, какъ и въ тѣсныхъ комнатахъ ея петербургскаго дворца (близь Полицейскаго моста), можно было почти ежедневно встрѣтить обоихъ Панинныхъ, Чернышевыхъ, Бецкаго, Строганова, —людей, вскорѣ сдѣлавшихся извѣстными всей Россіи; рядомъ съ ними бывали тамъ нѣкоторые изъ дипломатовъ и молодыхъ людей, составлявшихъ ихъ свиту, между которыми въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы блисталъ Станиславъ Понятовскій, будущій король Польши; наконецъ, тамъ же можно было замѣтить и одну молодую женщину, почти столько же просвѣщенную и остроумную какъ сама великая княгиня,—княгиню Дашкову, женщину — исключеніе между тогдашними русскими женщинами. Вообще маленькій негромкій дворъ великой княгини былъ, можно сказать, зарею новой эпохи, но-

вой жизни для Россіи. Эти молодые люди различныхъ половъ, различныхъ націй и различныхъ состояній встрѣчались между собою безъ чиновъ, запросто; первымъ между ними былъ тотъ, кто приносилъ съ собою болѣе веселости и остроумія,—и первенство въ этомъ отношеніи принадлежало самой хозяйкѣ. „Я думаю, пишетъ княгиня Дашкова въ своихъ любопытныхъ *Запискахъ*, никто въ мірѣ не обладалъ въ равной степени съ Екатериной быстротой ума, неистощимымъ его разнообразіемъ и въ особенности прелестью обхожденія, искусствомъ придавать цѣну самому обыкновенному слову".

Императрица имѣла страсть къ постройкамъ; Петровскій Лѣтній Дворецъ и даже Зимній Дворецъ императрицы Анны уже казались ей тѣсными; на мѣстѣ послѣдняго она начала строить нынѣшній, при ней же построенъ огромный, изящный и великолѣпный дворецъ въ Царскомъ Селѣ, перестроенъ дворецъ Ораніенбаумскій, воздвигнуты превосходная церковь Смольнаго монастыря, Владимірская и Николы Морскаго (въ Петербургѣ); нѣсколько прекраснѣйшихъ частныхъ домовъ построены вельможами Елисаветы, и вообще Петербургъ, еще незадолго предъ тѣмъ пустынный, по большей части состоявшій изъ деревянныхъ построекъ, необыкновенно украсился; дворцовая набережная, какъ видно изъ современныхъ рисунковъ и гравюръ, представляла уже сплошной рядъ огромныхъ каменныхъ зданій.

Всѣ эти постройки стоили, разумѣется, огромныхъ суммъ, которыя вводили частныхъ людей въ долги, а правительство въ излишнія издержки, но нельзя не замѣтить, что въ этой роскоши проглядываетъ то, чего не бывало прежде — художественность. Лучшія постройки этого времени образовали особый *стиль*, ко-

торому, послѣ временнаго пренебреженія, начали въ послѣднее время подражать; творецъ этого стиля у насъ былъ графъ Растрелли,—иностранецъ, которымъ однакожь Россія имѣетъ право гордиться, Растрелліевскіе дворцы и церкви надо было расписывать, и хотя, вообще, живопись не произвела въ это время ничего образцоваго, но нѣкоторые плафоны, росписанные, по тогдашней модѣ, букетами цвѣтовъ и миѳологическими богинями, обращаютъ и теперь вниманіе художниковъ. Вельможи покупали за дорогую цѣну картины заграничныхъ мастеровъ; дома ихъ стали отличаться не только обширностію, не только красивыми фасадами, но и удобствами въ отношеніи внутренняго расположенія; едва ли можно, напримѣръ, вообразить себѣ что-нибудь болѣе благородно-изящное, какъ домъ канцлера Воронцова (нынѣ Пажескій корпусъ).

Всѣ эти прекрасныя произведенія архитектуры, а также музыки и живописи, были большею частію дѣломъ иностранныхъ художниковъ,—гостей въ Россіи; но подъ ихъ вліяніемъ формировались и художники русскіе, и вкусъ распространялся въ обществѣ. Такъ церковь Николы Морскаго построена ученикомъ Растрелли, Чевакинскимъ, и подъ его же руководствомъ формировался Кокориновъ, строитель академіи художествъ. Съ другой стороны, ежедневные почти спектакли при дворѣ подали мысль устроить подобные же спектакли въ кадетскомъ корпусѣ. Императрица живо интересовалась ими, часто на нихъ присутствовала и давала свои брилліанты для женскихъ костюмовъ. Эти спектакли, въ свою очередь, не могли конечно не служить къ развитію въ молодомъ поколѣніи вкуса къ сценѣ, къ драматическому искусству и литературѣ вообще: изъ числа кадетъ-актеровъ нѣкоторые сдѣла-

лись болѣе или менѣе извѣстными писателями, какъ напримѣръ, Бекетовъ, Херасковъ и Сумароковъ.

Мы остановимся нѣсколько минутъ на Сумароковѣ, какъ человѣкѣ, который имѣлъ въ свое время огромную литературную репутацію и упрочилъ за собою названіе отца русскаго театра. Любовь къ словесности и особенно къ театру развивалась въ Сумароковѣ еще въ корпусѣ; бывъ потомъ адъютантомъ при Разумовскомъ, онъ могъ почти ежедневно видѣть оперы, интермедіи и балеты. Въ то же время онъ съ жадностію читалъ модныхъ тогда драматическихъ авторовъ: Корнель, Расинъ, Вольтеръ и Мольеръ сдѣлались его кумирами; онъ рѣшился попробовать подражать имъ на своемъ отечественномъ, очень еще невыработанномъ языкѣ и написалъ трагедію *Хоревъ* (1747).

Не достоинства этого сочиненія, которыя очень незначительны, но необыкновенность появленія оригинальной русской трагедіи,—такъ удивила и восхитила современниковъ, что они провозгласили Сумарокова „россійскимъ Расиномъ“. Ободренный этимъ успѣхомъ, онъ написалъ другую, третью трагедію; принялся за комедію (къ которой едва ли не болѣе имѣлъ призванія),—словомъ, написалъ цѣлый репертуаръ; не было только актеровъ, потому что ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ давно не существовало той труппы и тѣхъ театровъ, которыхъ начало мы видѣли при Петрѣ. (Вып. III, гл. XXIII.)

Между тѣмъ вдали отъ обѣихъ столицъ, въ Ярославлѣ образовалась сама собою, безъ всякихъ приказаній и даже поощреній, русская труппа, неразрывно связанная съ именемъ Волкова. Купеческій сынъ, Ѳедоръ Волковъ учился въ ярославской семинаріи. Тамъ, по примѣру Кіевской и другихъ академій, нерѣдко бы-

вали представленія духовнаго содержанія. Они произвели впечатлѣніе на молодаго купца; когда же потомъ ему удалось побывать въ Петербургѣ и увидѣть на кадетской сценѣ представленіе съ декораціями, освѣщеніемъ и машинами, то Волковъ остолбенѣлъ отъ восторга и изумленія. Будучи человѣкомъ въ высшей степени чувствительнымъ ко всякому художественному впечатлѣнію, будучи и живописцемъ, и музыкантомъ, и скульпторомъ,—и все это самоучкою,—Волковъ въ то же время обладалъ тѣмъ постоянствомъ и терпѣніемъ, безъ которыхъ самыя даровитыя натуры ни до чего не достигаютъ. Волковъ до малѣйшей подробности изучилъ матеріальную сторону сценическаго искусства; то-есть устройство машинъ, расположеніе кулисъ и проч., и возвратясь въ Ярославъ, выпросилъ у родственника, у котораго онъ жилъ, пустой кожевенный сарай; устроилъ тамъ партеръ и сцену, составилъ труппу изъ подобныхъ ему купеческихъ, мѣщанскихъ и подъяческихъ сыновей и далъ представленіе, которое привело въ восторгъ всѣхъ зрителей. Смышленный и практическій, Волковъ, видя какъ ярославское народонаселеніе рвется на его представленія, назначилъ за нихъ плату,—по пятаку за первыя мѣста,—и такимъ образомъ мало-по-малу накопилъ сумму, на которую могъ уже выстроить (1752) общественный публичный театръ для 1.000 зрителей.

Вкусъ къ театру между тѣмъ сильно распространился въ Петербургѣ; въ разныхъ частныхъ домахъ бывали вечера и балы со спектаклями. Поэтому не удивительно, что тамъ скоро заговорили о ярославскомъ театрѣ. Императрица пригласила Волкова съ его труппою, пожелала видѣть ихъ представленія на дворцовой сценѣ и была ими отмѣнно довольна, а черезъ че-

тыре года (1756) издала указъ объ учрежденіи публичнаго театра. Первымъ его директоромъ и почти единственнымъ драматическимъ писателемъ былъ Сумароковъ; изъ актеровъ же, Волковъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ талантливый, а его другъ и сотрудникъ Дмитревскій—великій артистъ.

Здѣсь мы должны поговорить о другомъ еще болѣе замѣчательномъ, геніальномъ русскомъ самородкѣ—Ломоносовѣ. Всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ онъ шестнадцатилѣтнимъ юношей, тревожимый жаждою знанія, тайно оставилъ родительскій домъ и пѣшкомъ притащился изъ Холмогоръ въ Москву. Непривѣтливы должны были ему показаться на первыхъ порахъ жизнь и наука! „Имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу; прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды“. Такъ описывалъ онъ И. И. Шувалову свою жизнь въ Заиконоспасской духовной академіи и заключалъ слѣдующими словами: „Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ“! Ѳеофанъ Прокоповичъ, тогда уже старикъ, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти посѣтивъ Московскую академію, замѣтилъ тамъ Ломоносова и благословилъ его на трудъ и науку. Въ 1737 году посланъ онъ былъ за границу для усовершенствованія и отданъ подъ надзоръ знаменитому въ то время ученому Вольфу, который, порицая его за безпорядочную жизнь, съ уваженіемъ отзывался о его способностяхъ и успѣхахъ въ наукахъ.

Между тѣмъ какъ Ломоносовъ слушалъ лекціи нѣмецкихъ профессоровъ и кутилъ съ нѣмецкими студентами, до него дошла вѣсть о громкой побѣдѣ Миниха подъ Ставучанами и о взятіи Хотина. Взыграло его

русское сердце и отозвалось одою, которая начинается слѣдущими стихами:

2 1 4 5 3
Корабль, какъ ярыхъ волнъ среди *,
Которыя хотятъ (его) покрыти,—
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верхи,
Претитъ (не даетъ) съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ...
Къ россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ (ее), тьмы Татаръ.

Каковы бы ни казались намъ теперь эти стихи, но послѣ виршей Третьяковскаго и Кантемира, они, будучи получены въ Петербургѣ, поразили своею благозвучностью. И точно, въ нихъ слышится музыкально-правильное удареніе (метръ), тогда какъ до того времени всѣ русскіе стихи были не что иное (въ отношеніи благозвучія), какъ „рубленная проза“ съ риѳмами. Самъ современникъ Ломоносова, Сумароковъ, человѣкъ притомъ не безъ таланта, не умѣлъ найти въ русской рѣчи той музыкальности, которая даетъ русскому стиху огромное преимущество предъ французскимъ, напримѣръ.

Ломоносовъ возвратился изъ Германіи въ началѣ царствованія Елисаветы, предшествуемый уже репутаціей перваго русскаго *піиты*, и чѣмъ болѣе писалъ онъ, тѣмъ болѣе росла его слава. Нѣкоторыя строфы его и до сего времени не потеряли своей свѣжести и замѣчательны яркостью воображенія и силою мысли, какъ напримѣръ слѣдующія:

---

* Для болѣе удобнаго пониманія этого весьма неправильнаго стиха поставлены цифры въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовало бы, по свойству языка, стоять словамъ.

Лицо свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи (солнца) отъ насъ сокрылись прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна...
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна!

2 1
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ искра мала въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,

3 4 1 2
Въ свирѣпомъ какъ неро огнѣ.
Такъ я въ сей бездиѣ углубленъ
Теряюсь, мыслью утомленъ...
Но гдѣ жь, природа, твой законъ?.

спрашиваетъ поэтъ? скажите, говоритъ онъ, ученые:

1 2
Что зыблетъ яркій нощью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія, безъ черныхъ тучъ,
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ,—
Скажите жь, какъ пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?..
Невидимъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жь, какъ великъ Творецъ?

Подъ нѣкоторыми изъ приведенныхъ стиховъ съ гордостію подписалъ бы свое имя и поэтъ настоящаго времени: сто лѣтъ же тому назадъ они приводили въ изумленіе; едва ли кто-нибудь подозрѣвалъ тогда, что русскій языкъ способенъ къ такой силѣ и къ такому благозвучію!

Но поэзія не была самою сильною стороной необы-

кновенно богатой природы Ломоносова; стихотворенія едва ли занимаютъ четвертую часть всѣхъ его сочиненій. Его умъ работалъ еще болѣе, чѣмъ его воображеніе, и ученые труды Ломоносова поражаютъ своимъ разнообразіемъ. Онъ составилъ грамматику русскаго языка, по которой выучилось нѣсколько поколѣній; онъ установилъ правила стихосложенія, которыя и теперь въ основаніяхъ своихъ всѣми признаются, писалъ о химіи, физикѣ, астрономіи, металлургіи, геологіи, составилъ русскую исторію, писалъ предположеніе о большихъ ученыхъ экспедиціяхъ и записки, касающіяся государственныхъ вопросовъ (какъ напримѣръ, о мѣрахъ къ усиленію и сохраненію народонаселенія въ Россіи): словомъ, необыкновенный умъ Ломоносова касался, кажется, всѣхъ отраслей умственной дѣятельности.

Ломоносовъ былъ сдѣланъ членомъ Петербургской академіи наукъ; но и здѣсь, какъ всюду, въ царствованіе Анны, господствовали Нѣмцы; Ломоносовъ же былъ изъ числа тѣхъ, которые, благоговѣя предъ дѣлами Петра и указанною имъ европейскою наукой, тяготились иностранною опекой и оскорблялись, когда Нѣмцы выдвигали своихъ земляковъ въ ущербъ достойнымъ Русскимъ. Однажды, читая предположеніе о выпискѣ изъ-за-границы новыхъ профессоровъ, Ломоносовъ съ горечью отмѣтилъ сбоку: „не выписать ли и учениковъ изъ границы!“ Безпрестанно возникали споры и пререканія между Ломоносовымъ и его сочленами, причемъ, будучи очень вспыльчивъ и упрямъ, онъ не всегда бывалъ правъ. Крутой и рѣзкій нравъ доводилъ его до частыхъ ссоръ и внѣ академіи, напримѣръ съ его собратами по литературѣ,—Тредьяковскимъ и Сумароковымъ. Все это могло бы очень повредить Ло-

моносову; по счастію, у него были сильные покровители,—графъ Воронцовъ и К. Г. Разумовскій, щеголявшіе квоею благосклонностію къ первому русскому ученому и стихотворцу. Но всѣхъ сильнѣе, искреннѣе и постояннѣе покровительствовалъ ему Иванъ Шуваловъ.

Шуваловъ имѣлъ много недостатковъ; онъ былъ слабохарактеренъ, лѣнивъ и безпеченъ, но тѣмъ не менѣе онъ представляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій своего времени; характеры сильные и энергическіе были не рѣдки въ первой половинѣ XVIII вѣка, но крайне рѣдки были натуры мягкія, благосклонныя, снисходительныя. Не громкія дѣла плѣняли Шувалова, какъ людей Петровской эпохи, но мирные успѣхи наукъ и художествъ. Поэтому, если слабость характера дѣлала его нерѣдко орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ его двоюроднаго брата, то сердечное сочувствіе сблизило его съ Ломоносовымъ, отъ котораго онъ многому, конечно, научился, и,—что̀ важнѣе для насъ,—съ которымъ вмѣстѣ онъ обдумывалъ средства къ распространенію въ Россіи просвѣщенія. Результатомъ этихъ совѣщаній былъ обширный планъ устройства по уѣзднымъ городамъ народныхъ школъ, по губернскимъ—гимназій и, наконецъ, въ Москвѣ—университета. Первою потребностію казалось устроить университетъ, такъ какъ онъ долженъ былъ снабжать Россію учителями, что̀ по мысли Петра должна была сдѣлать, но не сдѣлала академія.

Въ своемъ докладѣ Сенату объ этомъ предметѣ. Шуваловъ писалъ, что надо желать чтобъ было у насъ „довольно національныхъ достойныхъ людей въ наукахъ“; что отъ распространенія образованности „въ отдаленномъ простомъ народѣ, суевѣріе, расколы и

тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся". Сенатъ одобрилъ предположеніе Шувалова, и Московскій университетъ въ 1755 году получилъ свое основаніе.

Въ заключеніе этого очерка царствованія Елисавсты скажемъ два слова о смерти императрицы. Уже лѣтомъ 1761 года ея здоровье совершенно разстроилось; припадки болѣзни, о которыхъ было упомянуто по случаю опалыгБестужева, дѣлались все чаще и чаще, и слабость, которая за ними слѣдовала, продолжалась все долѣе и долѣе, такъ что она по нѣскольку дней оставалась безъ сознанія. Совершенно больная, она перевезена была въ концѣ лѣта изъ Петергофа въ Петербургъ и здѣсь скончалась 25-го декабря,пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ не громкую, но вообще добрую память. Правда, правленіе ея можно упрекнуть во многомъ: въ не довольно самостоятельной иностранной политикѣ, въ недостаткѣ бдительности по дѣламъ внутреннимъ, отъ чего произошло много частнаго зла и примѣры беззаконнаго обогащенія достигли громадныхъ размѣровъ; но ея царствованіе было, можно сказать, изведеніемъ Россіи изъ нѣмецкаго плѣна, причемъ ни мало не понизился, но напротивъ значительно возвысился уровень просвѣщенія. Многое изъ того, что̀ дало блестящіе плоды при Екатеринѣ II, было посѣяно при Елисаветѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Царствованіе Екатерины I.

Стр.

Характеръ Петрова царствованія въ сравненіи съ послѣдующими.—Неопредѣленность престолонаслѣдія. — Между сановниками образуются двѣ партіи: за великаго князя Петра и за императрицу. —Меншиковъ и Бассевичъ.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Екатерина провозглашена царствующею государыней (1725).—Награды и милости.—Подметныя письма и народные толки.—Верховный Совѣтъ и его начинанія.—Всеобщая распущенность.—Паденіе Ѳеодосія и происки приверженцевъ патріаршества.—Внѣшняя политика.—Виды на Курляндію и замыслы Меншикова.—Новыя партіи по поводу престолонаслѣдія.—Замыслы Толстаго, Девіера и пр.—Меншиковъ поддерживаетъ права великаго князя.—Завѣщаніе и смерть Екатерины (1727). 1

Царствованіе Петра II.

Вступленіе на престолъ Петра II (1727).—Значеніе Меншикова усиливается еще болѣе.—Образъ жизни Петра.—Государя возстановляютъ противъ Меншикова.—Нѣкоторые сдѣланные имъ промахи.—Арестъ Меншикова и его ссылка.—Новые любимцы.—Голицыны и Долгоруковы.—Государь отправляется въ Москву.—Долгоруковы вполнѣ имъ овладѣваютъ.—Его образъ жиз-

Стр.

ни въ Москвѣ.—Обрученіе его съ княжною Екатериною Долгоруковою.—Болѣзнь и смерть его (1730) 29

Царствованіе Анны Іоанновны.

I. Замыслы Долгоруковыхъ во время болѣзни государевой.—Замыслы кн. Д. Голицына.—Избраніе на престолъ Анны Іоанновны (1730).—Предложенныя ей „кондиціи“ и депутація къ ней посланная отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Другія сдѣланныя ей сообщенія.—Она принимаетъ престолъ и кондиціи.—Въ Москвѣ обнаруживается неудовольствіе противъ Верховнаго Совѣта.—Челобитныя поданныя дворянствомъ.—Затруднительное положеніе верховниковъ.—Прибытіе императрицы.—Тайныя сношенія съ нею ея приверженцевъ.—Они подаютъ ей челобитную (25-го февр.) о пересмотрѣ кондицій и потомъ другую о принятіи самодержавія.—Императрица разрываетъ кондиціи и принимаетъ самодержавіе 45

II. Политическія мысли Голицына.—Причины неудовольствія дворянства противъ нихъ.—Мысли выраженныя въ челобитной дворянства.—Сличеніе тѣхъ и другихъ мыслей съ мыслями прежняго времени.—Передовые люди молодаго поколѣнія: Татищевъ, Кантемиръ.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Противники его въ средѣ духовенства.—Его полемика противъ Ст. Яворскаго.—Католическое вліяніе.—Ѳеофилактъ Лопатинскій.—Слѣдствіе надъ Ѳеофилактомъ.—Школы, музеи и пр.—Академія.—Ученыя экспедиціи 58

III. Первыя дѣйствія новаго правительства. Преслѣдованіе Долгоруковыхъ.—Нѣмецкая партія.—Биронъ.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Уступка прикаспійскихъ провинцій.—Вопросъ о польскомъ престолѣ.—Причины слабости Польскаго государства.—Сочувствіе русскихъ областей этого государства къ Россіи.—Участіе различныхъ европейскихъ дворовъ въ избраніи польскихъ королей.—Старанія гр. Левенвольда въ пользу Саксонскаго курфирста.—Избирательный сеймъ.—Вступленіе въ Польшу Ласси.—Избраніе Станислава Лещинскаго.—Избраніе Августа III (1733).—Осада Гданска.—Миниха.—Бѣгство Станислава.—Умиреніе Польши 75

IV. Усиленіе нашего вліянія въ Польшѣ.—Принесло ли оно пользу

Стр.

Россіи?—Сочувствіе къ Россіи русскихъ областей Польскаго государства.—Въ чемъ должно было бы состоять наше вмѣшательство въ польскія дѣла?—Національная политика.—Опасность которой насъ подвергалъ союзъ съ Австріей.—Отношенія наши къ Курляндіи.—Виды на нее Бирона.—Избраніе его герцогомъ Курляндскимъ. 104

V. Разрывъ съ Турціей.—Походъ 1736 года: взятіе Азова и разореніе Крыма.—Походъ Ласси въ Крымъ въ 1739 году и взятіе Очакова Минихомъ.—Походы Миниха 1738 и 1739 годовъ: Ставучанская побѣда и взятіе Хотина. — Бѣлградскій миръ.— Что принесла война и что она стоила?—Неудовольствія съ Польшей и Швеціей.—Убіеніе майора Синклера. 112

VI. Взглядъ на внутреннее управленіе.—Налоги и ихъ взысканіе.— Доимочная канцелярія.— Побѣги.— Голодъ.— Разбои.—Закамскій край.—Башкирское возстаніе.—Мнимый царевичъ Алексѣй.—Духовенство. —Дворъ императрицы.—Заточеніе князя Д.Голицына.—Послѣдній актъ трагедіи Долгоруковыхъ.—Кн.Наталья Долгорукова.—Волынскій.—Шутовская свадьба и Ледяной домъ.—Тредьяковскій.—Процессъ и казнь Волынскаго.— Слова Екатерины II объ этомъ процессѣ 122

Царствованіе Іоанна III.

Принцъ Антонъ-Ульрихъ.—Бракосочетаніе его.—Болѣзнь императрицы. — Назначеніе наслѣдника. — Вопросъ о регентствѣ. — Назначеніе Бирона регентомъ. — Смерть императрицы (1740). — Заговоръ графа Головкина.— Отношенія къ Бирону родителей государя. — Минихъ принимаетъ сторону послѣднихъ.—Арестованіе Бирона.—Анна Леопольдовна принимаетъ правленіе. — Положеніе, которое Минихъ хотѣлъ принять при новомъ правительствѣ.—Судъ надъ Биропомъ.—Вражда Миниха съ Остерманомъ и удаленіе отъ дѣлъ перваго изъ нихъ.— Положеніе Россіи въ дѣлахъ европейской политики.—Характеристическая черта правленія Анны Леопольдовны. 152

Царствованіе Елисаветы Петровны.

Взглядъ назадъ: стремленіе къ новизнѣ и заимствованію и противодѣйствіе ему, замѣчаемыя еще въ XVII вѣкѣ.—Роль

Стр.

Петра въ этой борьбѣ новаго со старымъ.—Чрезмѣрность при Аннѣ чужеземнаго вліянія.—Реакція противъ Нѣмцевъ и симпатіи къ Елисаветѣ Петровнѣ.—Сила обстоятельствъ выдвигаетъ ее на политическую сцену.—Шетарди, Нолькенъ и Лестокъ.—Преданность гвардіи цесаревнѣ.—Лестоку угрожаетъ арестъ.—Преображенцы вызываются помогать цесаревнѣ.—Ночь 24—25-го ноября 1741 г.—Впечатлѣніе произведенное вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны; сочувствіе къ ней духовенства.—Люди возвышенные послѣднимъ переворотомъ: Бестужевъ, Шуваловы, Лестокъ, Разумовскій и др.—Люди низвергнутые этимъ переворотомъ: Остерманъ, Минихъ и др.—Судъ надъ ними.—Бирономъ. 176

II. Манифестъ Елисаветы.—Ея старанія предать забвенію предшествующее царствованіе.—Принцъ Петръ Голштинскій.—Война со Шведами.—Взятіе Фридрихсгама.—Отступленіе Левенгаупта.—Онъ кладетъ оружіе.—Абоскій трактатъ (1743).—Судьба Брауншвейгской фамиліи.—Бестужевъ усиливается.—Происки маркиза Ботты и процессъ Лопухиныхъ.—Избраніе невѣсты великому князю.—Бестужевъ одолѣваетъ Шетарди.—Торжество такъ-называемой русской партіи.—Алексѣй Разумовскій.—Малороссія.—Стѣсненіе ея правъ и причины тому.—Избраніе гетмана.—Къ чему привело это избраніе. 193

III. Сторонники австрійскаго и прусско французскаго союза.—Паденіе Лестока и судъ надъ нимъ.—Положеніе Европы передъ Семилѣтнею войной.—Фридрихъ II.—Личная непріязнь къ нему императрицы.—Онъ вторгается въ Саксонію безъ объявленія войны.—Различныя вліянія, дѣйствовавшія при нашемъ дворѣ.—Воронцовъ и Шуваловы.—Великая княгиня и малый дворъ.—Версальскій договоръ.—Апраксинъ.—Походъ 1757 года; сраженіе при Гроссъ-Егерсдорфѣ.—Отступленіе Апраксина.—Судъ надъ нимъ.—Судъ надъ Бестужевымъ.—Щекотливое положеніе великой княгини.—Снисходительный приговоръ надъ Бестужевымъ.—Походы Фермора, Солтыкова и Бутурлина: сраженіе при Цорндорфѣ и Куперсдорфѣ; занятіе Кенигсберга и Берлина. 215

IV. Полезна ли была Россіи война съ Пруссіей?—Что она намъ стоила?—Число жителей въ Россіи по 2-й ревизіи.—Бродяжничество; разбои.—Раскольники.—Обращеніе иновѣрцевъ.—

Стр.

Изданіе библіи.—Духовенство.—Жизнь въ провинціи небогатыхъ дворянъ.—Пробужденіе охоты къ ученію въ дворянскомъ сословіи.—Первоначальное воспитаніе юношества. 232

V. Понятія о шляхетствѣ или дворянствѣ въ XVIII вѣкѣ.—Графъ П. И. Шуваловъ.—Межеваніе, начертаніе Уложенія; банки; таможни.—Откупа.—Жадность, надменность и расточительность Шувалова.—Роскошь Елисаветинскихъ вельможъ.—Обычаи Голштинскаго двора.—Общество великой княгини.—Развитіе вкуса въ обществѣ.—Постройки и спектакли.—Сумароковъ.—Волковъ.—Начало русской труппы.—Ломоносовъ какъ поэтъ и ученый.—И. И. Шуваловъ.—Московскій университетъ (1755).—Смерть Елисаветы Петровны (1761). 250

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
111
.S13
1874
vyp.1

Shchebal'skiĭ, Petr Karlovich
Chtenie iz russkoĭ istorii